

„О чем лают собаки“

О чём лают собаки

Автор: [Котенкова Е.](#)

Название: О чем лают собаки

ISBN: 5-7030-0430-6

Издательский дом: Патриот

Год издания: 1991

Аннотация:

В популярной форме сборник рассказывает о своеобразном мире собак, их поведении, «языке». Материалы помогут собаководам лучше понять своих питомцев и на основе «взаимопонимания» строить отношения с ними. Для широкого круга читателей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Про собак написано много, очень много. «...Никакое другое животное на земном шаре не пользуется таким уважением, дружкой и любовью, какие заслужила себе собака со стороны человека, — читаем мы в замечательной брэмовской „Жизни животных“. — Собака составляет самое замечательное, совершенное и полезное из всех приобретений, которые когда-либо сделал человек, весь вид в целом сделался нашей собственностью: каждая особь его вполне принадлежит человеку, своему хозяину, соображается с его потребностями, знает и защищает его имущество и остаётся верной ему до самой смерти. Все это она делает к тому же не из нужды, не из боязни, но исключительно из чистой любви и привязанности...»

Действительно, собаку можно встретить везде, где живут люди: и в современном промышленном городе, и в стойбище оленеводов. Не правда ли, удивительно, что собака следует за человеком даже в те места, где не способно выжить больше ни одно домашнее животное? Можно встретить этих преданных спутников человека даже в Африке, в джунглях Анголы. Правда, там они очень тощи, им не хватает корма, а глаза полностью лишены того весёлого выражения, которым встречает нас преданный пёс.

Но знаем ли мы собак? Умеем ли понимать их? А ведь человек обязан своим четвероногим друзьям очень многим. Вот далеко не полный перечень собачьих обязанностей и заслуг: собаки-пастухи и собаки-охотники, собаки-сторожа, ездовые, розыскные и даже собаки-космонавты.

Под Ленинградом, в Колтушках, можно увидеть памятник собаке. Раньше здесь работал известный физиолог И.П. Павлов, большую часть своих экспериментов, получивших мировую известность, он провёл на собаках. Так что собака вполне заслужила памятник. Но в нашей книге речь пойдёт не об этом. Большинство авторов учёные — этнологи, экологи, зоопсихологи. Работая с разными объектами, и в том числе с собаками, они пытаются расшифровать их язык, понять, как организованы сообщества, группы. Поэтому и на собак они смотрят как профессионалы, то есть несколько иначе, чем обычные владельцы. В специальных руководствах по собаководству можно найти много нужных и полезных сведений о содержании, кормлении и дрессировке собак. Там же можно выяснить, соответствует ли ваш питомец общепринятым эталонам красоты, получить ряд сведений об окрасе шерсти, длине хвоста, а также и не очень нужную владельцу информацию о том, например, какие переходы в окраске встречаются у собак данной породы, ну, скажем, в Англии. Почти обо всех породах говорится, что её представители умны, преданы хозяину, послушны. Иногда, правда, приводятся сведения и о темпераменте, характерном для собак той или другой породы, но сведения эти, как правило, крайне скудны. И, увы, основываясь на подобных руководствах, выбрать подходящую собаку, каждый должен помнить: он выбирает друга, который будет жить с ним рядом десять — четырнадцать лет. И как грустно

ошибиться в своих надеждах. К сожалению, многие судят о характере собак определённой породы на основании прочитанных художественных произведений или просмотренных кинофильмов. Вспомните американский фильм о колли Лесси. Героиня его наделена удивительными качествами: интуицией, умением понимать мысли не только человека, но и других животных. После этого многие решили заводить именно колли.

Часто в художественных произведениях человек отражает своё стремление к «идеалу собаки». Увы, реальные псы часто не обладают в полной мере всеми «идеальными» качествами, что в большей степени зависит от самих хозяев.

В нашей книге мы хотели помочь будущим или уже состоявшимся владельцам выбрать или понять четвероногого друга. Как ведут себя реальные колли, ньюфаундленды, таксы и миттельшнауцеры, каковы их привычки, повадки, темперамент, злые они или добрые, медлительные или, наоборот, отличаются быстротой реакции? Что означает, когда собака виляет хвостом или «улыбается»? правда, надо помнить, что не бывает двух одинаковых мышей, не то что собак. Это мы можем утверждать с полной ответственностью. Но всё-таки есть некоторые характерные черты, присущие представителям каждой породы.

Мы надеемся, что книга поможет вам выбрать собаку именно той породы, которая лучше всего будет отвечать вашим привычкам, особенностям характера. И если, прочитав книгу, вы ещё больше подружитесь со своим питомцем, то мы будем очень рады.

*Кандидаты биологических наук,
научные сотрудники Института
эволюционной морфологии
и экологии животных
им. А.Н. Северцова АН СССР
Е.В. Котенкова, А.В. Суворов.*

Глава I

Родословная собаки

А. Д. Поярков

ДИКИЕ РОДСТВЕННИКИ СОБАК

Домашняя собака принадлежит к роду волков *Canis*, который является центральным в семействе собачьих *Canidae* и включает крупных представителей. В этот род входят семь или восемь видов, в зависимости от того, будем ли мы считать американского рыжего волка за самостоятельный вид или подвид. Кроме собаки в этот род входят волк (*C. lupus*), шакал обыкновенный (*C. aureus*), койот (*C. latrans*), рыжий волк (*C. rufus*), чепрачный шакал (*C. mesomelas*), полосатый шакал (*C. adustus*) и эфиопский шакал (*C. simensis*).

Три последних вида — обитатели Африки, койот и рыжий волк живут в Северной Америке, обыкновенный шакал распространён на севере и востоке Африки, в Южной Азии и на юге Европы и, наконец, волк заселяет Северную Америку, Европу и большую часть Азии.

Шакал

Шакалы — мелкие представители рода (с некрупную дворняжку). Основу их питания составляют грызуны, рептилии, птицы и крупные насекомые. Известны шакалы как падальщики и комменсалы. Падаль и остатки добычи крупных хищников особенно значимы для обыкновенного и почти отсутствуют в питании эфиопского шакала. Эфиопский шакал — очень редкий, занесённый в Международную Красную книгу. Полосатый шакал распространён на юге Африки и встречается реже обыкновенного и чепрачного шакалов. Последний очень красивый и изящный зверь. Он лёгок и быстр, по бокам идут широкие

чёрные полосы, голову с острой мордой венчают большие уши. Исследования социальной организации и экологии чепрачного и обыкновенного шакалов, проведённые Патрицией Моехман в Серенгети, показали существенную разницу в экологии двух видов. Чепрачный шакал прежде всего охотник на мелких грызунов, тогда как в питании обыкновенного шакала основную роль играет мясо крупных животных, в первую очередь детёнышей газелей Томпсона. Мать-газель защищает детёныша, но шакалы, атакующие парой, могут добиться успеха. При этом один зверь отманивает мать, а второй убивает детёныша. Сама охота выглядит как раскачивание маятника матери-газели вокруг малыша. Шакалы нападают то один, то другой; если самка-газель окажется недостаточно опытной и слишком возбудимой и будет довольно далеко преследовать шакала, второй убьёт её детёныша. Шакалов напрасно называют трусами. Супруги Лавик-Гудолл, например, наблюдали, как пара шакалов прогнала от своего логова пятнистую гиену — зверя очень хищного и более крупного, чем наш волк, когда та хотела съесть их щенков в логове. Атакуя гиену, шакалы действовали слаженно и решительно.

Чепрачный шакал

Койот — более крупный зверь, чем шакалы, и экологически более универсальный. Он живёт на большей части Североамериканского континента, от пустынь Центральной Америки до лесов Канады. Койоты образуют много подвидов. В основном они похожи на шакалов, но способны справляться с более крупной добычей, такой, как олениха или овцы. Койот хорошо приспосабливается к человеку и поселяется даже на окраинах городов. Это очень умное и хитрое животное, которое, несмотря на интенсивнейшее преследование со стороны человека, сохранилось практически на всём своём ареале.

Койот

Американский рыжий волк, напротив, — очень редкий зверь. По размерам и многим другим характеристикам он занимает промежуточное положение между койотом и волком. Некоторые учёные считают его особым подвидом волка, некоторые приписывают ему самостоятельный видовой статус, а часть классифицируют как гибрид между волком и койотом. Рыжий волк в малом количестве сохранился на юго-западе Северной Америки.

На территории СССР обитают два вида ближайших родственников собаки: волк и шакал. Волк распространён на всей территории нашей страны, от полярной тундры до пустынь Средней Азии. Обыкновенный шакал проникает только в южные районы, на Кавказ и в долины Средней Азии.

Обыкновенный, или золотой, шакал — зверь величиной с некрупную собаку, сильно уступает волку по размерам и силе. Выделяют три подвида обыкновенного шакала: африканский, азиатский и европейско-закавказский. Самый хищный подвид — африканский. В СССР живут европейский и азиатский подвиды. Шакалы живут семьями. Каждая семья имеет свой участок, который прекрасно знает. Внутри участка обитания выделяются наиболее значимые для шакалов места: логова, днёвки, берега озёр, рек, ручьёв и тропы. Логово — место, где рождаются шакалята. Это либо норы, либо куртины гигантских злаков и заломы тростника. В логове детёныши находятся около двух месяцев, после чего семья переселяется на днёвку. Днёвка — место, на котором живут взрослые с шакалятами, когда те начали передвигаться, знакомиться с миром и много играть. Днёвка всегда располагается в труднодоступном месте, чаще всего в густых зарослях. Она может быть рядом с логовом, а может находиться и на значительном (до двух километров) удалении от него. Днёвка — это несколько выбитых площадок, связанных сетью троп и коридоров, проходящих в зарослях. На ней шакалы проводят большую часть дня, пережидая дневную жару, отдыхая. Вечером

звери пробуждаются, и начинается активная жизнь. Молодые ещё до наступления темноты отправляются на обследование ближайших окрестностей днёвки. Если поблизости есть водоём, то, как правило, в первую очередь шакалята посещают его берега, где пытаются поймать лягушек, найти выброшенную рыбу, схватить птенца околотоводных птиц, — словом, обучаются приёмам охоты, да и вообще жизни. Все лето шакалята не отходят далеко от днёвки и большую часть ночи предоставлены самим себе. У взрослых шакалов много забот: проверка участка, оставление своих меток, получение информации о соседях и иногда выяснение отношений с ними и, конечно же, добыча пропитания для себя и молодых.

Раньше считалось, что шакалы живут парами, весной у них рождается потомство, которое живёт с родителями лето, а осенью покидает родительский участок и начинает вести самостоятельный образ жизни. В последнее время выяснилось, что это упрощённая картина, и иногда молодые остаются с родителями дольше, так что на следующий сезон размножения с родителями живут дети двух генераций: этого и прошлого года рождения. Подобная картина встречается довольно широко у птиц и зверей. Дети старшего поколения называют их помощниками.

Демонстрируя угрозу, шакал шипит и выворачивает голову широко у птиц и зверей.

На мой взгляд, шакалы — очень важный элемент колорита местности. Вечерами и ночью их вой — одна из главнейших мелодий южной ночи; сами шакалы, хотя и ведут ночной образ жизни, благодаря своей смелости перед человеком часто дают о себе знать.

Шакалы отличаются не только большой смелостью и «непочтительностью» к человеку, но и удивительной сообразительностью. Я, например, сам видел, как они вытаскивали на берег заброшенные донки и съедали с них пойманную рыбу. Они прекрасно знают, что происходит на их участке. Живя на кордоне заповедника Тигровая Балка, около которого обитала большая семья шакалов, я не раз обнаруживал наблюдающего за мной шакала. Вечером или в лунную ночь видны лёгкие тени, скользящие по территории кордона, — это шакалы, обследующие свой участок.

Шакал очень часто тяготеет к человеку, который поставляет ему изрядное количество пропитания в виде самых разнообразных отходов, плодов, а иногда и в виде домашней птицы.

Мне кажется, что если бы шакалы не были, то они были бы гораздо менее интересными и заметными. Вой — средоточие и кульминация шакальей жизни, если не для самих шакалов, то, по крайней мере, для наблюдателя. Представьте себе тёплую южную ночь: после дневной жары проснулась, задвигалась жизнь. Тысячи кузнечиков, сверчков и цикад создают многоголосый несмолкаемый хор, но их пение, хотя и очень колоритно, все же приземлённо, оно не поднимается в небо. Вы сидите и слушаете ночь — и вдруг в её однообразии что-то изменилось, где-то в небе повисла золотая нота. Вот она истончилась и пропала, но почти тут же снова возникла, стала сильнее и настойчивей. Это завыл шакал. Все прочие звуки ночи отступили на второй план.

Сначала звуки его песни ровные и протяжные, они идут на одной ноте, которая плавно понижается и сходит на нет. Затем шакал начинает выть по-другому, его вой становится раскачивающимся, частота то понижается, то поднимается снова, кажется, что он о чём-то просит, просит настойчиво. И вот в темноте ночи появляется то, о чём он просил. В небо поднимаются сперва один, затем другой, и ещё и ещё голоса. Они стремительно нарастают и ширятся. Не соблюдая чёткой упорядоченности воя первого шакала, они заполняют пространство мощным хором какофоний. Сейчас уже все прочие звуки не только отступили на второй план, а просто вытеснены из вашего восприятия. Это ответный вой детей того, кто начал ночную песню.

Вой — непонятный и ещё очень мало исследованный феномен. Однако уже сейчас ясно, что его значение в жизни шакалов многообразно. Так, летом описанный выше сложный

вой, который мы называли семейным, вероятно, служит для привлечения молодых шакалов к днёвке, куда взрослый шакал или шакалы приходят их кормить. Если вспомнить, что шакалята бродят около днёвки, а не сидят на месте, то привлечение их на днёвку воем покажется очень рациональным, с точки зрения экономии времени взрослых. Помимо этой важной функции, вой может выполнять ряд других. Американские исследователи Харрингтон и Меч пришли к выводу, что групповой вой волков исполняет роль территориальной метки, то есть свидетельствует о том, что на данной территории находится группа волков. В некоторых ситуациях волки и шакалы не только переключаются воем, но и призывают другого зверя.

А. А. Никольский обратил внимание на то, что вой волков могут быть спонтанными, когда вой начинают все члены стаи почти одновременно, и вызванными — в ответ на вой одного из членов стаи, находящегося на расстоянии. Оказалось, что спонтанные и вызванные вой имеют разную сезонную динамику, то есть вызванные наиболее часто слышатся в летние и осенние месяцы, а зимой редки, а спонтанные — наоборот. Ясно, что социальная изоляция не может быть причиной спонтанного воя, так как все члены группы в этот момент находятся вместе. В таком случае, не есть ли вой — проявление и кульминация чувства слитности с членами своей стаи, манифестация собственного достоинства и силы своих?

Изучая вой шакалов, А. А. Никольский и автор обнаружили интересный феномен, названный нами слиянием индивидуальных признаков в групповом вое. На наш взгляд, он подтверждает предположение, высказанное выше. Суть феномена состоит в том, что группа шакалов, состоящая из нескольких взрослых и переярков (детей прошлого года рождения), начинает вой. Сначала шакалы воют последовательно один за другим. Затем в процессе вокализации сигналы шакалов сближаются и по частоте и по времени, так что становится невозможно выделить индивидуальные характеристики воев. На наш взгляд, слияние индивидуальных признаков служит для демонстрации сплочённости группы. Шакалы показывают своим соседям, что на этом месте находится не просто группа, а именно коммуникативно сплочённая семья. Описанный феномен интересен и в более широком смысле. Дело в том, что большинство млекопитающих, как это ни покажется странным, — плохие имитаторы звуков. Однако человеческий язык практически полностью строится на обучении, на основе сильно развитой имитационной способности. Слияние признаков воя также является примером подражания, правда, это подражание очень простое, оно не выходит за рамки видоспецифичных сигналов (шакалы подражают друг другу, а, например, не оленям или ещё каким-нибудь другим зверям), но всё же это пример взаимной акустической подстройки. Интересно, что слияние индивидуальных признаков чаще наблюдается в ситуации межгрупповых переключек или в местах концентрации шакалов разных семей, то есть в критических случаях, где слаженное поведение членов одной семьи может быть очень важным и резко повышать шансы семьи в агрессивных конфликтах.

Из ныне живущих представителей семейства собачьих **волк** — самый крупный и интересный зверь. Ни один вид семейства, кроме обыкновенной лисы, не имеет такого обширного ареала, ни один не подвергался столь интенсивному преследованию со стороны человека и ни один не противостоит этому натиску столь успешно. Правда, ситуация в некоторых регионах мира в последнее время изменилась. Пожалуй, волк — охотник на крупную добычу — наиболее ярко представляет весь род *Canis*, демонстрирует его возможности.

В последние три-четыре десятилетия волк очень интенсивно изучается, особенно в США и Канаде. Не будет преувеличением сказать, что сейчас существует особая отрасль зоологической науки — волководение — со своими методами, традициями и школами. Десятки монографий и сборников, сотни статей, в которых публикуются результаты изучения волка и практические рекомендации по управлению его популяциями, подтверждают это и показывают страстный интерес зоологов, экологов и охотоведов к этому виду. Тем не менее, я думаю, что не очень отступлю от истины, если скажу, что и сейчас волк, по-прежнему, загадочный и интересный зверь.

Волки — высокосоциализированные хищники и живут стаями. Основное ядро стаи составляет пара взрослых животных и несколько поколений их потомства. Щенки данного года рождения называются прибылыми, прошлого года — переярками. Однако стая волков может включить и большее, чем пару, число взрослых, что особенно часто отмечается у северных подвидов. Размер, величина стаи — важная популяционная характеристика волков. Чем он определяется? Большой вклад в решение этого вопроса внёс западногерманский зоолог Эрик Цимен (2|глек, 1977). В своих работах он показал, что величина стаи определяется следующими факторами: 1. Размером основной жертвы (видом, играющим важнейшую роль в питании волков). 2. Плотностью популяции волка. Однако оба эти фактора скорее определяют верхний и нижний пределы величины стаи, нежели её состав. Сама стая — активный саморегулирующийся механизм, и именно внутрискайные процессы и поддерживают то или иное число животных в стае. При низкой плотности популяции размер стаи небольшой, и отделение подросших волков происходит интенсивно. Если экологические условия стаи лучше и плотность популяции возрастает, то и величина стаи растёт, но лишь до определённого предела. В дальнейшем увеличение плотности и размера популяции будет происходить только за счёт нескайных волков-изгоев, которые по отношению к членам стаи занимают подчинённое положение, редко сами успешно охотятся на крупную добычу и часто становятся нахлебниками либо скайных волков, либо человека, превращаясь в синантропов. Э. Цимен, изучая волков в экспериментальном вольере, обратил внимание на то, что в стае существует так называемое «ядро» из волков высокого социального статуса и подчинённые волки. При рождении молодых или при ухудшении экологической обстановки именно подчинённые волки покидают стаю, причём подчинённые самцы делают это как бы самостоятельно, даже без видимых признаков агрессии со стороны других членов стаи, а самки изгоняются важнейшей самкой (альфа-самкой). Если в стае несколько самок, то размножается и успешно выращивает молодых только одна самка — доминант.

А каковы же взаимоотношения между соседними стаями? На наш взгляд, наиболее интересную детальную гипотезу выдвинули американский зоолог Дэвид Меч и сотрудники его группы. Оказалось, что между участниками волчьих скай существуют так называемые «буферные зоны», в которые изредка заходят обе соседние стаи и которые интенсивно маркируются волками. Поскольку в этих зонах возможно столкновение с соседней скаей, волки чувствуют себя в них дискомфортно и в благоприятные периоды предпочитают не охотиться в этих местах. Таким образом, буферная зона является как бы естественным «заповедником» для жертвы. Когда ситуация ухудшается и жертв на их участке становится недостаточно, волки вынуждены выходить на охоту в буферную зону. Буферная зона — зона с высокой вероятностью возникновения межскайного конфликта, приводящего к жестоким дракам и гибели взрослых высокоранговых волков. Таким образом, наличие между территориями волчьих скай буферной зоны — не только естественный резерват для жертвы, но и особый механизм ускоренного снижения численности хищника.

А как же происходит единый процесс регуляции размера стаи у волков? Ведь внутрискайная и межскайная регуляция не может осуществляться раздельно. В. Е. Соколов, Я. К. Бадридзе и автор предположили, что в процессе ухудшения экологических условий сначала работает механизм, описанный в модели внутри-скайной регуляции (Э. Цимен), и стая уменьшается в размерах, а затем, когда остаётся основной костяк стаи из высокоранговых волков, начинается охота в буферных зонах, где может возникнуть конфликт с соседней скаей (модель Меча). На наш взгляд, у такого конфликта есть интересная особенность. Дело в том, что в нём участвуют волки высокого социального статуса, стереотип поведения и психика которых направлены в первую очередь на силовое достижение цели. Поэтому, раз начавшись, конфликт в буферной зоне развивается до логического конца, то есть до серьёзного поражения одной из скай, и, вероятно, может разрешиться не за одну, а за несколько стычек.

Мне кажется все же, что сведения о социальной организации волка и деталях регулирования размера его стаи мало и плохо говорят о самом звере. Гораздо лучше это сделает следующий отрывок:

«Могучий грудной вопль, эхом отражаясь от скал, катится вниз с горы и замирает в дальних пределах ночного мрака. Это — взрыв дикой гордой скорби и презрения ко всем превратностям и опасностям мира.

Ни одно живое существо (а может быть, и мёртвое тоже) не остаётся равнодушным к этому кличу. Оленю он напоминает о судьбе всей плоти, соснам предсказывает полуночную возню внизу и кровь на снегу, койоту обещает богатые объедки, скотоводу грозит задолженностью в банке, охотнику сулит поединок пули с острыми клыками. Однако за всеми этими непосредственными страхами и надеждами кроется иной, глубокий смысл, ведомый только горе. Только гора прожила столько лет, что может бесстрастно слушать волчий вой.

Те, кому этот скрытый смысл не внятен, всё-таки знают о нём, ибо он ощущается во всех волчьих краях и делает их особенными. Он пробегает мурашками по коже каждого, кто слышит волков ночью или разглядывает их следы днём. Мы подбежали к волчице как раз вовремя, чтобы увидеть, как яростный зелёный огонь угасает в её глазах. Я понял тогда и навсегда запомнил, что в этих глазах было что-то недосыгаемое для меня: что-то ведомое только ей и горе. Я тогда был молод и болен охотничьей лихорадкой. Раз меньше волков, то больше оленей, думал я, а значит, полное истребление волков создаёт охотничий рай. С тех пор мне довелось увидеть, как штат за штатом избавился от своих волков. Я наблюдал за очищенными от волков горами и видел, как их южные склоны покрываются рубцами и морщинами оленьих троп. Я видел, как все съедобные кусты и молоденькие деревья ощипывались, некоторое время кое-как прозябали, а потом гибли. А потом приходит голод, и кости погибших от собственного избытка бесчисленных оленьих стад, о которых мечтали охотники, белеют на солнце. Скотовод, очищающий свои владения от волков, не понимает, что берет на себя обязанность волков — поддерживать численность стад в соответствии с возможностями пастбищ, и вот теперь пыльные чащи съедают почву и реки уносят наше будущее в море. Мы все стараемся обеспечить себе безопасность, благосостояние, комфорт, долгую жизнь и скуку... однако избыток безопасности в конечном счёте порождает только опасность. Не это ли имел в виду Торо, сказав, что спасение мира — в дикой природе? И не в этом ли скрытый смысл волчьего воя, давно известный горам, но редко понятный людям?»

Эти замечательные строки написаны экологом и певцом дикой природы Олдо Леопольдом в книге «Календарь песчаного графства». И если они не пробудили ваше внутреннее зрение, если ничего не дали воображению, значит, мир ваш вряд ли станет богаче, потому что только тот, кто признает за другими существами и другими стихиями самобытность, самоценность и беспредельность для понимания, может рассчитывать на самый ценный и самый лучший подарок — новый кусочек мира, предназначенный не для рта и рук, но для глаз, головы и сердца.

Отношение к волку есть классический тест на экологическое чутьё и этическое чувство человека. Эскимос, никогда не слышавший слова «экология», относящийся с почтением и симпатией к волку, гораздо более экологичен и этичен, чем чиновник, ратующий за искоренение «волчьей напасти», или учёный, помещающий статьи с рекомендациями по отстрелу волков с самолёта. Эскимос гораздо более экологичен, потому что живёт так, что на земле остаётся место для других существ; он не стремится уничтожать волков, даже если те охотятся на его оленей, потому что знает, что волки не зря пришли в этот мир и никто не давал права человеку истреблять живые существа и брать на себя роль главного судьи, выносящего им приговор.

Стремление современного технократического человека преобразить мир для себя, стремление, достигшее в наше время практически неограниченных масштабов и уже преобразившее большую часть лика Земли, ежедневно и ежечасно занимает самого человека и втягивает большинство обитателей Земли в гибельную ловушку экологической

катастрофы. И нам не избежать её до тех пор, пока мы не научимся сдерживать свои бесконечные амбиции и не перестанем считать, что весь мир принадлежит нам как раб, как наша вещь. Но если мы сможем отказаться от этих предрассудков, то, быть может, опасность минует нас и тогда весь мир будет принадлежать нам, но совсем по-другому — как друг и как бесконечно интересный собеседник. И будут в этом мире волки с их любовью к жизни и презрением к смерти.

Описание волков, принадлежащее Олдо Леопольду, можно считать классическим, поскольку в нём ярко и чётко отразились основные черты восприятия волка человеком. Каждый, кто имел дело с волками, обязательно отметит глаза волков, их таинственную красоту и огонь, что горит в них. Почему-то у человека возникает ощущение, что волки презирают смерть, хотя, может быть, это совсем и не так. Тем, кто слышал волков, их ночной вой запомнится обязательно: сила его воздействия такова, что почти каждый потом расскажет вам про мурашки, бегущие по спине, причём вызовет эти мурашки отнюдь не только страх. Интересно, что даже следы волка производят настолько сильное впечатление, что про след невольно думаешь: уж не самостоятельный ли это живой зверь! Мне немного довелось тропить волков, и мне кажется, что это особое впечатление возникает во многом потому, что следы волков удивительно аккуратны, чётки, их цепочки идут с такой потрясающей рациональностью, что найти более экономный и лёгкий путь, кажется, и нельзя.

Назначение волков — охотиться на копытных и убивать тех, кого можно взять. Конечно, волк ловит и ест не только копытных. Иногда волки питаются другой добычей, например, бобрами, сурками или даже песчанками, или вообще начинают питаться при человеческих поселениях, что отнюдь нежелательно. И всё же классической жертвой волков являются разные виды диких копытных: именно приспособление к охоте на копытных и сделало волков волками. Влияние волков на популяции копытных многогранно. Волки, конечно, не просто санитары, как это иногда преподносится в научно-популярной литературе, «защищающей» волков. Волки действительно чаще ловят больных и ослабленных копытных, потому что тех проще поймать, но они успешно убивают и внешне здоровых животных. Однако не следует забывать, что эти здоровые жертвы попались потому, что допустили, возможно, чисто поведенческие ошибки. Таким образом, волки осуществляют отбор жертв не только по физическому их состоянию, но и по правильности, безошибочности поведения: по умению быстро и правильно среагировать на опасность, оценить ситуацию. Мне кажется, что второй фактор ещё более важен. Отсутствие волков не обязательно приводит к возрастанию численности жертвы. Этому вопросу была посвящена специальная работа канадских исследователей Тиберта и Гаутиера «Модели взаимоотношений волка и копытных: когда контроль численности волка обоснован?» Авторы анализируют восемнадцать исследований, посвящённых взаимодействию «волк — копытные». В семи из них утверждается, что хищничество волка — главный фактор, ограничивающий численность копытных, в пяти — делается вывод, что волки не ограничивают численность популяции копытных, и она все равно находится на предельно высоком уровне в данных экологических условиях. Авторы шести исследований пришли к заключению, что при уменьшении количества волков не происходит возрастания популяции копытных, так как они погибают в неблагоприятные периоды или от других хищников. Разные выводы из различных работ просто отражают разнообразие ситуаций, которые складываются в системе «волк — копытные». Из этого следует очень важное заключение: разрабатывая рекомендации относительно отстрела волков и принимая практические решения, мы не можем советовать одно и то же для всех случаев, а каждый раз должны исследовать интересующую нас конкретную ситуацию. К сожалению, в большинстве случаев люди, направляющие и возглавляющие охотничье хозяйство нашей страны, не только не реализуют такой дифференцированный экологический подход, но и отрицают его в принципе. По всей стране ведётся истребление волков всеми доступными методами, включая и такие варварские, как применение ядов. Это происходит несмотря на то, что

Комиссия по волку, в которую входят основные специалисты по изучению волка и контролю за его популяцией, неоднократно обращались в Главохоту РСФСР с научно обоснованными рекомендациями о запрещении применения ядов и о необходимости внедрения дифференцированного подхода.

Но вернёмся к самим волкам. Ум и удивительная сообразительность волка известны каждому, кто имел с ним дело. Волки не только прекрасно знают свой участок, но и устраивают сложные охоты на копытных, причём между отдельными членами стаи могут быть разделения ролей: например, загонщики и засадчики. Волки выбирают особые места, где охота бывает наиболее удачной и сам ландшафт способствует её успеху. Эти места получили в специальной литературе название «волчьих загонов». Интересно, что наиболее удобные «волчьи загоны» «передаются» волками из поколения в поколение. Таким образом, у этих зверей существуют особые традиции охоты. Прекрасный знаток волков Я. Бадридзе установил, что волки очень легко улавливают благоприятное стечение обстоятельств. Он выращивал волчат в неволе и затем ставил эксперименты по выработке у неопытных волков навыков борьбы с крупной жертвой. Оказалось, что достаточно одного случайного совпадения условий, помогших волкам справиться с жертвой, и они в следующий раз уже целенаправленно будут создавать подобную ситуацию.

Изучая элементарную рассудочную деятельность волков, Я. Бадридзе пришёл к выводу о том, что она развита у них очень сильно. Высокая способность к рассудочной деятельности и внимательное наблюдение за человеком (где это возможно) позволяют волкам противостоять мощным истребительным мероприятиям и хорошо использовать безалаберность в хозяйственной деятельности человека.

Детальный анализ случаев ущерба сельскому хозяйству от волков подтверждает это. Вот волки ворвались в хлев и зарезали несколько овец; оказывается, что навоз выбрасывался прямо из окошечка в хлев и образовал трап, ведущий в хлев, чем и воспользовались наблюдательные звери. Или волки вдруг зарезали десяток телок, когда те паслись в лесочке недалеко от деревни, да ещё под присмотром пастуха дяди Вани. Паслись телки там не один раз, и всё было нормально, а тут вдруг... Почему? Да просто дядя Ваня пьян был в тот злополучный день, и волки сразу этим воспользовались. Словом, умный и опасный враг — волк. Хотя такой ли уж враг? Ведь можно на волка списать и падеж скота от совсем иных причин, можно на него свалить невыполнение плана. Нет, читатель, не торопитесь с выводами. А плохо ли получить за каждого убитого волка по двести рублей, а то и больше, особенно если ты стреляешь волков с вертолётки и за один раз можно убить более десяти волков? Заметим, что охота с вертолётки — это не тот тяжёлый труд охотника-волчатника, когда волков надо вытравить, обложить флажками, да правильно номера стрелков расставить, да толково загонщиков пустить, — нет, здесь все проще: бензин — казённый, вертолёт, естественно, — тоже и... вперёд, ребята! Правда, дороговато обходится добытый волк! Например, по данным работника Облохотуправления Г. И. Чувашова, на Гыданском полуострове в среднем каждый добытый с вертолётки волк обходится в две тысячи триста рублей. Это только стоимость эксплуатации вертолётки, да ещё прибавьте двести рублей премиальных. Зато дело в северных регионах страны здорово продвинулось, так продвинулось, что самый северный подвид волка — полярный — находится на грани исчезновения.

В заключение я хотел бы остановиться на двух случаях, происшедших во время охоты на волков. Их рассказали мне В. П. Макридин и Ю. Н. Вишневский.

Первый случай произошёл во время авиаотстрела волков в лесотундре. Стая волков забежала в лог, поросший отдельными низкорослыми лиственницами. Дело было зимой, и небольшие, отдельно стоящие деревца с облетевшими иголками не могли скрыть волков. Вскоре волки, кроме одного, были убиты, один же пропал. Опытные охотники во главе с В. П. Макридиным зависли на вертолётке под логом, но никак не могли увидеть «пропавшего» зверя. Наконец зверя обнаружили: он стоял на задних лапах, поднявшись вертикально и опершись о ствол! Грянул выстрел, зверь упал.

Второй случай произошёл на территории одного из наших северо-западных заповедников. (Кстати, пусть читателя не удивляет, что охота велась в заповеднике: в большинстве наших заповедников волк уничтожается круглый год и находится «вне закона». Только в последнее время предпринимаются первые шаги, чтобы покончить с этим безобразием.) Старая волчица попала в капкан и каким-то образом сорвалась с цепи. Её начали преследовать. На трех ногах, с капканом на четвёртой она больше недели ускользала от преследователей. Все это время она ничего не ела. Старая волчица три раза выводила своих преследователей к берлогам медведей, и поднявшийся медведь останавливал погоню, чем «давал возможность» волчице оторваться от охотников. Все же, в конце концов, зверя загнали, так как волчица совершенно обессилела, и убили. Эта волчица, безусловно, была достойна человеческого великодушия просто как выдающееся по уму, опыту и одарённости животное. Но человек оказался беспощаден к ней, как и к другим волкам.

А. Д. Поярков **ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОМАШНЕЙ СОБАКИ**

Происхождение домашних собак — вопрос очень сложный прежде всего потому, что процесс их одомашнивания начался в конце палеолита — начале неолита и практически не документирован. Поэтому все, о чём здесь говорится, следует считать гипотезами.

Полифилетическое или монофилетическое происхождение имеют собаки — вот один из ключевых вопросов данной темы. Монофилетической называется группа, происходящая от одного предка, полифилетической — от нескольких. Итак, от одного или от нескольких предков произошли наши домашние собаки — первый вопрос. Второй вопрос — от кого же именно они произошли?

В зоологии эта проблема дискутируется давно. Ещё Бюффон высказался за монофилетическое происхождение всех пород собак, объясняя все их многообразие влиянием климата и культуры. Все породы он выводил от овчарок. Гульденстад склонен считать предком всех собак шакала, Штудер в этой роли видел вымершую собаку *Canis ferus*. И сейчас у монофилетической точки зрения много сторонников, причём большинство предком собаки считает волка.

На стороне полифилии собак стоят не менее замечательные имена. Одним из первых высказал эту точку зрения великий французский натуралист Жоффруа Сент-Илер. Великий англичанин Чарльз Дарвин тоже склонялся к ней. Полифилетической группой считает собак крупный специалист по домашним животным профессор зоологии немец Карл Келлер. В пользу полифилетического происхождения собак Келлер приводит следующие соображения: первое — домашние собаки, у которых с самого начала ясно выражены признаки породы, рано появляются в далеко лежащих друг от друга культурных областях; второе — собаки, живущие в разных областях, имеют сходство с живущими там дикими собачьими (аргумент, взятый Келлером у Дарвина); третье — слишком разнообразна и неоднородна группа домашних собак, чтоб её можно было объяснить только искусственным подбором, произведённым с потомками одного предка. Действительно, ни одно домашнее животное не имеет такого широкого спектра столь не похожих друг на друга пород, как домашняя собака. Какие же основные группы домашних собак и их предков выделяет Келлер?

1. Шпицеобразные.
2. Собаки-парии.
3. Овчарки.
4. Борзые.
5. Догообразные собаки.
6. Собаки Нового света до появления там европейцев.

Для каждой основной группы Келлер, последовательный приверженец полифилии, приводит соответствующего дикого предка. У шпицеобразных собак — обыкновенный шакал. Этот же вид дал азиатских собак-парий, тогда как африканские собаки-парии

выводятся Келлером от африканского шакала-волка, которого теперь считают африканским подвидом обыкновенного шакала. Группа овчарок, по Келлеру, происходит от индийского волка, которого в начале двадцатого века, когда вышла книга Келлера, считали за самостоятельный вид, а теперь классифицируют как подвид серого волка. Весьма интересен вывод Келлера о происхождении борзых собак, очень древней группы, — центр происхождения находится в Древнем Египте. Борзые собаки упоминаются ещё во времена Древнего Царства, когда они использовались для охоты на антилоп. Прародителем группы борзых Келлер называет эфиопского шакала, стройного, длинноногого и очень длинномордого зверя средних размеров. Заметим здесь же, Келлер упоминает, что египтяне держали ручных гиеновых собак, прекрасных выносливых бегунов, охотников на разных антилоп, хотя автор исключает влияние гиеновых собак на борзых. От борзых, по мнению автора, прослеживается ряд, ведущий к типичной гончей собаке. Там же, в Древнем Египте, изображается собака, похожая на таксу, только со стоячими ушами.

В другой древнейшей цивилизации мира — Шумеро-Вавилонской — мы находим очень ранние свидетельства о существовании ещё одной большой ветви собак — догов. Вавилонские летописи упоминают о существовании догов за четыре тысячи лет до нашей эры. Кто же может быть прародителем этой группы пород? Большинство старых авторов, в том числе и Келлер, выводит всех догообразных собак от тибетского дога, который в свою очередь произошёл от тибетского волка. В настоящее время тибетский волк полностью вымер. Это был зверь, очень похожий на обыкновенного волка, только чёрного окраса и, вероятно, более плотной конституции. Наверное, это один из подвидов обыкновенного волка. Тибетский дог — великолепная, очень крупная собака, «величиной с осла», как описывал её в 1300 году Марко Поло. Он использовался в самых различных целях, в том числе и для охоты на диких быков. Мне кажется не вполне аргументированным вывод о том, что все догообразные собаки происходят от тибетского дога. Тибет — слишком суровое для жизни человека место, освоенное, по всей видимости, позже, чем прилегающие более низкие места; неизвестно, был ли заселён человеком Тибет, когда в Вавилоне уже разводили гигантских догов, по размерам не уступающим, если не превосходящим, современного мастифа — самого тяжёлого дога.

К группе догообразных собак, на мой взгляд, следует причислить не только догов, мастифов, бульдогов, сенбернаров, ньюфаундлендов, но и крупных пастушьих собак, таких, как наши кавказская, среднеазиатская, южнорусская овчарки, венгерские кувач и комондор, польская подгалянская овчарка, пиренейская овчарка, маремма и др., хотя последних можно выделить в отдельную подгруппу. Большая часть догов Европы происходит от греческих собак, которые потом попали в Рим и были распространены по тогдашним колониям и провинциям империи. В Грецию же договые собаки попали из Персии, откуда их привёл со своим войском Александр Македонский — так что центр возникновения договых собак находится в Азии.

Такова в общих чертах созданная почти сто лет назад схема происхождения домашних собак по К. Келлеру. На мой взгляд, она интересна, хотя во многом спорна и не лишена недостатков. Пожалуй, одним из её серьёзных методологических минусов является то, что автор ищет предковые формы собаки только в ныне живущих представителях диких собачьих. Однако поиск предков домашней собаки только среди существующих диких видов характерен не только для К. Келлера. Читатель наверняка знаком с книгой нобелевского лауреата Конрада Лоренца «Человек находит друга», где автор выводит всех собак от двух предков — волка и шакала. Лоренц считает, что все породы собак делятся на «волчьих» и «шакальных», в зависимости от того, кто из предков больше участвовал в образовании породы. При решении вопроса о том, к какому типу относится та или иная порода, он, в первую очередь, ориентировался на характер и поведение собак данной породы.

К. Т. Сулимов, специально занимающийся гибридизацией шакала и собаки, считает, что обыкновенный шакал вряд ли может быть основным предком собаки: слишком сильно отличаются эти виды по своим выразительным движениям и общему рисунку поведения.

Для того чтобы такая гибридизация произошла, необходимо буквально с первых дней жизни выращивать вместе шакала и собаку или, что ещё лучше, шакаленка подкладывать в выводок только что оценившейся суки. В отличие от предыдущей пары, волк и собака без особого труда находят необходимое взаимопонимание. Волки и собаки спариваются не только в искусственных условиях, но и в природе, когда у волка или волчицы нет партнёра среди своего племени.

Тем не менее, мне кажется, что большую часть пород не следует выводить от волка. Современная фауна — бледное и жалкое подобие той богатой и обильной фауны, которая существовала на Земле во времена плейстоцена, когда начался процесс становления домашних собак. Только на территории СССР найдены ископаемые остатки пяти вымерших видов рода *Canis*. Данные взяты мной из Каталога млекопитающих СССР. Его авторы, как и известный советский палеонтолог Н. К. Верещагин, в качестве вероятного предка собаки называют не волка, а близкий, но более мелкий вид *Canis volgensis*. Уже упоминавшийся мной К. Г. Сулимов считает, что одним из предков собаки мог быть похожий на койота вымерший вид. Кстати, случаи гибридизации койота и собаки известны в природе. Подобные виды были широко распространены не только на территории Северной Америки, но и на территории Евразии. Леонс и Вьенс обнаружили, что по серологическому анализу собаки ближе к койоту, чем к волку. Мне кажется, выведение многих пород собак из койотообразных предков очень вероятно. Скорее всего, так и появилась одна из древнейших домашних собак — собака свайных построек — родоначальник группы шпицев. Более крупная доисторическая собака — собака Иностранцева, найденная на северо-западе России, вероятно, является продуктом скрещивания примитивных шпицев с волками. Участие волка заметно здесь не только в увеличении размеров животного, но и в некоторых чертах черепа, в частности в уменьшении выпуклости лба и гораздо более мощном развитии сагитального гребня. Группа лаек несёт в себе большое количество волчьей крови и в этом отношении должна отделяться от шпицеобразных, в узком смысле слова, собак.

В отличие от К. Келлера, ряд современных авторов, таких, как Аше Супле, Дюрель и Дешамбр, считают, что группа борзых собак происходит от собаки-парии и её предком является индийский серый волк. Мне кажется, что этот вывод наталкивается на ряд сложностей как биологического, так и исторического характера. Какая из точек зрения верна, предстоит выяснить в будущем. Не следует забывать, что древние египтяне, так же как и древние шумеры и вавилоняне, прекрасно знали животных, с которыми они жили. Они были не только прекрасными охотниками, но и очень хорошими дрессировщиками диких животных, а также опытными селекционерами. По-моему, не стоит сразу отрицать возможность гибридизации между теми же собаками-париями и эфиопским шакалом, проводимой древними египтянами и давшей в результате предковую форму борзой. Думаю, что многие мои коллеги обрушат на мою голову свой праведный гнев, но всё-таки скажу, что в образовании древнеегипетской борзой — тезема могла принимать участие и гиеновая собака — лучший и наиболее выносливый бегун среди диких псовых. Однако ясно, что гиеновая собака не могла быть основным предком борзых — есть существенные различия в строении черепа и других признаков.

Что же происходило с дикими псовыми, когда они начинали одомашниваться?

Не вдаваясь во всю многогранность и сложность этого вопроса, логические реставрации которого читатель найдёт в книге Конрада Лоренца «Человек находит друга» и в статье В. С. Варлакова и И. И. Затевахина (см. настоящий сборник), укажем на одно необходимое условие, на которое обращают внимание Варлаков и Затевахин, — отбор на лояльность к человеку. Это было одним из обязательных признаков отбора. Что же произойдёт с видом, подвергшимся такому отбору? Некоторое представление может дать опыт, проведённый академиком Беляевым с дикими лисами. Среди диких лис в течение нескольких поколений проводили отбор на наименьшую агрессивность к человеку. Результаты оказались очень интересными. Уже через несколько поколений такой селекции у лис появились признаки, совершенно не свойственные дикой форме, а именно: висячие уши,

закрученные хвосты, пятнистость окраса, несезонность течки, увеличение плодовитости. Все эти признаки мы находим у многих пород наших домашних собак. Не следует забывать, что в этих опытах отбору подвергалось значительно меньшее число поколений, чем при становлении древних пород собак.

При отборе на снижение агрессивности, вероятно, происходит снятие стабилизирующего геном фактора: многие ранее не проявившиеся признаки становятся явными. Однако это ещё не все. Интересно, что такой геном становится более восприимчив к чужеродным влияниям, и вероятность успешного межвидового спаривания повышается. Верно и обратное: если удаётся произвести скрещивание двух видов, гетерозиготность повышается и, следовательно, увеличивается потенциальная база для отбора. Таким образом, если мы получили дестабилизированный, «размытый» генофонд либо скрещиванием, либо предварительным отбором на уменьшение агрессивности, мы имеем материал, легче вбирающий в себя различные приливания со стороны близких родственников. Мне кажется, что этот путь использовался при образовании многих пород собак.

В некоторых современных обобщающих работах по кинологии авторы приводят систему пород собак. Все или основные породы выстраиваются в родословное древо в зависимости от того, в каком родстве они состояли. Обычно родословная той или иной породы показывается в виде набора предков приблизительно таким образом: из породы А произошла порода Б, из Б — В, из В — Д, интересующая нас порода. Если же проследить реальную породу, практически всегда окажется, что она имеет не одного ближайшего, а двух, а то и более предков. Так, например, эрдельтерьер происходит от скрещивания оттерхаунда, бультерьера и других терьеров (по одним источникам). По другим — к перечисленным породам возможных предков добавляют ещё колли и сеттера. В свою очередь, бультерьер несёт в себе кровь белого английского терьера, английского бульдога и ещё терьероподобных собак. Предками оттерхаунда называют уэльскую гончую, водяного спаниеля, английского бульдога, бладхаунда и французского вандейского гриффона. Теперь пусть читатель вспомнит, что в обычных схемах эрдельтерьер выводится от одной предковой формы терьера. При этом считается, что он типичный представитель терьеров — и только. Эрдельтерьер — действительно представитель славной группы терьеров, но также несёт в себе кровь договых собак (английский бульдог), которую он получил и по линии бультерьера, и по линии оттерхаунда, и кровь гончих (от оттерхаунда), и кровь легавых собак.

Мы видим, что скрещивание, наряду с подбором, является мощнейшим инструментом для выведения новых пород. По крайней мере, большинство новых пород выведено таким образом. Это значит, что схема построения родственных связей между породами собак должна иметь форму неравномерной сети с большим количеством перекрещиваний и узлов, а не форму родословного древа. Только в начале схемы, в слое наиболее древних пород, мы будем иметь несколько основных стволов главных групп собак. Подводя итоги, вернёмся к нескольким основным фактам и гипотезам. Сначала факты.

Первое. Ни одно домашнее животное не имеет такого колоссального спектра столь не похожих друг на друга пород, как домашняя собака. Чтобы убедиться в этом, пусть читатель сравнит хотя бы размерную и конституциональную изменчивость кошек и собак. Кошки — типичная монофилетическая группа.

Второе. В период одомашнивания собак, в доисторическое время, видовой состав диких псовых был значительно шире, чем сейчас, хотя и среди ныне живущих представителей семейства есть несколько видов, «претендующих» на звание предка собаки.

Третье. В доисторическое время зарегистрировано много разных уже оформившихся пород собак.

Четвёртое. В период первых цивилизаций собаки уже хорошо представлены широким спектром сильно отличных друг от друга групп пород. Центры этих групп сильно удалены друг от друга.

Пятое. Известны многочисленные случаи спаривания собак с волком, койотом,

американским рыжим волком. Так же возможно спаривание с обыкновенным шакалом. Потомство во всех случаях плодовитое. Отсутствие данных по гибридизации с другими видами диких собачьих не означает, что это принципиально невозможно.

Теперь о гипотезах.

Первое. Большинство сторонников монофилетической точки зрения предком собаки называют волка. Наиболее последовательной точкой зрения здесь было бы признание того, что собаки произошли от волка в одном месте, и далее потомки этих животных расселились по земле. Эта точка зрения сейчас имеет очень малое число сторонников.

Второе. Некоторые авторы, например Клаттенброк, считают, что все породы собак происходят от волка, но от разных подвидов, и одомашнивание происходило в разных районах независимо.

Третье. Если предком собаки называют другой вид, кроме волка, то тогда собаки становятся полифилетической группой, потому что участие волка, по крайней мере в некоторых породах, очевидно.

Четвёртое. Происхождение собак Нового Света, так же как и собак Южного полушария, исследовано очень слабо. Итон считает, что одомашнивание собак Южного полушария происходило независимо от одомашнивания в Северном полушарии, и собаки Южного полушария имеют других предков.

Пятое. Полифилетическая точка зрения представляется наиболее вероятной: одним из предков собаки мог быть вымерший кометообразный представитель плейстоценовой фауны. По-моему, не стоит отрицать возможностей межвидовой гибридизации, проводимой древними народами при выведении первых пород собак. Безусловно, такая гибридизация, если она имела место, сочеталась с искусственным отбором, одним из главных направлений которого было увеличение лояльности к человеку.

ГЛАВА II О ЯЗЫКЕ СОБАКИ

Е. С. Непринцева, М. Б. Корнилова
ДИАЛОГ С ДРУГОМ

Собака — уникальное животное, способное к сложным взаимоотношениям не только со своими сородичами, но и с человеком. Именно поэтому, в отличие от других животных, она владеет «двумя языками», то есть может «разговаривать» и с себе подобными и с людьми. Собака не только различает интонации человеческой речи, но и нередко знает значения слов и предложений. «Всякий, кому много приходилось иметь дела с такими животными, едва ли может отказаться от убеждения, что имеется немало случаев, когда они свою неспособность говорить ощущают теперь как недостаток. К сожалению, их голосовые органы настолько специализированы в определённом направлении, что этому их горю уже никак нельзя помочь», — писал Ф.Энгельс. Для того чтобы правильно понимать мотивы и смысл поступков наших верных спутников, нам необходимо знать основы тех «языков», которыми владеют собаки.

Биологи говорят, что если хочешь понять зверя, надо влезть в его шкуру. Иными словами, чтобы постичь душу собаки, нужно знать, что для неё важно в окружающем мире, как она относится к своим сородичам, какую роль в её жизни играет хозяин, что она ждёт от него и что сама может дать ему. Только тогда, когда вы будете понимать мотивы действий собаки и за внешней формой поведения увидите его внутренние причины, ваши отношения с четвероногим другом обогатятся и доставят вам ещё большее удовольствие.

Воспитание собаки, конечно, заключается не только в дрессировке. Так же, как ребёнка

воспитывают не сколько наставления и нотации взрослых, сколько их пример и поступки, так и в воспитании собаки главное — ваше отношение к ней, ваши желание и умение её понять. Безусловно, у всех, кто заводит себе собаку, желание есть, а вот умение... Никакая дрессировка, даже под руководством опытного инструктора, не поможет вам, если нет взаимопонимания со своей собакой. Подчёркиваем: **ВЗАИМО** понимания! Как ни обидно для человека, считающего себя «венцом творения», но в паре «собака — хозяин» больших успехов в понимании партнёра достигает часто именно собака. Среди собаководов-любителей есть люди, хорошо разбирающиеся в поведении четвероногих спутников в силу своей профессиональной подготовке. Другие от природы обладают особым редким даром глубоко чувствовать и понимать животных, в том числе собак. Тем же владельцам собак, которые далеки от этологии — науки о поведении животных, будет интересно узнать о некоторых особенностях поведения собак. В настоящей статье вы не найдёте конкретных советов по воспитанию, но мы надеемся, что поможем вам, хоть в малой степени, взглянуть на мир глазами своей собаки и тем самым лучше её понять.

Известно, что у животных есть свой особый способ общения между собой. Пристальное внимание к их «языку» возникло лишь в последние десятилетия, хотя проблема общения животных существует ещё со времён Аристотеля. У учёных до сих пор нет окончательного ответа на вопрос, как происходит взаимопонимание у животных, или, как говорят биологи, процесс коммуникации. Они не могут похвастаться тем, что овладели «языком» животных, но уже сейчас о нём многое стало известно. Рассеялись некоторые заблуждения, которые на первых порах укоренились в этологии. Изучая что-либо новое, человек всегда сравнивает это новое с чем-то подобным, уже изученным. Как только люди вплотную занялись вопросом, как животные «разговаривают» между собой, они тут же обратились к своему собственному языку. Сначала этологи обнаружили много сходного в коммуникации животных и языке человека. Действительно, позы животных — аналоги наших слов — складывались в настоящие фразы, как казалось на первый взгляд. Учёные предположили, что в процессе эволюции развились особые формы поведения животных — демонстрации, специально предназначенные для передачи совершенно определённой информации. Например, одна из наиболее выразительных демонстраций агрессивных действий у собак — это приподнимание верхней губы и обнажение клыков. Так же как слово с его системой значений является основной единицей языка и речи, так и в основе «языка» животных, решили учёные, лежит демонстрация, имеющая конкретное значение. На определённый сигнал — позу или звук — одной особи следует определённая реакция другой особи — так происходит общение и достигается взаимопонимание.

Собака смотрит на хозяина

Однако по мере исследования этой проблемы оказалось, что все не так просто. Выяснилось, что позы не имеют жёстко определённого значения. Часто смысл демонстрации невозможно понять, не зная общей ситуации, в которой эта форма поведения проявилась. Да и сами позы выделялись человеком чисто условно, искусственно. Ведь поведение — процесс непрерывный и состоит не только из выразительных, заметных глаз наблюдателя демонстраций, но включает и малозаметные формы поведения, на первый взгляд ничего не значащие. Например, чуть заметные изменения походки или движения ушей. Оказалось, что они имеют не менее важный смысл, чем бросающиеся в глаза демонстрации. Более того, поведение можно понять только в целом. Расчленив его на более мелкие единицы, со своим конкретным смыслом, как это можно сделать с текстом, разбив его на предложения и слова, не удаётся. Стало ясно, что язык животных построен по иным законам, чем человеческая речь. Если наши слова имеют относительно постоянные значения, то позы животных

неоднозначны и часто не имеют независимого от контекста смысла. В этом можно убедиться, наблюдая за поведением собак в обществе себе подобных.

Следует заметить, что представления человека о своём собственном способе общения тоже изменяются по мере накопления знаний. Если ещё десяток лет назад считалось, что в человеческой речи основным носителем смысла является слово, то сейчас стало очевидным, что наряду со словесной формой коммуникации людей, может быть, не меньшую роль играет несловесная форма. По сути дела, часть сведений в общении друг с другом мы передаём помимо слов посредством особого поведения, такого, например, как мимика. Возможно, вскоре нас ждёт ситуация, обратная той, с которой началось изучение коммуникации животных в этологии. Познав основы «языка» животных, человек использует эти знания для более глубокого понимания собственного способа общения.

В мире собак общение с себе подобными играет, пожалуй не меньшую роль, чем в мире людей. Обратите внимание, как серьёзно относятся собаки к своей общественной жизни. Они чрезвычайно любопытны и внимательны ко всему, что связано с жизнью их собратьев и, постоянно извлекая из окружающего мира сведения о своих соплеменниках, чутко реагируют на все события, происходящие в их обществе. Даже наши городские квартирные собаки активно участвуют в собачьей общественной жизни в своём районе, не говоря уже о собаках, живущих в сельской местности.

Давайте попробуем представить себе общественную деятельность «среднестатистической» взрослой городской собаки. Утром она идёт на прогулку со своим хозяином и ещё в подъезде многое узнает о своём окружении. Вот следы весёлого приятеля из нижней квартиры, он, как всегда, уже успел вернуться с прогулки (его хозяин очень рано уходит на работу), а «неприятный тип» с верхнего этажа ещё не гулял сегодня. Какая-то посторонняя собака забегала в наш подъезд (наверное, бродячая). А вот и совершенно свежий след заклятого врага с первого этажа. Скорее вперёд! Может быть, успею догнать его и высказать все, что о нём думаю (к сожалению, поводок, как всегда, не даёт выполнить свой «общественный долг»).

Так хозяин видит свою собаку

Конечно, мы не берёмся утверждать, что собака думает именно так, особенно это касается комментариев в скобках. По крайней мере, у нас есть основания так интерпретировать её поведение. Особенно ярко оно проявляется в многоэтажных домах, где все движение в подъездах осуществляется через лифт. Кабина лифта становится таким «информационным центром», где предельно сконцентрирована повседневная информация о всех живущих в подъезде собаках. Например, одна из наших собак, средний шнауцер Ариша, как только заходила в лифт, сразу очень тщательно обнюхивает пол и стены. Она напоминает при этом человека, который интересуется политикой и, с нетерпением ожидая новостей, открывает утром свежую газету. А если незадолго до неё в лифте ехала другая собака, с которой Ариша, что называется, на ножах, она приходит в неистовство: мечется, шумно втягивает носом ненавистный запах, и стремительно выбегает на улицу, озираясь по сторонам в поисках врага.

Большая часть общественной жизни собак происходит на улице во время прогулок. Здесь можно узнать все о близких и дальних соседях, о своих и о чужаках, о приятелях и врагах, о новичках и о молодёжи. Здесь заводят новые знакомства и встречают старых знакомых, выясняют отношения с недругами и друзьями и, наконец, просто прогуливаются с приятным попутчиком. Особенно хорошо удаётся провести время вечером, когда хозяева собираются в кучку и оживлённо беседуют о чём-то своём. Занятые собственными проблемами, люди на какое-то время забывают о своей тяжёлой, но, по их мнению,

совершенно необходимой миссис регулировать собачьи отношения, и тогда... Можно совершить увлекательную прогулку с приятелем по окрестным кустам, где непременно найдётся что-нибудь запретное и вкусное. Можно затеять шумную дружескую возню или ещё раз выяснить отношения с одиозным псом, а то и затеять драку. Почему-то хозяева, которые почти никогда не возражают против игр, непременно пытаются воспрепятствовать дракам или даже просто взаимным угрозам. Ведь собакам иногда бывает трудно обойтись без конфликтов, общаясь друг с другом. Впрочем, только ли собакам?

Приветствие

Любое общение начинается со знакомства. Как же знакомятся собаки? У них существует стандартный ритуал, который почти всегда исполняется при встречах и меняется в зависимости от того, кто именно встречается: знакомые или незнакомые, однополые или разнополые, щенки или взрослые. На это могут также влиять индивидуальные качества животного и его воспитание.

При виде сородича собака настораживается и некоторое время смотрит на него. Сначала они внимательно изучают друг друга, но потом обязательно сближаются. Ведь для знакомства собакам необходимо обнюхивание. Естественно, что так ведут себя незнакомые собаки при встрече. Удивляет другое. Понаблюдайте за своей собакой: даже своих давно знакомых приятелей она обязательно обнюхивает, хотя по её поведению видно, что она ещё издали узнаёт их. Это особенность мироощущения собаки, и надо с ней считаться. Мы часто забываем, что мир собаки состоит не только из того, что она может услышать или увидеть. Она обладает великолепно развитым обонянием, и мир её представлений в значительной степени состоит из обонятельных ощущений... Если нам для того, чтобы получить полное представление о каком-то предмете, во многих случаях достаточно только хорошо рассмотреть его, этого для собаки это совершенно достаточно. Для неё приоритетна запаховая информация. Любой новый предмет собака обязательно должна обнюхать, даже если может его рассмотреть. Обнюхав, может и попробовать на зуб. По этой причине нельзя запрещать псу нюхать запаховые метки и обнюхивать партнёра. Это все равно что запрещать человеку смотреть. Подобно тому как людям при встрече необходимо смотреть друг другу в лицо, для собак неременен ритуал обнюхивания.

Нередко встреча исчерпывается только взаимным обнюхиванием, и каждая собака идёт по своим делам. Как правило, это происходит в том случае, когда партнёры, как говорится, не интересны друг другу по тем или иным причинам. Так встречаются давно знакомые собаки, между которыми нет ни сильной симпатии, ни сильной антипатии. Как ни странно, но так может происходить встреча незнакомых разнополых особей (конечно, за исключением тех случаев, когда сука пустует), хотя, как правило, представители сильного пола проявляют больше внимания к «дамам». Ведь среди собак тоже есть и очень коммуникабельные и совершенно необщительные «личности». Одни никогда не останутся равнодушными, встретив соплеменника, и обязательно затеют либо игру, либо драку. Другие не склонны к продолжительным контактам и при встрече стараются побыстрее разойтись. Это сугубо индивидуальное качество, усилить или ослабить которое можно направленным воспитанием. Наш знакомый метис Мафин радостно бросается к любой собаке, даже если видит её в первый раз. Его восторженно виляющий хвост, приветливо «улыбающаяся» морда, игривые прыжки красноречиво говорят о его намерениях. И это имеет успех. Насторожённость, так характерная для встреч незнакомых собак, исчезает. Его наивное дружелюбие обезоруживает даже не очень приветливых субъектов. А вот рабочие собаки, то есть те, которые несут службу в армии и милиции, могут и вовсе не обращать внимания на других собак. Это не значит, что они необщительны от природы. Их специально обучают не отвлекаться на посторонние вещи во время службы. Мы наблюдали однажды, как равнодушно отнёсся милицейский кобель овчарки к подбежавшей к нему пустующей суке.

Служба для него была превыше всего!

При встрече собак разного пола кобель обычно проявляет к суке дружелюбный интерес. Он галантно выступает перед ней, оживлённо помахивая хвостом и всем своим видом показывая, что готов продолжить приятное знакомство. Он может предложить «даме» корректную игру: припадая на передние лапы, он отпрыгивает в сторону или нежно тыкается носом ей в шею, призывно поскуливает или гавкает. Если другая сторона отвечает взаимностью, завязывается стремительная и шумная беготня или возня с напрыгиванием друг на друга или игровыми укусами. Когда партнёрша не в настроении или слишком степенна для такого легкомысленного занятия, она отвечает сдержанным рычанием или бросается на партнёра с визгливым лаем, в зависимости от своего темперамента. Другие представители сильного пола ограничиваются тем, что просто некоторое время сопровождают незнакомку, а третьи способны лишь на грубые недвусмысленные приставания.

Когда знакомятся собаки одного пола, то после обнюхивания следует демонстрации, проясняющие их намерения. Между ними могут завязаться дружеские отношения. Об этом будут свидетельствовать особое выражение морды, так называемое «игровое лицо», припадание на передние лапы, тыкание носом партнёра и лёгкое помахивание хвоста. Собака, принимающая приглашение, отвечает тем же, и начинается игра. Старые приятели обычно ограничиваются мимолётным взаимным обнюхиванием, зато они обязательно приветствуют друг друга «улыбающимися» мордами, радостным вилянием хвостов. Кстати сказать, приятельские отношения у собак складываются скорее в зависимости от возраста, чем от пола и породы. Длительная дружба легче возникает между молодыми или молодой и взрослой собакой. При встречах молодёжи взаимные приветствия протекают бурно и сразу переходят в игру. Особенно усердствуют щенки, когда приветствуют взрослых приятелей. Не так уж редки случаи дружбы собак, познакомившихся уже во взрослом состоянии. Объяснить её так же трудно, как и причины личных привязанностей у человека. Иногда такой дружбе способствуют обстоятельства, не зависящие от самих собак. Например, наши собаки, ротвейлер Чарми и шнауцер Ариша, стали приятельницами в силу того, что дружили их хозяйки. После совместных прогулок и хождений друг другу в гости Чарми и Ариша стали вполне дружелюбно общаться, хотя в обществе других собак отнюдь не отличались покладистостью. Интересно, что Чарми, собака довольно агрессивная, гораздо более дружески относится к Арише, и всегда предлагает ей поиграть. Ариша, которая по природе не драчлива, тем не менее всегда скупно отвечает на излияния своей приятельницы. Видимо, размеры Чарми держат Аришу в напряжении и не позволяют ей полностью расслабиться.

Следует, однако, отметить, что для отношений собак одного пола весьма характерны такие черты, как соперничество и агрессивность. Незнакомые взрослые собаки при встрече ведут себя насторожённо. Во всех их движениях сквозит напряжённость: насторожённые уши, взгляд, устремлённый на партнёра, осторожный шаг, нередко вздыбленная шерсть, поднятые хвост и голова. Все это ещё не свидетельствует об агрессивных намерениях, а лишь является выражением внутренней готовности к неизвестному, ведь каждая из них ещё не знает, что ей ожидать от незнакомца. Исход встречи может оказаться самым разным, и предсказать его бывает трудно, так как он зависит от многих причин. Имеет значение место встречи, жизненный опыт собак, их индивидуальные качества, наконец просто настроение, но самое важное — поведение хозяев. Обычно уверенная в себе собака держится более спокойно. Например, она невозмутимо даёт обнюхать себя, в то время как неуверенный пёс опускает хвост или даже отстраняет круп, уходя от обнюхивания. На этом выяснение отношений может закончиться: одна собака продемонстрировала уважение и готовность уступить, другая — отсутствие каких-либо претензий. О чём говорит такое поведение? Может быть, здесь проявились индивидуальные черты животных? Уверенная собака не агрессивна и не склонна самоутверждаться над неуверенным в себе партнёром. А второй собаке, вероятно, ещё не хватает опыта общения или он был неудачным. Неуверенность в поведении собаки вызывается и ситуацией, например, если она попадает на территорию

другой собаки, явно демонстрирующей свои права. Правда, и здесь возможны варианты. Собака может отступить перед натиском владельца территории, но отступить, как говорится, достойно. Она покинет чужие владения быстро, но не торопливо, подняв напряжённый хвост и спокойно оборачиваясь, готовая постоять за себя, если хозяину территории вздумается атаковать её. В такой ситуации главное — не проявить слабости, выдержать психологическую атаку противника. Это важно и в других случаях, например, когда встречаются два незнакомых пса, одинаково уверенных в себе. Они напряжённо ходят кругами, пристально глядя друг на друга, со вздыбленной шерстью и поднятыми хвостами. Периодически они расходятся и оставляют запаховые метки, сопровождающиеся нередко поскребками, когда после мечения собака скребёт задними или всеми четырьмя лапами по земле. Затем соперники сближаются с несколько вытянутыми вперёд мордами, нацеленными на партнёра, и напряжённо выпрямленными лапами. Все направлено на то, чтобы подавить соперника психически. Вдоволь «надемонстратировавшись», собаки обычно расходятся, стараясь напоследок переметить метку другого, как бы оставить последнее слово за собой. У знакомых собак, питающих друг к другу неприязнь, такие демонстрации могут происходить постоянно, а со временем они и вовсе могут утратить интерес друг к другу. С другой стороны, такого рода взаимодействия нередко предшествуют дракам.

Демонстрация угрозы

Итак, драки — один из больных вопросов для владельцев собак. Следует прежде всего отметить два момента. Во-первых, драки бывают разные и не все драки в действительности таковыми являются. То есть не всегда собака, бросаясь и кусая другую, имеет намерение нанести ей серьёзные повреждения. Не следует забывать о том, что зубы и челюсти собаки — то тонкий и точный инструмент, которым она владеет в совершенстве. Человек, действуя одной только рукой, может произвести очень разные действия, например, такие: слегка тронуть, схватить и удерживать, дружески пихнуть, сильно толкнуть, мягко шлёпнуть и нанести сокрушительный удар. Собака все это может проделать одной пастью. Сильным ударом челюстей крупный пёс может раздробить кость или выхватить кусок мышц, с радостным восторгом «прикусывать» руку любимому хозяину при встрече, вести за руку ребёнка и даже нести яйцо, не раздавив скорлупы. Так же, как каратист, который не наносит, а только фиксирует удары, собака может хватать и кусать, не нанося ран. Было бы ошибочным принимать за драку такие, например, взаимодействия. Часто бывает, что сука набрасывается на кобеля и, рыча, треплет его в ответ на грубые ли назойливые приставания. На самом деле она совсем не хочет сильно покусать его. Просто ей неприятно его общество, и она требует оставить её в покое. Другой случай: взрослая собака бьёт пастью щенка, опрокидывает его и, рыча, прихватывает. Щенок жалобно скулит или даже визжит. Но дело в том, что это нападение — довольно обычный способ воспитания молодёжи у собак. Что-то сродни нашему: «Ты как разговариваешь со старшими, щенок!» Следует оговориться, что, как редкие исключения, встречаются собаки, способные серьёзно покусать щенка. Как правило, это результат неправильного воспитания, например, направленного натравливания.

Во-вторых, драки — не фатальная неизбежность при встрече незнакомых собак, как думают некоторые неопытные собаководы. Для драк есть много поводов, но при определённом навыке их можно предвидеть и избежать. Беда в том, что к этим естественным причинам добавляются вызванные неправильным поведением людей.

Собачья драка редко начинается без предупреждения. С ходу бросаются друг на друга только старые враги либо собаки, привыкшие к дракам или защищающие свою территорию. Обыкновенно конфликт начинается с угрозы. Иногда псы грозят друг другу довольно долго. Они скалятся, хвосты воинственно торчат, шерсть на загривках и вдоль спин поднята, ноги выпрямлены и напряжены. Собаки стараются казаться выше, шире, свирепее — в общем, гораздо страшнее, чем на самом деле. Наиболее ярко свою свирепость и злобу

демонстрируют собаки, находящиеся на поводках и уверенные, что хозяева не разрешат им драться. Цель угрозы — взбодрить себя и произвести устрашающее впечатление на противника, стараясь по возможности обойтись без драки. Если угроза достигла своей цели, то деморализованный противник или отходит, опустив хвост и прижав уши, или, если это маленькая собачка, валится на спину. Конфликт можно считать исчерпанным, а отношения выясненными.

Если угрозы бывает недостаточно, то завязывается драка, причём довольно страшная для непосвящённых. Например, дерутся две крупные собаки. Смотреть на это жутко: страшный рык, даже не рык, а рёв, сверкание огромных белых клыков, тела сплелись так, что трудно разобрать, где чья собака. Противники треплют друг друга за шею, кажется, что вот-вот прольётся кровь. Но... обычно это только кажется. Часто эти страшные драки бывают не кровопролитными и все увечья ограничиваются клоком-другим вырванной шерсти и, в худшем случае, прикушенным языком и поцарапанной губой. Строго говоря, это даже не драка, а продолжение все той же демонстрации, только в более жёсткой форме.

Если каждый противник знает свою силу и может правильно оценить мотивы агрессии противника (имеются в виду не только чисто физическая сила, но и повод для драки, её причины, на чьей территории она происходит и т.п.), то обычно драки не возникает. Это умение приходит с опытом, поэтому собака должна его иметь в общении с себе подобными. Часто собаки бывают лишены такой возможности по вине владельцев и поэтому бросаются на более сильного противника в расчёте на помощь и защиту хозяина. В этих случаях могут быть настоящие драки, где соперники наносят друг другу серьёзные повреждения. Исход может стать смертельным, если противники неравны.

Для того чтобы избежать или, по крайней мере, свести вероятность такой драки к минимуму, мы советуем соблюдать некоторые правила.

Во-первых, с детства давать своей собаке возможность существовать не только в человеческом, но и в собачьем коллективе;

Во-вторых, по возможности давать им самим, не вмешиваясь, выяснять отношения. Даже не очень драчливую собаку своими неправильными действиями хозяин может спровоцировать на конфликт.

Вот типичный случай, когда человек ставит свою собаку в такую ситуацию, что она, сама того не желая, ввязывается в драку. Встреча у лифта: две собаки, живущие в одном подъезде и немного недолюбливающие друг друга, со своими хозяевами. Между собаками давно выяснены отношения: одна из них крупнее и заведомо сильнее другой. Начинается обычный ритуал обнюхивания. Более сильная собака ведёт себя увереннее и теснит маленькую. Та, зная правила поведения, не проявляет ни страха, ни агрессии. Она осторожно отстраняется и пытается отойти, демонстрируя уважение к более сильной противнице. Ситуация довольно напряжённая, но хозяева не вмешиваются. Правда, хозяин крупной собаки действительно спокоен, он хорошо знает свою собаку: сама она драки не затеет, а вот хозяин маленькой, «обиженной» собачки весь в напряжении, он ожидает, что на его любимицу сейчас бросятся. Просто у него нет пока причины вмешиваться. Наконец ритуал закончен, и сильная собака уже готова оставить другую в покое и вернуться к своему хозяину. Вдруг хозяин маленькой собачки делает безобидное, но роковое движение: наклоняется, чтобы, от греха подальше, взять свою собаку на руки, и его робкая собачка, которая до сих пор жалась к его ногам: неожиданно решительно бросается уже на умиротворённую противницу. Конечно, та не может стерпеть такого коварства и бросается в драку. Собак приходится разнимать, что не так-то легко — обе вёрткие и быстрые. Люди расстаются раздражёнными друг на друга, каждый считает виноватым другого. Обе собаки рвутся с поводков, страшно рыча.

Конечно, спровоцировать собачью драку может и непредвиденная случайность, особенно в напряжённой ситуации. Но многих конфликтов можно было бы избежать, если бы хозяева правильно себя вели. Когда возникает угроза конфликта между собаками, не драчливыми от природы, лучше сразу обоим хозяевам отойти от собак, тем самым лишив их

своей поддержки, на которую они, конечно, рассчитывают. Это не гарантирует стопроцентного избежания драки, но, по крайней мере, уменьшает вероятность её возникновения. Примите наш совет: если ваши собаки примерно равных весовых категорий, дайте им самим выяснить свои отношения. Кровапролитие в собачьих драках — не такая уж частая вещь, а убийства крайне редки. В худшем случае, вас пёс рискует получить несколько боевых ран. Зато в дальнейшем вы будете избавлены от необходимости всякий раз, завидя другую собаку, брать свою на короткий поводок. Разумеется, такой способ действий неприемлем, если речь идёт о злобной, драчливой и крупной собаке, имеющей большой опыт драк. Такой пёс может действительно серьёзно порвать противника.

Иногда безграмотное поведение людей может приводить к курьёзам. Однажды на вечерней прогулке две незнакомые крупные собаки — немецкая овчарка и ротвейлер — решили выяснить отношения. Собаки были примерно равной силы. Они, рыча, ходили «на цыпочках» кругами, вздыбив шерсть и показывая друг другу страшные клыки. Хозяин овчарки, решив защитить свою «собачку», стал бить её противника зонтиком. На призывы хозяйки ротвейлера не вмешиваться и дать возможность собакам разобраться самим мужчина не реагировал, и женщине пришлось отгонять его поводком, так как вмешательство могло кончиться плохо. Собаки так и не подрались, чего, к сожалению, нельзя сказать об их хозяевах.

Если драки избежать не удалось, то старайтесь не кричать на собак, не размахивать руками и не бить их: это зачастую приводит к обратным результатам. Вместо того чтобы прекратить драку, собаки, взбодрённые криком хозяина, бросаются в бой с новыми силами. При необходимости разнять собак советуем хватать свою, но стараться сделать это одновременно с другим хозяином, помня о том, что несхваченная собака получает преимущество. Так, если у вас собака меньшего размера, то, схватив её, вы увеличиваете преимущество противника, лишив своего пса возможности двигаться. Хватать чужую собаку, может быть, тактически правильнее, но это может быть опасно для вас.

Некоторые владельцы, желая сделать свою собаку смелой и злобной, начинают натравливать её на чужих заведомо более слабых собак. Во-первых, это неэтично, а во-вторых, может привести к тому, что ваша собака станет неадекватно оценивать свои силы. Она будет бросаться в драку без видимой причины и либо сама в конце концов станет жертвой более сильного противника, либо опасной для других, что создаст большие неудобства вам и окружающим. Многие надеются, что, именно притравливая, они воспитывают в собак смелость, а на самом деле разумно смелой, скорее, вырастет та собака, которая добьётся положения в обществе только своими силами.

Ротвейлер

Для того чтобы свести к минимуму возможность собачьих драк, надо постараться, насколько это удастся, избегать условий, в которых они неизбежны или наиболее вероятны. Конечно, пытаться устранить все причины — дело безнадёжное, но, по крайней мере, можно в разумных пределах уменьшить их количество. Об одной из наиболее частых причин драк мы уже говорили — это выяснение отношений, попытка установить иерархию. Уменьшить опасность таких столкновений, как мы уже писали, можно лишь предоставлением возможности своей собаке со щенячьего возраста получать опыт общения с сородичами. Другой причиной драк можно считать защиту своих интересов в широком смысле (защиту территории, щенков, пищи, своего хозяина). Например, ротвейлер Чарми считает своей территорией не только квартиру, но и подъезд. Она вылетает из двери, уже заранее раздражённая возможностью встретить в лифте или на лестнице «нарушителя границ», и бросается на всех собак без разбору, чего никогда не делает на улице. Избежать драки в этом случае удаётся только одним способом: держать Чарми в подъезде на коротком поводке. Вряд ли можно, да и нужно отучать собаку от защиты хозяина, щенков, пищи. Это является

естественным собачьим поведением, и, нарушая его, мы в какой-то степени нарушаем собачью психику. Если собака считает врагами всех, подходящих к хозяину, то избежать лишних конфликтов может помочь только хорошая дрессировка.

Итак, общественная жизнь собак разнообразна и насыщена. Она возможна благодаря тому, что они обладают хорошо развитым «языком». В чём же, собственно, заключается уникальность собаки? Ведь многие млекопитающие обладают сложной системой общения с себе подобными. С другой стороны, не только собаки, но и многие домашние животные в той или иной степени общаются с человеком и даже способны к сложным взаимодействиям с ним (достаточно вспомнить лошадей). Дело в том, что собака сама, как говорится, по доброй воле и без специальной подготовки способна научиться понимать настроения и желания человека и находит способы сообщать ему о своих намерениях. Несомненно, хорошо выезженная лошадь вызывает восхищение точным выполнением едва уловимых команд всадника, которые она воспринимает благодаря действию рук и ног человека. Но на обучение такой лошади уходят годы, и в основе этой удивительно слаженной работы человека и лошади всё-таки лежит принуждение, подчинение животного с помощью специальных приспособлений (шпор, удил). Собака же, просто живя рядом с человеком, в его квартире или на дворе, учится понимать человека так же, как дикие животные учатся понимать своих сородичей. Уже маленький щенок охотно идёт на контакт с человеком, в его мир прочно входит образ человека.

В жизни каждого молодого млекопитающего, в том числе и человека, есть очень важный этап — становление молодого организма как члена общества. Отчасти за счёт своих врождённых свойств и в результате накопленного собственного жизненного опыта молодая особь усваивает способы общения с себе подобными, обучается отличать своих от чужих, узнает, как устроено общество, в котором ему предстоит занять определённое место, и, наконец, занимает соответствующее положение в нём. Только у собак таких обществ два: мир сородичей и мир человека. В этом втором мире собаки ориентируются так же хорошо, как и среди сородичей, не говоря уже о наших городских собаках, для которых основная жизнь проходит в общении с хозяином, даже собаки, предоставленные большую часть времени самим себе и организующие сложные собачьи коллективы, как бывает, например, в северных посёлках, не ощущают себя бездомными и знают своего хозяина. В любой момент они готовы бросить все свои собачьи дела и отправиться сопровождать человека. Но, с другой стороны, для нормальной жизни, помимо общения с хозяином, собаке необходимы хотя бы эпизодические контакты собачьего общества, достаточно того, что у неё есть свой круг приятелей и недругов. И общество хозяина и общество других собак — это две неотъемлемые части собачьей жизни. Трудно сказать, какому обществу собака отдаёт предпочтение, наверное, её, как и нас, больше всего устраивает гармония, когда одинаково хорошо и приятно общаться и с теми и с другими.

Казалось бы, что человек, как более развитое существо, должен лучше понимать собаку, чем она его. На самом деле мы вынуждены в этом вопросе отдать пальму первенства собаке. Дело в том, что человек склонен придавать элементам поведения собаки жёстко закреплённые значения. Собака исходит из того, что значение одного и того же поступка человека или собаки может быть неодинаковым в разных ситуациях. Собака и человек действуют одинаково: каждый меряет другого на свой аршин, но собачий подход к пониманию человека оказывается более плодотворным. Почему же собака лучше понимает человека? Человек считает, что информацию о своих намерениях он передаёт в основном словами. На самом деле это совсем не так. Поведение человека — это сложное сочетание речи и несловесного языка: мимики, жестов, еле заметных изменений в поведении, которые собеседник бессознательно обогащает или опровергает переданную словами. Собака в совершенстве владеет несловесным языком, ведь это её «родной язык», а вот нам понять тонкости неоднозначного собачьего языка гораздо труднее.

Как вы думаете, что чувствует пёс, виляющий хвостом? Кажется, всем понятно, что он испытывает дружелюбное расположение к кому-либо. Однако не спешите, например, собака

может вилять хвостом при виде вкусной пищи или в предвкушении её, а вспомните охотничьего терьера у норы: он тоже возбуждённо виляет хвостом. Быстрое мелькание его упругого короткого хвоста — это охотничий боевой азарт, который объекту виляния не предвещает ничего хорошего. А вот другой охотник — спаниель. Ему хвост даже купируют из-за того, что, бегая по болотам, он поранил бы длинный хвост об осоку, так как непрерывно в охотничьем возбуждении машет им. Обратите внимание, как ведут себя на дрессировочной площадке служебные собаки, которых обучают защитно-караульной службе. Они не только злобно лают и рвутся с поводков, но и азартно, яростно размахивают хвостами. Не советует вам бездумно подходить к привязанной собаке, казалось бы дружелюбно виляющей хвостом, — может быть, она восприняла вас как объект нападения. Когда известная вам Ариша облаивает чужого, вошедшего в квартиру, многих удивляет, почему она при этом виляет хвостом, и упрекают её в двоедушии: мол, и злится и радуется. На самом деле ни грамма дружелюбия в её поведении нет, просто она возбуждена и именно поэтому её хвост ходит ходуном. Само по себе возбуждение отнюдь не дружелюбие.

Не думайте, однако, что виляние хвостом всегда означает злобные намерения. Мы привели эти примеры для того, чтобы проиллюстрировать сложность такого, казалось бы, всем понятного акта, как виляние хвостом. Собака машет хвостом и когда радуется приходу хозяина или знакомого человека. Так она приветствует своих приятелей-собак. Часто пёс радостно повिलывает хвостом в ответ на ласку хозяина. Таким образом, виляющая хвостом собака может испытывать радость или удовольствие, охотничий или боевой азарт. Движения хвостом выдают её возбуждение, а «знак» его зависит от ситуации и сочетания с другими элементами поведения.

Другая подобная форма поведения собак — скрадывание. Выглядит это так: пёс припадает к земле или совсем ложиться, вытянув вперёд голову с настороженными или прижатыми ушами. Тело напряжено, хвост неподвижен, а пристальный взгляд направлен на кого-то впереди: человек, собаку или другое животное. В той же позе пёс медленно приближается к объекту скрадывания и вдруг бросается вперёд. Что сейчас произойдёт? Признаться, вопрос затруднительный, так как информации недостаточно. Это выяснится только тогда, когда мы узнаем общую ситуацию. Очень часто это поведение предшествует игре, особенно свойственна такая форма приглашения к игре молодым собакам. С другой стороны, многие опытные драчливые собаки, особенно суки, начинают с этого настоящую атаку на свою жертву. А уже знакомая вам Чарми любит пошутить со своей хозяйкой: скрадывает её, а потом имитирует свирепое нападение. Наконец — это форма охотничьего поведения. Знаменитая стойка легавых — видоизменённое скрадывание. точно так же, как и в примере с вилянием хвоста, здесь можно поставить «знак» только в том случае, если мы знаем обстановку, участником взаимодействия и их индивидуальные особенности. Иногда можно наблюдать, как собака сама не может сразу определить, с какой целью её скрадывает другая. Она стоит в нерешительности или неадекватно реагирует, например с опаской отходит от партнёра, приглашающего её поиграть.

Возбуждаясь, собака виляет хвостом

Рычание собаки тоже далеко не всегда свидетельствует о желании напасть. Собака может рычать и из страха. Если оно сочетается со вздыбленной шерстью, пристальным взглядом на партнёра, напряжённым шагом, то, скорее всего, это говорит о намерениях собаки испугать партнёра, заставить его удалиться или прекратить свои действия. Когда собака спокойна, но рычит на подошедшего к ней человека или другую собаку, то это, скорее, говорит о её нежелании общаться.

Скрадывание

Представьте себе другую картину. Вы пришли в дом, где есть собака. Она подбегает к вам, виляя хвостом, обнюхивает все и вдруг начинает рычать, тем не менее прижимаясь к вашим ногам боком и потираясь о них. Что это? Что она хочет этим сказать? скорее всего, этот очень дружелюбный пёс любит гостей и с восторженным рычанием приветствует вас, радуясь вашему приходу. Очень часто собака рычит, приходя в восторг от грубых ласк хозяина, когда тот шлёпает её по спине или дружески тыкает кулаком в бок. Опытное ухо, конечно, уловит разницу в тембре рычания агрессивно или дружелюбно настроенной собаки. Опять-таки здесь надо ориентироваться не по отдельным движениям собаки или звукам, а по общей обстановке и поведению в целом.

Итак, мы видим, что поведение собак далеко не так однозначно, как это может показаться на первый взгляд. Чтобы научиться понимать собаку, надо внимательно и постоянно наблюдать за ней. Поучиться этому мы можем у самой собаки — ведь она тонкий наблюдатель. Заметьте, собака постоянно слушает нас и следит за нами. Удивительно это её стремление общаться с человеком, понять его. С псом действительно можно разговаривать, поведать ему о своих радостях и горестях, просто поболтать, и он будет внимательно слушать, с интересом и пониманием глядя вам в глаза, настораживая уши и даже наклоняя голову (так собаки выражают своё удивление), когда в вашем голосе почувствует соответствующую интонацию. Нередко сообразительное животное может понять ваши намерения из ваших разговоров с другими людьми. Лежит себе пёс на месте и, кажется, не прислушивается к тому, как вы сообщаете знакомому по телефону, что подойдёте к метро его встретить. Вы берете собаку, выходите из дома, и она уверенно, не оборачиваясь на вас, бежит к метро. Маршрут этот, конечно, ей знаком, но вызывает восхищение та уверенность животного, с которой оно выбирает из многих привычных направлений именно то, о котором вы только что говорили по телефону.

Трудно определить, как она понимает смысл сказанного. На наш взгляд, тут действуют те же особенности поведения собак: постоянное внимание к поведению хозяина и, в частности, удивительная способность улавливать несловесную информацию, интересующую её.

Наши «братья меньшие» прекрасно понимают, что люди, разговаривая, передают друг другу словесные сообщения. Для них так же понятно, что делает разговаривающий хозяин, как нам понятно поведение нюхающей собаки. Но если для нас важен прежде всего конкретный смысл слова, то собака ориентируется на весь сложный комплекс нашего «разговорного поведения», не отделяя нашу речь от несловесных сообщений. Собственно, как это ни парадоксально, наша речь, с их точки зрения, видимо, особая форма несловесного способа общения. Они воспринимают целостную картину: и жесты, и мимику, и разговор, и отдельные знакомые им слова, и ситуацию, в которой все происходит. Здесь большой простор для предположений, так как вопрос этот пока плохо исследован. Несомненно одно: собака чутко реагирует на наше состояние и извлекает ценную для себя информацию.

Многие могут вспомнить, как в тяжёлые минуты собака пыталась утешить хозяина или вместе с ним переживала подавленное состояние. Пёс может почувствовать, что вы влюблены, и страшно ревновать вас к объекту вашего внимания, а вот норвежец Евер вспоминает, как, оказавшись глубоко в тундре без еды для своих ездовых собак, решил после мучительных раздумий убить самую слабую из них. Невероятным образом собака смогла понять его намерения и поменялась ночью с местом другой собакой. Хозяин пришёл в бешенство, когда увидел, что застрелил самого сильного, хотя и глуповатого пса своей упряжки. Правда, потом ему пришлось раскаяться в своём опрометчивом намерении, так как маленькая, но умная собачка сумела впоследствии спасти ему жизнь, выведя заблудившуюся упряжку к человеческому жилью.

Таких удивительных историй можно рассказать множество, но не в этом заключается

наша задача. Мы хотим обратить внимание на то, что ваша выдрессированная собака не только хорошо знает команды, но и прекрасно разбирается в вашем внутреннем состоянии. Часто в экстремальных ситуациях даже послушная собака реагирует больше на эмоциональное состояние хозяина, а не на его команды. Вот несколько примеров с нашими собаками.

Шнауцер — собака очень послушна и безотказно выполняет команду «Ко мне». С другой стороны, она не прочь поскандальничать с крупными собаками. Если хозяин замечает какую-нибудь крупную собаку раньше, то, во избежание скандала, подзывает к себе свою. Однако пёс безошибочно определяет, почему его подзывают, и начинает оглядываться, ища глазами другую собаку. Только очень умело симитированная равнодушная интонация команды может его обмануть.

А вот пёс другой породы — боксёр. Он не отличается излишней агрессивностью к людям и, когда с ним гуляет хозяин, как правило, прохожих игнорирует. Но если по какой-либо причине с ним идёт гулять другой член семьи, который опасается, как бы собака не бросилась на кого-нибудь, поведение собаки резко меняется. Внутреннее напряжение человека передаётся псу, и он, возбуждаясь, смотрит на окружающих с большим подозрением.

А как чутко реагируют собаки на суматоху во время переезда или сборов в дальнюю поездку. Обычно спокойное животное бестолково носится по квартире, поднимает неуместный шум, суетится и проявляет все признаки нетерпения. В общем, ведёт себя почти так же, как его нервные хозяева.

Очень важно для владельца собаки не только учитывать, что его внутреннее состояние чутко воспринимается собакой, но и понимать, как она его оценивает, ведь от этого зависят её поступки. Попробуйте посмотреть на себя глазами собаки, учитывая её взгляд на жизнь. Если хозяин не понимает, как собака оценивает его действия, он может получить неожиданные результаты.

Представьте себе, что ваша собака охотно ввязывается в драку, тем не менее она иногда вполне мирно расходится с противником. На прогулке вы встречаете другую собаку с её хозяином. Ваш пёс направляется к ней с явным желанием подраться. Вам этого не хочется, да и хозяин другой собаки нервно кричит вам, чтобы вы забрали свою. И вот вы совершаете первую ошибку: взволнованно и громко выкрикиваете запрещающие команды: «Нельзя», «Назад», «Фу». Но пёс, кажется, только ещё увереннее приближается к противнику. Вы отчаиваетесь и совершаете вторую ошибку: продолжая с тревогой и угрозой в голосе кричать на своего пса, вы бежите за ним, размахивая поводком. Вы грозите ему страшными карами. Он оборачивается на вас и... с радостным рыком вцепляется в противника. Какой негодяй! Он все делает назло!

Нет, собака действует по всем правилам «собачьего общежития». Это вы забыли два важнейших момента: во-первых, в глазах своей собаки вы такой же верный и преданный друг, как и она сама. Она считает своим долгом защищать вас и, с её точки зрения, это и ваш долг. Святое правило собачьей стаи — поддерживать долг. Во-вторых, во многих напряжённых ситуациях собаки воспринимают не конкретный смысл знакомых им команд, а все ту же общую ситуацию и ваше эмоциональное состояние. Поставьте себя на её место.

Вы видите противника, чужака и решаете показать ему, где раки зимуют, но ещё не очень уверены, стоит ли затевать драку, не ограничиться ли просто угрозой. И тут вы слышите, как ваш верный друг и защитник даёт какие-то воинственные вопли. Это вселяет в вас уверенность: ведь вас двое! Вы решительно наступаете на противника, но опять минутное колебание вызывает сомнения в своих силах, вы оборачиваетесь на своего верного товарища. Ура! Он полон воинственного огня и бежит к вам на помощь. Сейчас мы покажем этому чужаку! Вот хозяин уже близко — можно смело бросаться в бой.

Итак, изучайте свою собаку, старайтесь понять её поступки, исходя из собачьей логики, а не из своей собственной. Это даст вам возможность управлять псом в своих собственных

интересах. А мы можем только повторить свой призыв учиться у собаки наблюдательности. Её умение извлекать выгоду из слабостей хозяина поистине вызывает восхищение.

Среди нас живут удивительные существа, которые взяли на себя обязанность быть всегда у нас под рукой. Они нас любят независимо от того, заслуживаем мы этого или нет. Они принимают нас такими, какие мы есть, нам бы стоило повнимательнее приглядеться к ним. И в этом только мы сами можем помочь себе. Все, что написано о собаках, в том числе и в этой книге, — это не столько руководство к действию, сколько основа для выработки собственной линии поведения. Отношения собаки и хозяина очень индивидуальны и, кроме того, зависят и от породы собаки. Среди собак есть очень самостоятельные личности. Некоторые например лайки, мелкие терьеры, чау-чау, отличаются независимостью и драчливым характером. Если спокойного пуделя вы сможете удержать от драки своим собственным невозмутимым поведением, то с фокстерьером это не всегда случается.

Невозможно дать рецепты на все случаи жизни. Трудно учесть все разнообразие индивидуальных особенностей и породных качеств собак. Здесь поможет только собственная наблюдательность, терпение и, конечно, любовь и уважение к своему умному другу.

Обращайтесь с собакой как с равным собеседником, и она станет лучше понимать вас без всякой специальной дрессировки. Чем чаще вы будете просто разговаривать с собакой, тем больший материал для анализа своего поведения вы ей предоставите, а это значит, что вы сделаете ещё один шаг к взаимопониманию.

Выпрашивание и внимание

Попробуйте опровергнуть наше утверждение, что собака лучший знаток человека, чем она сам.

М. В. Рутовская О ЧЁМ ЛАЮТ СОБАКИ

Слух у собак развит хорошо, чувствительно выше, чем у человека, да и диапазон частот, которые могут слышать собаки, шире. Они хорошо различают ультразвуки, и в некоторых случаях дрессировщики используют ультразвуковые сигналы вместо голосовых команд. Собаки всегда активно пользуются слухом для контроля обстановки — шорохи, стук, человеческая речь и голоса сородичей. Акустическая сигнализация играет у диких предков собак второстепенную роль и имеет преимущество тогда, когда другие коммуникационные каналы работают плохо из-за условий окружающей среды: ночью, на больших расстояниях, в закрытых местах обитания. Поэтому набор звуков у волков и шакалов не велик. Для собак же акустический канал приобретает более важное значение благодаря тесному общению с человеком, для которого речь и голос — основное средство коммуникации.

Звуковые системы общения у людей и у собак принципиально отличаются. Акустическая коммуникация собак, как и всех остальных животных, относится к первой сигнальной системе. Звуки, составляющие первую сигнальную систему, отражают эмоциональное состояние зверя, его мотивационное состояние — голод, агрессию, половое возбуждение и так далее. Человек также пользуется первой сигнальной системой; к ней относятся такие звуки, как смех, плач, различные возгласы, крики испуга или боли, стоны. Голос каждого отдельного зверя имеет свои характерные особенности, по которым партнёр может определить его индивидуальную принадлежность, а также пол, возраст. Речь человека относится ко второй сигнальной системе, у которой одно из главных отличительных свойств — возможность передавать информацию об удалённых во времени и пространстве событиях. Человек может рассказать слушателю о своих чувствах, о предметах и их свойствах, о действиях, происходящих с ним или другими действующими лицами сейчас или в далёком

прошлом, фантазировать о будущем. Это свойство речи американский лингвист Ч. Хоккент назвал «перемешаемостью». Звуки, составляющие человеческую речь, так же, как и звуки первой сигнальной системы, несут и вторичную информацию об индивидуальной принадлежности говорящего, его возрасте, поле, эмоциональном состоянии и настроении. Человеческая речь — явление уникальное, аналогов её в животном мире пока не обнаружено. Человек учится пользоваться этой системой в первые годы жизни. Способность же к обучению и голосовому подражанию у млекопитающих очень ограничена. Каждый вид имеет свой строго генетически запрограммированный репертуар звуков, но изменчивость их, отражающая каждую конкретную ситуацию, может быть довольно велика. Это и позволяет животным передавать значительную информацию об их состоянии.

Обучить собаку издавать звуки, не характерные для неё, практически невозможно, а научить понимать значение этих звуков — задача вполне реальная. Опыт показывает, что понимание значения звуков возможно не только между особями своего вида, но и даже между представителями разных классов животных. Например, в открытых ландшафтах на свист птицы-каменки, предупреждающей сородичей об опасности, реагируют вполне адекватно суслики и сурки, и наоборот, а тревожный стрекот сорок настораживает все лесное население.

Взаимопонимание возможно, с одной стороны, благодаря индивидуальному опыту каждой особи, а с другой — благодаря общим закономерностям кодирования информации с помощью звука. Человеческая речь, вернее, её носитель — голос, подчиняется тем же закономерностям, что и обуславливает хорошее взаимопонимание между владельцем и его собакой.

Некоторые из этих закономерностей были сформулированы Е. Мортоном в 1977 году. Они известны как мотивационно-структурные правила. Мортон выделил в поведенческом спектре «конечные точки»: враждебность и дружелюбие. Сигналы, отражающие враждебные настроения партнёров, представлены резкими широкополосными звуками (например, рычание, рёв), дружелюбные сигналы — звуками чистыми и относительно высокочастотными (например, скуление). Низкие звуки обладают отпугивающим действием, а высокочастотные — привлекающим.

Существует точка зрения, что эти закономерности связаны с различием в голосах взрослых особей и детёнышей. У всех молодых животных голос выше и тоньше. Высота звука определяется длиной звуковой волны, которая в свою очередь прямо зависит от размеров гортани — длины голосовых связок, таким образом, чем мельче зверёк, тем меньше длина его голосовых связок, тем короче длину волны он может воспроизвести, тем выше звук.

Звуки детёнышей — пiski, скуления — привлекательны для самок, они же снимают агрессию у других взрослых особей. По мере роста зверя грубеет его голос, но у некоторых взрослых животных издаваемые ими тонкие высокочастотные звуки свидетельствуют об их подчинённом положении. У взрослых животных голос отличается тембром, зависящим от пола и физиологической зрелости зверя, его умения управлять своими голосовыми связками.

Звуки, издаваемые животными в каждой конкретной ситуации, различаются не только в зависимости от вида животного и индивидуальной особенности зверя, но и у каждой отдельной особи в зависимости от её эмоционального состояния. Эмоциональная окраска сигнала определяется его ритмической структурой. С повышением возбуждения у зверя увеличивается длительность отдельных сигналов, уменьшаются интервалы между ними, повышается тональность звука и его интенсивность и так далее.

Индивидуальный опыт общения с конкретными партнёрами помогает животным хорошо понимать друг друга. Возвращаясь к проблеме общения собаки и человека, необходимо отметить, что упомянутые выше правила, бесспорно, помогают человеку понять оттенки звучания разных сигналов его спутников, а их по интонациям и эмоциональной окраске голоса хозяина узнавать, в каком он настроении и что хочет от своего питомца.

Собаки быстро начинают понимать не только интонации, но и отдельные значения слов, связывая их с конкретными предметами и действиями. Число слов и даже фраз, которые могут понимать собаки, исчисляется сотнями. Слова, фразы собаки запоминают не только в результате специального обучения, но в обычной жизни — при общении с членами семьи, в процессе воспитания. При этом их аналитические способности слуха позволяют различать речевые звуки на основе тех же признаков, что и человеку. Все домашние собаки прекрасно понимают смысл многих слов. Особенно хорошо она запоминают названия пищевых продуктов. На такие слова, как «кушать», «мясо», «молоко», «печенье», «косточка», «сухарик»: собака реагирует с явным пониманием их смысла, независимо от интонации, с которой они произносятся. Она возбуждается, облизывается, глядя на хозяина, лает и с готовностью бежит на место, где её кормят, или к холодильнику. Причём в зависимости от того, что она больше любит, различается степень возбуждения. Название особо любимых вещей сразу вызывает у неё бурную реакцию: она лает, подпрыгивает на месте, стремглав бежит к шкафчику, где держат лакомство, если произнести название обычной пищи, то пёс может просто насторожиться или облизнуться.

Наши собаки знают имена членом семьи и наших знакомых, клички своих приятелей и врагов и даже названия мест, где они часто гуляют. Прекрасно различают они «пошли гулять» и «поехали» — значит, предстоит дальняя вылазка с хозяином, чему они бывают страшно рады. С удивлением замечаешь иногда, как с пониманием реагирует собака на целые фразы. На прогулке бросишь ей вскользь: «Подожди меня!» — и смотришь, она стоит, обернувшись на тебя и терпеливо ждёт. Скажешь ей: «Отойди, пожалуйста, я сейчас занята» — и она, вздохнув, отходит, ложится на место, терпеливо ожидая, когда ты обратишь на неё внимание. Собираешься в командировку — она радостно крутится около сумок, полагая, что её тоже берут. Говоришь ей: «Я тебя не возьму, ты останешься дома» — и она понимает, отходит и грустным укоряющим взглядом провожает тебя.

Но всё же собаке легче ориентироваться на интонацию. Скажите своему питомцу ласково: «Какая противная собака» — и он воспримет это как похвалу, а теперь резким голосом: «Красивая собака» или «Хорошая собака» — и она решит, что её ругают. Но, с другой стороны, она будет недалеко от истины, ведь интонация может поменять значения фразы с точностью до наоборот. К.Лоренц приводит в своей книге два примера дифференцированного реагирования собак на близкие по созвучию слова. Так, у знатока психологии животных Сарриса, имевшего трех овчаров с похожими именами: Харрис, Арис и Парик, все овчарки чётко различали свои клички, и реагировала только та, к которой в данный момент обращались. Шнауцей Аффи по-разному реагировала на слова «Катци», «Шпатци», «Наци» и «Эйхатци», обозначавшие соответственно «котёнок», «воробушек», кличку ручного ежи и «белочку».

Для того чтобы собака освоила значения слов и фраз, необходимо регулярно обращаться к ней короткими фразами с различной интонацией. А владельцу понять своего питомца поможет наблюдательность и знание того, что эти звуки означают при общении собак между собой.

КАК И О ЧЁМ «РАЗГОВАРИВАЮТ» СОБАКИ?

Щенки издают звуки с первых дней жизни. Классик биоакустик Г. Темброк в 1976 году опубликовал большую статью, в которой анализировал звуки, издаваемые многими видами собак, в том числе и домашними собаками. Несколько страниц его работы посвящено развитию акустической сигнализации у домашних собак. Он выделил восемь типов звуков у щенков: брюзжание, тремолирующий писк (неравномерный звук, напоминающий трель), отрывистый писк, просто писк и, наконец, лай. В первые дни после рождения щенята чаще всего ворчат и пищат. Лаять она начинают только на девятый-двенадцатый день, хотя и в это время лай малышей слышен очень редко. Несмотря на структурные отличия, все издаваемые щенками звуки направлены в основном на привлечение внимания матери. Только крик-воплъ

— это боль и обида. Звуки щенячьего возраста сохраняются у животных и во взрослом состоянии, только значение их может несколько измениться.

Рассматривая звуки у взрослых представителей семейства собачьих, Г. Темброк по структуре выделяет десять типов, девять из которых встречаются у домашних собак: протяжный скулёж, смешанная форма скуления и визга, скуление, звонкое скуление, вой, лай, рычане-шипение, сопение-храп, брюзжание. Если рассматривать эти звуки по функциональному значению, то их лучше объединить в пять групп: лай, скуление или писк, визг, вой и рычание (ворчание). Е. Бергман в книге «Поведение собак» выделяет ещё вопль — выражение боли или резкого испуга (здесь объединение с визгом), вздохи, храп, кашель и чихание. Последние четыре типа звуков не имеют коммуникационного значения. Е. Бергман не отмечал на них реакции со стороны других собак. Кроме перечисленных звуков собаки могут издавать ещё стон. Его, в частности, регистрировали М. Герд и его сотрудники, проводившие опыты и тренировки собак перед космическими полётами. Стоны когда собаки оставались длительное время в одиночных камерах без общения с людьми и другими собаками. Некоторые собаки видят сны, когда спят. Она перебирают лапами и издают сдавленный лай.

Лай — настолько обычный и часто употребляемый звук, что даже малыши, едва научившиеся говорить, характеризуют собак именно этим звуком — «гав-гав». Однако собаки породы бассенджи не умеют лаять. Это собаки рыжего цвета, некрупные, распространены в основном в Африке. Порода, видимо, очень древняя, из охотничьих, у которой в результате отбора на молчаливых особей генетически закрепилось неумение лаять. Все остальные звуки бассенджи издают так же, как и собаки других пород.

Мимика собаки: молчит; сидит; глухо рычит; громко рычит

Обычно лай собак связывают с защитой дома и хозяина. У волков этот звук встречается довольно редко, и, по-видимому, не связан с охраной логова. Однако завывания со влзлаиваниями, вероятно, имеют значение предупреждения об опасности. А. Никольский наблюдал, как волчица коротким влзлаиванием запрещала волчатам отвечать на подвывку человеку и уводила щенков от опасного места. Тихим глухим влзлаиванием волки привлекают внимание членов стаи.

У собак в общем между собой лай сохраняет значение команды к сбору или вниманию. Так, Е. Бергман описывал, как мать-такса лаем подзывала дочь, а вожак стаи (тоже такса) собирал свою группу. Часто лай используют собаки при приглашении сородичей к игре или, наоборот, при антагонистических отношениях, особенно когда они хорошо защищены от противника (например, забором). К. Лоренц в книге «Человек находит друга», в главе «Забор» описывается, как его собака Булли и её заклятый враг — белый шпиц, живший в доме с садом, тянувшимся вдоль улицы, при встрече носились по обеим сторонам этого забора, заливаясь яростным лаем и останавливаясь на мгновение у последнего столба, чтобы перед тем, как повернуть обратно, обрушить на врага ураганный взрыв показной ярости. Но однажды забор начали чинить, и половину штакетника, расположенную ближе к Дунаю, разобрали, так что теперь он через пятнадцать метров обрывался. К. Лоуренц и Булли спустились с холма, направляясь к реке. Шпиц, конечно, их заметил и поджидал Булли в ближайшем к ним углу сада, рыча и дрожа от волнения. Сначала противники, по обыкновению, обменялись угрозами, стоя на месте, а затем обе собаки, каждая по своей стороне, помчались вдоль забора. И тут произошла «катастрофа» — они не заметили, что дальше штакетник был снят, и обнаружили свою ошибку, только когда добрались до дальнего угла, застыв в неподвижной позе. Они встали, вздыбив шерсть и оскалив клыки... а забора между ними не оказалось! Лай сразу оборвался. Точно по команде, они повернулись, помчались бок о бок к ещё стоящему штакетнику и там вновь подняли лай, словно ничего не произошло. Такое поведение волкам совсем не свойственно.

М. Герд выделяет у лая две функции: приманивающую и угрожающую. И действительно, при общении с хозяином или членами его семьи лай, как правило, — выражение радости, нетерпения, привлечение внимания к себе. Собака при этом прыгает, машет хвостом, «улыбается».

Угрожающая форма лая — это проявление сторожевого рефлекса в ответ на шумы, чужих людей или собак. Е.Бергман считает, что лай в этих случаях — автоматический звуковой сигнал, выражающий просто настроение, и он не имеет ничего общего с интеллектуальной деятельностью собак. Но с этим трудно согласиться. Хотя, действительно, некоторые брехливые собаки на шумы, хлопанье дверью, звонок иногда не могут сдержать лая, даже если знают, что им за это попадёт. Но, с другой стороны, некоторые собаки очень дифференцированно реагируют на опасность и людей и порой очень «сознательно» используют лай.

Я знаю одну кавказскую овчарку. Несмотря на грозные размеры, она хорошая, доброжелательная собака. Людей, живущих по соседству, она прекрасно знает и не считает нужным их облаивать. Но хозяин с этим не согласен. Он ошибочно считает, что хороший сторож должен брехать и кидаться на всех подряд, и поэтому недоволен её миролюбивым поведением. Собака оказалась умнее его. Хозяин дома — она облаивает всех подряд. Его дома нет — она спокойно подходит к забору, дружелюбно виляя хвостом знакомым людям.

Лай собак имеет чёткие индивидуальные отличия. По лаю хозяин всегда выделит свою собаку из сотни других. Да и любую знакомую собаку определить по голосу совсем нетрудно. Но не только человек, а сами собаки прекрасно узнают друг друга по голосу, так же, как различают голоса и шаги хозяев и знакомых людей. Примеров тому множество.

Я работаю за городом, на биостанции, где сотрудники живут подолгу, а вместе с ними живут и их собаки. Естественно, что между ними складываются самые разные отношения: от дружелюбных и равнодушных до отчаянной вражды. Так, эрдельтерьер Ивар и боксёр Джин ненавидели друг друга. Чтобы не было кровавых драк, их приходилось разделять: одна собака гуляет, другая — сидит в доме. Обычно довольно спокойный пёс Ивар, заслышав за окном, даже где-то вдали, лай Джина, заходился яростным лаем, угрожая выдавить стекло в окне. Джина давно нет, но Ивар перенёс свою ненависть на хозяйку Джина и все так же бросается и заходится яростным лаем, услышав её голос или увидев её в окне.

Лай не только средство общения собак между собой и с хозяином, но и для многих пород основной инструмент в их профессии. Лаю в этом качестве посвящена последняя часть этой статьи.

Вой — встречается значительно реже, чем лай, и, как правило, вызывает у хозяев собак неприятные ощущения, хотя вой собак — довольно красивый и мелодичный звук. Когда воют собаки? Это выражение «тоски», одиночества, интуитивное действие, направленное на объединение, воссоединение со своей «стаей» ли хозяином. Вой имеет одну особенность» этот звук легко возбуждает окружающих особей, которые охотно вступают в хор. Многие собаки начинают подвывать телевизору или магнитофону. Если вместе живут несколько собак, они могут иногда составлять довольно приятные хоры.

Значение воя становится хорошо понятным, если вспомнить, что он означает у волков. Волки используют вой в основном для контактов на больших расстояниях. Вой волков всегда привлекал исследователей. Ему посвящено много работ, большая часть которых принадлежит Ф. Харрингтону и Д. Мех. Эти исследователи проводили наблюдения за волками в штате Миннесота в США. Их интересовало, кто воет из членов стаи, как связан вой с размерами стаи, её состоянием, передвижением, как зависит частота воя от времени года, суток, территориальных отношений.

По мнению этих исследователей, вой служит в первую очередь для регулирования территориальных отношений между стаями и особями-одиночками. Во время ответа стаи на вой соседней группы передаётся информация о составе группы, наличии добычи, настроении и отношении к передвижению соседней стаи. Вой может содержать предоступление об атаке, информацию о передвижении всей группы или отдельных её членов. Волки чаще воют, если

в стае есть щенки. В декабре и январе, когда щенки подрастают, групповые ответы на подвывку или хор соседей становятся спорадичными и редкими. В феврале звуковая активность волков опять повышается в связи с началом сезона размножения.

Хоры при переключке помогают им избегать лишних стычек на границе территорий. Часто небольшие, слабые стаи и одиночные волки используют информацию, содержащуюся в вое стаи — хозяина территории, для того чтобы избежать столкновения с сильным и, может быть более многочисленным соперником. Но сами одиночные волки воют редко.

В отличие от них волчата часто отвечают на подвывку. Они ещё доверчивы и, видимо, плохо отличают своих от чужих. С возрастом они становятся более осторожными и отвечают уже не так часто.

Исследования показали, что вой имеет не только территориальное значение, он также выполняет функцию регуляции поведения отдельных членов стаи. Наиболее часто первыми реагируют на вой соседей или имитацию воя альфа-самка и афльфа-самец группы — звери более сильные и мудрые, как правило, родоначальники стаи. Затем вступают в хор переярки — щенки годовалого возраста, и более взрослые звери, занимающие в этой группе подчинённое положение, и, наконец, щенки. Если основная группа загнала добычу и готова её принести щенкам, вой означает для щенков приказ собраться к логову.

Некоторые исследователи даже предполагают, что вой волков может передавать более сложную информацию, почти абстрактную. В прекрасной книге, посвящённой защите волков от несправедливого на них гонения, «Не кричи, волки!» Ф. Моуэт приводит два примера «разговора» волков, который местные охотники, по-видимому, способны понимать. Вот как он описывает эти случаи. Автор и эскимос Утёк наблюдали за логовом волчицы Ангелины и её супруга Георга. Ангелина с волчатами спрятались в логове от духоты и туч надоедливых насекомых, а два взрослых самца спали после ночной охоты неподалёку.

«Становилось скучно, и меня начала одолевать сонливость, как вдруг Утёк приложил руки к ушам и внимательно прислушался. Я ничего не слышал и никак не мог понять, что привлекло его внимание, пока он не шепнул: „Слушай, волки разговаривают!“ — и показал на гряде холмов километрах в восьми к северу от нас.

Я напряг слух, но если волк и вёл «радиопередачу» с далёких холмов, то работал не на моей волне. Казалось, в эфире нет ничего, кроме зловещего стога комаров, но Георг, спавший на гребне эскера, внезапно сел, наострил уши и повернул свою длинную морду к северу. Спустя минуту он откинул голову назад и завыл. Это был вибрирующий вой: низкий вначале, он заканчивался на самой высокой ноте, какую способно воспринять человеческое ухо.

Утёк схватил меня за руку и расплылся в довольной улыбке.

— Волки говорят: «Карибу пошли!»

Оказывается, волк с соседнего участка, лежащего к северу, не только сообщил, что давно ожидаемые карибу двинулись на юг, но и указал, где они сейчас находятся. Более того, и это совсем невероятно, выяснилось, что волк-сосед сам оленей не видел, а просто передал информацию, полученную им от волка, живущего ещё дальше. Георг, волк, который её услышал и понял, в свою очередь, передал добрую весть другим».

Информация, которую получил Утёк, подтвердилась. Эскимосы пошли на охоту и нашли карибу именно там, где указал вой волка с далёких холмов. Второй подобный случай касался людей, появившихся в пределах угодий Георга и Ангелины, и Утёк, прослушав информацию, нашёл и привёл этих людей. Ф. Моуэт больше публицист и писатель, чем учёный, и доверять его данным надо очень осторожно. Но даже если способность волка «разговаривать» с помощью воя сильно преувеличена, ясно одна — вой не представляет угрозы.

Вой не имеет никакой таинственной агрессивной окраски, особенно по отношению к жертве, в то время как потенциальная жертва по вою может определить место нахождения стаи и возможность её вызова на охоту. Вой можно определить как звук миролюбивый, служащий для объединения членов группы и организации бескровных отношений с

соседями. Мне не удалось найти в научной литературе упоминания о том, чтобы волки были перед нападением или загоняя добычу. В художественной литературе вою волков, как правило, придаётся зловещий оттенок, который в дальнейшем переносится и на вой собак.

У собак вой, хотя и потерял в некоторой степени своё значение, служит для установления чувства сплочения со своими партнёрами, особенно если для этого существуют какие-либо преграды.

Функциональное значение рычания — угроза. Встречается рычание почти у всех хищных млекопитающих. Е. Бергман считает, что рычание связано с агрессивным состоянием, характеризующим почти полным отсутствием страха. Но часто встречаются и обратные ситуации. Боящаяся, неуверенная в себе собака начинает заранее рычать, как бы предупреждая, что может защищаться. Хотя именно такое поведение может спровоцировать нападение более сильной собаки. Уверенная же в себе собака, с чувством собственного достоинства, может даже не обратить внимания на более слабого, небрежно его понюхав. Если же противник храбрится, достаточно будет слегка показать клыки, приподняв верхнюю губу.

Демонстрация клыков, оскаленность пасти — мимика, характерная для всех собачьих. Степень выраженности может быть разной: от малозаметно подёргивающейся губы, через чёткий оскал зубов до оскала, сопровождающегося хорошо слышимым рычанием. Причём самая опасная поза — наименее выраженная. При этой позе собака вероятнее всего может перейти в нападение. Чётко же выраженная демонстрация служит как раз для предупреждения стычки.

Значение рычание легко продемонстрировать на конкретных случаях.

Ситуация первая: рычание от страха. Мы с Тихоном идём на прогулку. Тихон — дворняга небольших размеров. К нам подходит здоровый дог и, миролюбиво склонившись, начинает его обнюхивать. Хвост у Тихона опущен, поза напряжена, а огромная голова в пасти которой может уместиться четверть Тихона, приводит его в ужас. Вся поза, настороженный взгляд, опущенный хвост говорят о том, что Тихон испуган и не доверяет партнёру. Провожая взглядом каждое движение дога, Тихон начинает рычать. Уголки рта оттянуты назад, морда оскалена, уши прижаты. Видно, что каждую минуту Тихон готов вцепиться, отчаянно защищаясь.

Ситуация вторая: презрение, при котором противник не удостоивается даже рычания. Несколько лет назад у меня жила овчарка по кличке Чеget. Драться он не любил, маленьких не трогал, но готов был бегать целыми днями за палкой. Однажды мы с ним были с гостей на даче. Хозяевами дачи себя считали уже пожилой фокстерьер и его друг — молодой спаниель. Сначала мелкие псы пытались из-за углов бросаться и рычать, но, возбуждённый прогулкой и вниманием людей, Чеget не обращал на них никакого внимания. Затаив обиду, друзья искали случая отомстить. По их мнению, подходящий момент наступил вечером на открытой веранде, когда устроили танцы. Чеget периодически забегал на веранду, и кто-нибудь из танцующих бросал ему палку в сад. Вот в этой толчее фокс, поддерживаемый спаниелем, бросился на Чегета. началась свара. Чеget, не выпуская палки изо рта, резким движением бедра ударил фокса так, что тот отлетел к стенке и сильно ударился. Спаниеля и след простыл, да и фокс до конца вечера больше не появлялся. Мир воцарился.

Ситуация третья: рычание как демонстрация нежелания вступать в контакт, особенно если партнёра трогать нельзя. Это очень распространённая ситуация. Мы сидим на веранде, обедаем. Тихон лежит в стороне. Здесь же на веранде находятся две таксы: мать — Микки и её трехмесячная дочь — Мурена. Мурене очень хочется поиграть с пушистым хвостом Тихона, но ему это не нравится. Поэтому на любой подход Мурены раздаётся оглушительное рычание, морщится морда, а в глазах Тихона отчаяние, на Мурену это не действует, а трогать щенка нельзя.

И, наконец, ситуация четвёртая: встреча равных. Тоже довольно обычная ситуация. Тихон и ирландский терьер Том были примерно равных весовых категорий. Оба особенно драться не любили, но каждая их встреча в течение нескольких лет сопровождалась

демонстрациями. Они подходили друг к другу на напряжённых прямых ногах, подняв хвосты. На расстоянии принимались друг к другу, оскаливались и начинали злобно рычать. Затем медленно по дуге обходили друг друга. Пройдя несколько кругов, поочерёдно поднимая лапы около одного и того же столбика и все ещё не спуская друг с друга глаз, на прямых ногах Тихон и Том расходились в разные стороны, очень довольные собой.

Этими четырьмя примерами в общем-то и исчерпываются ситуации, когда собаки при общении между собой используют рычание.

По отношению к человеку, особенно к незнакомому, рычание — это более реальная угроза. Лающая собака представляет меньшую опасность, чем рычащая, а громко рычащая — меньшую, чем та, которая только слегка показывает клыки, сморщив верхнюю губу. Первые из всех сил стараются показать, какие они злые, и надеются, что этого будет достаточно, чтобы отпугнуть непрошеного гостя; последняя же очень уверена в себе, и нападение с её стороны весьма возможно.

Встречается и другая сторона рычания — игровая. В общем-то оно тоже означает угрозу, но не настоящую, скорей, шутивную. Часто рычат щенки, возясь между собой и со взрослыми, может рычать собака и на своего хозяина, если он в игре что-нибудь пытается отнять; рычат собаки иногда даже сами с собой, таская шуршащую бумажку или просто обыкновенную палку.

Собака воет; собака лает

Тихон научился рычать по команде. Но в отличие от лая, который обученная собака достаточно охотно издаёт по команде, рычит Тихон только тогда, когда есть на кого и есть за что: например, если человек, на которого я его прошу порычать, дразнит его или меня, менее охотно, если этот человек из нашей же семьи или хорошо знакомый; и уж совсем отказывается рычать, если он, с точки зрения Тиши, ничего предосудительного не делает. Если я настаиваю, он издаёт какую-то смесь между рычанием и скулением, и ему крайне неудобно перед гостем.

Таким образом, рычание довольно однозначный сигнал. И если собака рычит на хозяина всерьёз (это может случиться, если вы её наказываете) — это может кончиться укусом и потерей взаимопонимания. В этой ситуации так же может быть два варианта: один — собака отчаянно боится наказания, значит, со строгостью перегнули палку, надо искать более дипломатический путь воспитания; второй — собака озлоблена, хочет взять над хозяином верх. Это ошибка воспитания — сопротивление собаки необходимо сломить, но по-другому. Задача не из простых.

Визг относится к звукам высокого эмоционального напряжения — боли, страха, а иногда, наоборот, радости (например, хозяин идёт). Визг может объединиться с лаем, со скулением, отражать множество оттенков.

Визг от боли и страха — это отражение слабости, психологически неприятной ситуации. При этом довольно характерно положение уголков рта — они настолько оттянуты назад, что становится видимой слизистая оболочка, обрамляющая губы тёмной каёмкой. Даже не человеческий взгляд, собачья морда при этом приобретает особое тоскующее выражение, вполне соответствующее звукам, которыми оно сопровождается.

Другой оттенок визга — если собака радуется. На морде появляется «улыбка», рот приоткрыт, глаза весёлые.

Скуление — звук универсальный, встречающийся у всех детёнышей млекопитающих. Скуление, пiski издают детёныши копытных, хищных, насекомоядных и мелких грызунов. Скуление детёнышей привлекает внимание сородичей, поддерживает материнское поведение, подавляет агрессию взрослых особей своего вида, а иногда не только своего. Скуление сохраняется и во взрослом состоянии — как инфантильный звук, характерный для подчинённых особей. Не являются исключением и собаки. Много скулит месячный щенок,

только что отнятый от матери, — он просит материнского внимания. Все просьбы щенка будет выражать писком и скулением. В совокупности с другими формами поведения по звукам нетрудно определить, когда он хочет есть, когда гулять, когда ему скучно, когда хочется тактильного контакта. Как правило, в семье собака сохраняет подчинённое положение по отношению к хозяину, поэтому скуление часто сохраняется у неё при взрослении, выражая либо просьбу либо радость, смешиваясь при этом с лаем и визгом.

ЛАЙ НА СЛУЖБЕ ЧЕЛОВЕКУ

Первобытные племена сопровождали постоянно стаи шакалов. По ночам они, все более и более смелея, подходили близко к костру, подбирая объедки. Людей и их назойливых спутников ещё не связывала никакая дружба, но знакомое тьяканье и вой шакалов успокаивали и создавали видимость безопасности, особенно когда племени было плохо и неуютно в незнакомой местности, а вокруг таилось столько врагов. И тогда люди начали подкармливать шакалов. Прошло много тысячелетий, прежде чем шакалы превратились в настоящих домашних собак, помощников человека на охоте. Но именно звуки — тьяканье и вой — послужили началом дружбы человека с предками собаки. Приблизительно так представляет себе появление домашней собаки К.Лоренц. Многие учёные могут не согласиться с «шакальным» происхождением собаки. Да и вся картина первых контактов между человеком и предсобакой — плод нашего воображения, ведь не осталось никаких документальных свидетельств того, как именно всё это происходило. Однако не только К.Лоренц, но и другие исследователи, например И.Барабаш-Никифоров и А.Формозов, считают, что именно случайная охрана первых человеческих поселений с помощью лая, воя было первопричиной приручения предком собаки.

В настоящее время насчитывается несколько сотен пород домашней собаки, и для многих из них голос остался одним из основных рабочих инструментов при совместной работе с человеком.

Самая древняя профессия собак — охрана. Каждая собака решает эту проблему по-своему. Одна молча бросается на пришельца, другая яростно лает, пока чужой не уйдёт, третья лает только до тех пор, пока не выйдет хозяин, а затем успокаивается и следит только за тем, чтобы посторонний не причинил никакого вреда хозяину (пожалуй, только в этом случае и можно говорить об истинной охране), четвёртая вообще не высунется, пока хозяин не выйдет, и только под его защитой и рядом с ним будет яростно лаять, чтобы показать, как она честно охраняет. Но не все собаки лают при появлении чужих или опасности. Бродячие, бесхозные псы, наоборот, лают редко, стараясь не привлекать к себе внимания. Крупные собаки, особенно если они не на привязи и могут достать до врага, после непродолжительной позы угрозы могут напасть молча, а мелкие дворняжки — настоящие звоночки. Но если пойти на них прямо, не сворачивая, лай дойдёт до бешенства, а напасть решится не каждая. Такие звоночки характерны для деревень — они требуют немного заботы, неопасны для окружающих, но по их лаю можно чётко определить, что происходит за порогом дома.

У пастушьих собак лай, кроме основной функции (охрана стада от диких зверей и лихих людей), имеет и дополнительную: указать чабану на местонахождение отбившихся от стада животных.

У ездовых собак — лай серьёзный недостаток. Если собака лает во время движения — значит, она плохо физически подготовлена. Ездовые лайки должны молчать и потому, что на собачьих упряжках ездят зимой коренные жители Севера на охоту на морского зверя на лежках. Главное условие удачного промысла — тихо подобраться к зверю, а следовательно, на лающей упряжке охота не может быть удачной.

У некоторых пород собак использование лая на работе — это настоящее искусство. В первую очередь к таким породам относятся зверовые лайки и постепенно исчезающие, к

сожалению, гончие.

Лайка даже название своё получали от слова «лай». Хорошая рабочая лайка и хозяина своего защитит и на охоте будет выдержана, вязка и точна. При добыче промыслового зверя лайка молча ищет и идёт по следу, и только увидев зверя, подаёт свой голос и далее преследуется его или заставляет остановиться и занять оборону. Ориентируясь на постоянную звуковую метку, охотник находит зверя. Голос лайки должен различаться в зависимости от того, какую дичь она нашла и задержала: если это куница или соболь — лай злобный, белка — ровный и настойчивый. Глухарь — птица осторожная, и неумелым облаиванием можно её спугнуть, не дождавшись подхода охотника. Поэтому лаять надо осторожно, не подходя близко и вполголоса. Если же лайка догнала крупное копытное — лося или оленя, её задача — удержать зверя на месте, а для этого лаять надо незлобно, чтобы не испугать зверя, и обязательно перед мордой, не давать ему двигаться вперёд. При подходе охотника собака должна отвлечь внимание зверя на себя, чтобы можно было подойти на расстояние выстрела.

Молодые лайки, как правило, облаивать зверя не умеют. Чтобы научить их правильно работать, необходимо много выдержки и опыта. Лучше всего натаскивать собаку в паре с опытной рабочей лайкой. Охотники-промысловики часто обучают своих собак облаивать только одного промыслового зверя и наказывают собаку, если она начинает облаивать всех подряд. Ну и совсем не допускается для лаек подача голоса на следу, например за зайцем: догнать не догонит, на выстрел не поставит — охота впустую. Гонная охота — работа гончих.

Гончие — одна из самых древних пород охотничьих собак. Ещё в IV в. до н.э. Кимон Афинский описывал охоту с гончими, которые гнали и искали зверя молча, а подавали голос, только лишь завидев его. Эти гончие не только выгоняли зверя под охотника, но и сами давили его — собственно говоря, это были ещё не настоящие гончие, а некая смесь между гончей и борзой. Позднее появились собственно гончие, которые находили и гнали зверя, и борзые, главной задачей которых было догнать и придавить добычу. Борзые работали молча, а гончих стали отбирать по голосам, чутью и паратости, то есть скорости движения по следу, не сбиваясь с него.

Голос гончей сильно отличается от голосов собак других пород — сильный, далеко слышимый (доносчивый), обладает своеобразное мелодичностью. Диапазон голоса — от дисканта до баса-октавы. У гончих различают несколько типов голосов: бушур — низкий басовый голос, близкий к октаве; с гнусью («томный») — голос, издающийся немного в нос; фигурный — сильно модулированный, переходящий с низкого на высокий и обратно; яркий — звучный, который слышится восемь раз в течение одного такта; голос с заливом — не отрывистый, а сопровождающийся слабеющими продолжениями другого тона; с «заревом» — не отдельные взбрехи, а сплошной низкий рез до вздоха, затем пауза — и опять. «Зарев» свойственен выжленцам, то есть кобелям, а у выжловок (сук) бывают непрерывно льющиеся высокие голоса, несколько похожие на вопль или визг; ординарные голоса — не имеющие ярко выраженных особенностей.

По характеру отдачи голосов у гончих выделяют редкоскалость — недостаточную отдачу голоса при гоньбе, слабоголосость — то есть излишнюю отдачу голоса, ещё до поднятия зверя, и третий тип — пустобрёхи — гончие, лающие вообще без следа. Хорошая гончая отдаёт свой голос горячо и с полной отдачей лишь на гоном следу, а если сойдёт со следа — должна замолчать. Необыкновенная красота охоты при работе с гончей известна теперь немногим. Вот как описывает её Е. Дриянский в своей книге «Записки мелкотравчатого»: В острое в один миг, как будто упавшая в пропасть, взревела стая. Но что это были за звуки! Это был не взбreh, не лай, не рёв — это прорвалась какая-то пучина, полилась одна непрерывная плачущая нота, слитая из двадцати голосов...»

Охоты с гончими и борзыми уходят в небытие, и не только потому, что стало трудно

держат больше своры собак, но и потому, что подобная охота требует больших неосвоенных площадей, а главное — большой численности охотничьих животных, которые с развитием человеческого общества оттесняются во всё более и более глухие и нетронутые уголки природы, и которых, в свою очередь, становится все меньше и меньше.

Однако порода гончих ещё сохранилась, и на испытаниях их рабочих качеств, так же как и на испытаниях лаек, наряду с прочими признаками оценивается и их голос и умение его правильно отдавать.

Ещё одна группа охотничьих пород — норные, такие как такса, фокстерьер и другие, также используют лай при охоте в норе или на поверхности. Норные собаки должны облаивать зверя в норе, в непосредственной близости от него, как говорят охотники, «мочка в мочку». Но здесь лай необходим лишь как контроль за перемещением собаки в норе — норная собака лаем как бы отмечает свой путь под землёй, и если лиса или барсук продвигается к выходу, охотник может взять под контроль нужные отнорки.

Коротконогая такса, взяв след зайца и подняв его с лёжки, не спеша и негромко потягивает, гонит его. Если заяц не напуган, он сделает большой круг и вернётся к своей лёжке, а пока он скачет, у охотника есть время выбрать место для удачного выстрела. Таким образом, и на поверхности звуковая метка норных собак способствует удачной охоте.

**Е. В. Котенкова, кандидат биологических наук,
А. В. Суров кандидат биологических наук,
ЗАПАХИ В ЖИЗНИ СОБАК**

«Однажды... я встретил на дороге старого джентльмена, который прогуливал свою большую собаку, — вернее сказать, собака прогуливала его. Ибо, куда она его тянула, туда старый джентльмен и вынужден был тащиться. А когда она останавливалась, чтобы обнюхать камень, поскрести землю и оставить у столба свою визитную карточку или прямой вызов, старый джентльмен покорно должен был дожидаться на своём конце поводка. Когда я проходил мимо, он стоял на обочине дороги, в нескольких десятках метров от моего дома. Собака обнюхивала корни одного из близнецов-кипарисов, растущих у ворот фермы. Я слышал негодующее рычание животного: видно, запах наносил собаке смертельное оскорбление», — так описывает в «Маленьком Архимеде» поведение собаки Олдос Хакси. Действительно, хотя собаки хорошо видят, значительно лучше человека слышат и могут воспринимать высокочастотные звуки, главное для них — обоняние, ему они доверяют больше всего. Нам даже трудно представить, сколь многообразен обонятельный мир собаки, ведь мы, относясь к микросматикам (животные со слабо развитой обонятельной системой), воспринимаем мир главным образом через зрение и слух, тогда как макросматики значительную часть информации об окружающем мире получают через обоняние. По обонятельным сигналам такие животные могут отличать знакомого от незнакомца, вид, пол, принадлежность к группе, физиологическое состояние и многое другое. Человек научился использовать эту способность собак во многих службах, но чтобы по-настоящему понять собаку, научить её определённым приёмам, полезным для человека, нужно знать особенности её физиологии и поведения, возможности обонятельной системы.

ЧТО МОЖЕТ СОБАЧИЙ НОС?

Слизистая органов обоняния у собак содержит в тысячи раз больше чувствительных клеток, чем нос человека, лучше развиты у них и обонятельные доли мозга. Есть породы, обладающие более острым чутьём (это, как правило, собаки с длинной и широкой мордой), есть менее чуткие (короткомордые). Но следует помнить, что исходно-искусственный отбор вёлся в направлении, необходимом человеку, и в первую очередь по признаку хорошего

обоняние, поэтому у всех без исключения пород чувствительность к запахам на много порядков выше, чем у человека, а у некоторых пород обоняние развито лучше, чем у диких родственников.

Есть и другие подтверждения. В. Нейхаус сконструировал специальный прибор, с помощью которого можно добавлять к потоку воздуха ничтожно малые, но точно контролируемые количества пахучего вещества. Собак обучали выбирать один из трех ящиков, причём именно тот, через который пропускали не чистый воздух, а с примесью пахучего вещества. С его помощью удалось установить, что значения пороговых концентраций (минимальных для восприятия) некоторых веществ у собаки и человека отличаются незначительно, а для других они гораздо ниже у собак. Например, порог восприятия масляной кислоты составляет для собак 9×10^3 (молекул/лсм³), а для человека этот показатель лишь 7×10^9 , то есть чувствительно у человека к этому веществу в миллион раз хуже. Интересно, что именно эта и некоторые другие кислоты входят в состав человеческого пота. На подошвах ног человека потовые железы особенно многочисленны. Нейхаус подсчитал, что если хотя бы одна тысячная часть пота проникает через подошву ботинка, то оставляемого человеком количества масляной кислоты на поверхности следа в миллион раз больше, чем необходимо собаке для идентификации следа.

С помощью этого же прибора Нейхаус установил, что для смеси алифатических кислот, которые также входят в состав человеческого пота, порог восприятия ниже, чем пороговые концентрации этих веществ, предъявляемых собакам по одному. Иначе говоря, такие соединения как бы усиливают запах друг друга.

Среди более чем 25000 веществ, на которые реагирует собака, есть более-менее значимые. Оценить это можно по продолжительности обнюхивания собакой образцов пахучих веществ 1(приём, часто используемый исследователями химической коммуникации животных). Показано, что дольше исследуется более значимые вещества. Беспородные собаки, по данным Корытина (1979), исследовали продукты жизнедеятельности (фекалии, моча) — 35 с, на запах пищи реагировали в течение 25 с, эссенции — 24 с, синтетических душистых веществ — 18 с, эфирных масел и запахи растений — 5 с. как мы увидим дальше, такая иерархия восприятия не случайна: запахи сородичей и других животных, несомненно, стоят на первом месте по значимости и лишь затем следуют запахи пищи и другие пахучие вещества.

Человек может в лучшем случае воспринять два знакомых запаха как некое обонятельное ощущение, но часто не в состоянии сразу определить, из чего складывается то или иное сочетание. Исключение, правда, составляют парфюмеры, которые благодаря природному дару или длительной тренировке безошибочно определяют многие компоненты душистых смесей. Есть вещества, к запаху которых человек особенно чувствителен, — это многие серосодержащие соединения. Однако гораздо важнее то, что собаки не только обладают повышенной чувствительностью ко многим веществам, но и способны их дифференцировать в сложных смесях. Это позволяет утверждать, что обоняние у собак аналитическое, и в этом смысле оно, очевидно, более всего отличается от человеческого.

КАК СОБАКИ ОБМЕНИВАЮТСЯ «ПАХУЧЕЙ ИНФОРМАЦИЕЙ»?

К сожалению, мы ещё очень мало знаем о функциях обонятельных сигналов собак и их источниках (как, впрочем, вообще о химической коммуникации животных). Известно, например, что в заднем проходе у собак имеются парные железы, секрет которых может попадать на фекалии, придавая им специфический для особи запах. Кроме того, на верхней стороне основания хвоста есть особая железа, описанная Сетоном в 1925 году, её секрет также может быть источником информации о данном индивидууме. Наверное, поэтому собаки проявляют такой интерес к анальной области и фекалиям своих соплеменников.

Фекалии, как и некоторые другие источники пахучих веществ, собаки используют для мечения территории. Мечение — чрезвычайно важная форма поведения для многих видов

наземных животных: оставляя пахучие вещества в разных точках своего участка обитания, они сигнализируют о себе другим особям. Благодаря пахучим меткам происходит более равномерное, а главное, структурированное распределение особей в популяции, половые партнёры легче находят друг друга, а противники, избегая прямых контактов, которые могли бы привести к увечьям, получают достаточно полную информацию о «хозяине».

Иногда к пахучей метке добавляется ещё и зрительная: так, кобели после опорожнения кишечника обычно скребут лапами около того места, что вряд ли связано с потребностью зарыть фекалии. И всё же для мечения территории собаки чаще используют мочу. Типичное поведение при мочеиспускании у сук и кобелей различно. Подойдя к метке другой особи, кобель тщательно обнюхивает её, задирает лапу и выпускает небольшое количество мочи. Почему этот акт обычно совершается около метки другой особи, должно быть понятно из предыдущего объяснения: ведь именно здесь находится «пункт обмена информацией». В незнакомой местности, где прежде не было никаких собак, собака, как правило, подходит ко всем хотя бы чуточку возвышающимся предметам (камням, кустам) и мочится на них. При этом запах её собственной мочи мешает ей помочиться на это же самое место до тех пор, пока там не оставит метку другая собака.

Собаки, живущие в вольере или на площадке, куда никогда не заходят другие собаки, редко метят. Взрослые кобели, выросшие в изоляции, обычно не метят.

Однако пахучими метками обозначается не только граница территории и права на неё. Всякий раз, встречая другую собаку, кобель оставляет метку в каком-нибудь подходящем (иногда не подходящем, с точки зрения хозяина) месте. Есть мнение, что чем выше кобель ставит метку, тем значительнее его место в иерархической системе. Но вряд ли это всегда справедливо: часто более мелкие собаки, которые физически не могут поставить метку высоко, являются доминантами. Скорее всего, здесь более важным фактором является степень возбуждения, принуждающая маркирующую особь «сильнее выражать свои эмоции».

Собаки оставляют свои метки

Когда же кобель мочится в целях опорожнения мочевого пузыря, ноги он не задирает. Такое бывает и при некоторых заболеваниях или из-за сильного позыва к мочеиспусканию, например, если перед этим его долго не выгуливали. Поза при этом принимается такая же, как у молодых, не достигших половой зрелости собак: задние ноги широко расставлены и отодвинуты назад.

Какую же информацию получают собаки, обнюхивая метку другой особи? Ответить на этот вопрос непросто, но опыты С.А. Корытина позволяют пролить свет на эту проблему. На маршруте 10 км поставили веточки можжевельника через каждые 200 м, половину из них облили мочой шестимесячного самца, остальные — мочой взрослого. Взрослый кобель, которого трижды проводили по маршруту, заменяя каждый раз ветки, значительно чаще метил, облитые мочой взрослого самца. Таким образом, кобели безусловно различают возраст особи, оставившей мочевую метку.

Поведение самок, связанное с выделительной функцией, значительно отличается от поведения самцов. Самка посещает определённые места, в которых оставлены пахучие метки, но лишь поблизости от своего дома. Обычно при мочеиспускании она приседает (бывают, правда, случаи, когда самка приподнимает лапу, но они — редки) наподобие молодых кобельков. При дефекации поза у сук такая же, как у кобелей, но после акта дефекации суки очень редко царапают землю лапами. Во время течки поведение суки резко меняется. Она отходит дальше от дома, посещает большее количество меток и мочится в каждом таком месте.

Все любители собак знают, сколь привлекателен для самцов запах самок во время течки. Вот как это описывает Д. Майнард в книге «Собака и лисица»: «Воздух напоён

разносимыми ветром заманчивыми запахами, хвост дрожит в радостном томлении, в глазах блеск — все это предвестники первой течки у Блюе. Носы, знающие толк в деле, уже учуяли это событие, и по округе звучат „завывные трели фанфа“. Нередко, почуяв запах течной суки, кобели совсем „теряют голову“ и перестают слушаться своих хозяев. Вот почему весной и осенью, когда многие суки находятся в состоянии готовности к спариванию, хозяевам нужно позаботиться о том, чтобы не потерять своих любимцев».

В специально проведённых исследованиях показано, что самцы разных пород собак хорошо отличают запах мочи особей своего пола от противоположного, когда самки находятся в состоянии анэструса (то есть не готовы к спариванию), а последний от обстоятельных сигналов самок — в состоянии эструса (течки). Информация об эструсе самок может содержаться не только в моче, но и в вагинальных выделениях и фекалиях. Во время течки в выделениях сук появляются особые пахучие вещества — половые феромоны, которые и привлекают кобелей. Вообще феромонами называют отдельные вещества или их смеси, выделяемые животными в окружающую среду и вызывающие определённые поведенческие и физиологические реакции у других особей. Обычно феромоны млекопитающих — сложные смеси веществ, включающие целый ряд компонентов. Однако в половой сфере взаимоотношений это не всегда так: плодовыми феромонами могут быть смеси и более простого состава из одного-двух соединений. В 1979 году М. Гудвин с коллегами обнаружил в вагинальных выделениях течных сук вещество — метил-р-гидроксibenзоат. Если его наносили на половые органы самки, находящейся в анэструсе, кобель начинал активно за ней ухаживать.

Другие авторы обнаружили, что бигли обнюхивают мочу самок в эструсе примерно в два раза больше, чем самок в анэструсе. Если изменить химический состав мочи эстральной самки, убрав из неё основные или кислые соединения, время обнюхивания такой мочи будет такое же, как и самки в состоянии анэструса. При этом добавление метил-р-гидроксibenзоата к моче анэстральной суки не увеличивает время её исследования. Поэтому вопрос о химической природе полового феромона собак остаётся пока открытым.

По-видимому, собаки хорошо определяют состояние течки не только у своих соплеменниц, но и у самок близких видов. Известен случай, когда кобель таксы по кличке Гудвин, отличающийся прекрасными охотничьими качествами, извлёк из норы самца енотовидной собаки, затем, зайдя в нору, где оставалась самка, вдруг перестал лаять. По приказу хозяина он всё же вытащил самку из норы, а когда она притворилась мёртвой (излюбленный приём енотовидных собак), начал ухаживать за ней, оказалось что у самки енотовидной собаки в это время была течка.

Другая не менее важная для собак способность — распознавание запахов отдельных индивидуумов. Помните, в известной песенке:

...Я рассказать вам не могу, как много меток на снегу —
Их различить умеет каждая собака:
Над этой — лапу задирал боксёр по кличке Адмирал,
А здесь был пинчер — местный хлыщ и задавака.

Действительно, индивидуальное распознавание — пожалуй, самая интригующая задача для исследователей химической коммуникации животных. Но до сих пор мы практически ничего не знаем, каким образом происходит опознавание индивидуумов не только у собак, но и у какого-либо вида млекопитающих.

Многие собаки боятся волков и, почуяв их запах, не идут по следу, а в страхе прижимаются к ногам хозяина, вздыбив шерсть и поджав хвост. Упомянувшийся уже выше С.А. Корытин, вырезав подхвостовые железы у старой убитой волчицы, предлагал баночку, где они находились, разным собакам. У восьми из девяти собак налицо были признаки страха, хотя раньше ни одна из них с волками не встречалась. Таким образом, реакция на запах волка может быть врождённой.

Надеемся, что читатель убедился в том, сколь важны запахи в жизни собак и как они могут использовать их при общении друг с другом. Порой видишь, как иной хозяин оттаскивает свою собаку от метки на снегу (в другом-то месте её не сразу заметишь!) или отчитывает своего пса за то, что он лезет под хвост другому. Но ведь для собаки, чтобы быть «полноценной личностью» и членом собачьего сообщества, совершенно необходимо такого рода общение. Запрещая нюхать, мы лишаем её такой возможности, обедняем её внешний мир. Точно так же нельзя ругать собаку за проявление естественного отношения к противоположному полу. Не нравится вам, что ваш кобель проявляет слишком большое внимание к какой-нибудь «даме», — увидите, постарайтесь выводить его в другое время или гуляйте по другой стороне улицы, но не наказывайте. Собака с «высокой нравственностью» может стать совершенно непригодной для разведения.

Иное дело, когда мы видим, что наша домашняя собака валяется в экскрементах или на падали, — тут уж любой хозяин не выдержит. На самом деле такое поведение также имеет непосредственное отношение к коммуникации. Нанесение запаха на своё тело с помощью потирания (не обязательно это падаль или экскременты) называется торговой реакцией. Известна она у многих видов млекопитающих, и не только у хищных, но и у грызунов, копытных и других. Торговая реакция наследуется, а не вырабатывается в процессе обучения. Стимулом для неё могут служить раздражители. Каков же биологический смысл торговой реакции?

Одна из функций — ольфакторная мимикрия, то есть подражание другому объекту. Для собак эту функцию можно рассматривать как атавизм. Её же дикие предки могли использовать нанесением на себя запаха других животных для того, чтобы незаметно подкрасться к жертве. Иногда хищники наносят на себя сильно привлекающие вещества, например мускус (секрет мускусных желез, вырабатываемый у некоторых видов грызунов, хищных, копытных, оказывает весьма привлекательное действие на многие виды животных). Теперь они не только маскируются под другие виды, но и сами активно привлекают жертву.

Нанесение на себя запаха падали может помогать отыскать другим особям путь к источнику корма. Известны случаи, когда, обнюхав собаку, вернувшуюся с падали, другие собаки по её следам находили корм. Конечно, в быту эта привычка крайне неудобна, и нужно постараться отучить свою собаку от неё, хотя это бывает и непросто.

Иногда животные получают особое удовольствие от запаха какого-либо вещества, тогда они начинают тереться, стремясь нанести его на своё тело. Хотя разговор у нас о собаках, но как не вспомнить кошек, которым капнули на пол немного валерьяновых капель?

И наконец, ещё одна функция торговой реакции — антипаразитарная. Оказывается, нанося на себя пахучие вещества (в том числе и нечистоты), собака может избавляться от блох и других эстопаразитов.

Таким образом, все, что мы наблюдаем у наших питомцев, вполне закономерно и имеет свои корни и биологическую функцию, надо только научиться наблюдать и сопоставлять факты, тогда мы лучше поймём своего друга, не будем наказывать его, когда он этого не заслужил, и он отплатит нам верной службой и добром.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ СОБАЧИЙ НОС?

Итак, собака обладает удивительным прибором — носом, с помощью которого она может распознавать многие пахучие вещества, как естественные, так и синтетические. По малейшим нюансам она способна различить несколько веществ, а так как все живые объекты обладают специфическим, только им присущим запахом, то можно обучить собаку узнавать по запаху, например, конкретного человека. Именно эту особенность и используют люди, дрессируя собак для розыскной службы.

Эксперименты по розыску предметов очень эффективны, без них не обходится ни одна выставка служебных собак. Л. Лохнером были проведены такие опыты: деревянные палочки

очищали от запаха, выдерживая в печи некоторое время. После этого их брали специальными чистыми щипцами. Из десяти — двадцати контрольных палочек собака должна была выбрать одну, к которой прикасался определённый человек. Оказалось, что достаточно подержать палочку кончиками пальцев лишь две минуты, чтобы собака выделила её из всех предъявленных. Если палочку брали всей рукой, то того же эффекта достигали за несколько секунд. Если опыт усложняли и палочку трогали два человека, собака вновь правильно решала задачу. Более того, хотя собака всегда в начале эксперимента нюхала только свежeweымытую руку человека, она успешно отыскивала палочку, которая была в контакте с любой другой частью тела этого человека. Этот опыт свидетельствует не только об уникальных способностях собак, но и о том, что каждому человеку присущ вполне определённый индивидуальный запах, отличающий его от всех других людей.

Эксперимента Л. Лохнера, а позже и Х. Калмуса показали, что собаки без труда различают людей, не состоящих в родстве. Они распознают любого члена семьи, за исключением тех случаев, когда они однояйцевые близнецы. В опыте с близнецами собаки все же выбирают платок одного из них, хотя им давали нюхать руку другого. Если среди нескольких платков есть два, каждый из которых трогал лишь один близнец, собака приносит тот, который попался ей первым. Этот опыт вполне определённо показывает, что индивидуальный запах человека предопределён генетически. Неясно правда, из чего складывается индивидуальный запах: их определённых для каждого человека концентраций пахучих веществ или есть некоторые вещества, которые образуют комбинации запахов, присущие данной особи.

Работа по следу для собаки гораздо труднее выбора вещей, так как сила запаха может варьироваться при переходе с одного субстрата на другой, например с почвы на асфальт. Лишь очень хорошо обученная собака может отыскать преступника по следу. Один из первых опытов по выяснению способностей собак отыскивать человека по следу поставил Романес в 1885 году. Он двигался во главе колонны из двенадцати человек, выстроенных в затылок друг другу, причём все они шли след в след, повторяя шаги впереди идущего. Через 180 м шеренга разделилась: Романес и ещё пять человек, следующих за ним, двинулись в одну сторону, а вторая группа из шести человек — в другую. Пройдя некоторое расстояние, участники эксперимента спрятались, и по следу была пущена собака, которая должна была найти своего хозяина. Собака выполнила его с очень небольшой задержкой, из-за того что проскочила место, где колонна разделилась пополам. Действительно, Р.Х.Райт был прав, когда в своей книге «Наука о запахах» назвал собаку-ищейку специалистом, которого не следует использовать для других целей, например для обычной сторожевой службы. «Хорошая ищейка, — писал он, — это точный прибор, и обращаться с ней надо именно как с точным прибором».

Человек, увы, пока не создал ничего подобного собачьему носу по точности и надёжности. Этот точный и надёжный прибор люди используют не только в розыскной службе. Индивидуальный запах присущ, конечно, не только человеку, и собака может опознать отдельных индивидуумов по следу, будь то тигр, медведь или мышь. К. Сулимов и В. Крутова считают, что эту уникальную способность можно использовать в работе зоологов не только при троплении крупных хищников, но и при изучении распределения пахучих меток на участках обитания, при изучении самих этих участков, их конфигурации, протяжённости. При этом совсем не обязательно везти четвероногого следопыта туда, где обитают те или иные объекты исследования. Опыты можно провести в лаборатории, для чего достаточно собрать в поле метки, оставленные зверем: экскременты, клочки шерсти и т.д. Опыт выглядит следующим образом: обученную собаку приводят в специальную комнату, где находится десять банок с различными запаховыми образцами. На старте перед началом опыта собаке дают занюхать какого-нибудь зверя (например, нужно определить, он или не он оставил пахучую метку). Если среди предъявленных собаке образцов есть запах этого животного, собака садится около банки с его запахом.

Благодаря чёткому индивидуальному опознаванию можно изымать из популяции

конкретных особей, например тигров-людоедов. Можно использовать тонкое чутьё собак и для других целей. Вспомните собак-миноискателей, верно служивших на фронтах Великой Отечественной войны; собак, помогающих отыскивать людей в завалах после землетрясения. Недавние события в Армении наглядно показали нам необходимость подготовки таких собак в нашей стране.

В 1966 года на экраны вышла английская кинокомедия «Сыщик с холодным носом». Основой для её сценария послужила нашумевшая история с похищением кубка по футболу «Золотая богиня». Этот кубок был спрятан в кустах и случайно обнаружен собакой-дворняжкой по кличке Пикклс (в переводе на русский — шалопай). Возможно, эта случайная находка натолкнула на мысль об использовании собак для поиска полезных ископаемых. Такой эксперимент был удачно выполнен финским учёным-геологом профессором Кахма на его собаке Лари. Лари удалось обнаружить залежи медных руд. С 1966 года в нашей стране также начали применять собак для поиска полезных ископаемых. Сотрудники Карельского филиала Академии наук СССР с помощью собак отыскивали месторождение вольфрама на Кольском полуострове, никеля — в Приладожье и другие.

Безусловно, наиболее часто использует человек обаяние собак на охоте. Гончие разыскивают дичь по следу при помощи обаяния, хотя могут одновременно пользоваться и зрением и слухом. Бигли кружат, высоко держа голову до тех пор, пока не учуют запах, после чего, опустив нос к земле, преследуют добычу. Они быстро бегут по следу, держа голову довольно высоко, и, если теряют запах, снова кружат до тех пор, пока не найдут его. К породам, которые охотятся главным образом с помощью зрения, относятся салуки, выведенные для охоты на газелей. Арабы до сих пор используют их для охоты на газелей. Эти собаки хорошо приспособлены к быстрому бегу на открытой местности, и чутьё не играет здесь особой роли. У нас к таким породам относится русская псовая борзая.

Как собаки определяют, в какую сторону ведёт след? Вероятно, по градиенту усиления запаха. Опытной собаке достаточно пробежать несколько метров, чтобы точно определить, куда бежало животное, оставившее след. Однако, по мере приближения к источнику запаха, сила его может возрасти во много раз, так что определить локализацию источника бывает довольно трудно. И тут на помощь собаке приходят уши и глаза. Сначала собака замирает как бы в нерешительности, а потом либо бросается на добычу, либо так и остаётся в стойке до подхода охотника (как это положено сеттерам и пойнтерам).

Итак, запахи играют огромную роль в жизни собак. Но мы ещё очень далеки от расшифровки языка запахов. И, тем не менее, человек научился прекрасно использовать собачий нос в качестве достаточно точного прибора для самых разных целей, причём сфера его применения постоянно расширяется.

А. Д. Поярков **ИЗ ЖИЗНИ БРОДЯЧИХ СОБАК**

Каждый горожанин видел беспородных бродячих собак на улицах своего города. Однако, наверное, не многие представляют себе детально, как они живут. Я попытаюсь рассказать о жизни собак, живущих в городе и не имеющих хозяев.

Обычно этих собак называют бродячими, подчёркивая, что у них нет своего дома, своего места и они, «голодные и холодные», бродят в поисках жалких крох пропитания. Это совершенно не так. Хотя они действительно практически всю жизнь проводят под открытым небом, у них есть свой дом и своё место. Этот их дом называется «днёвка».

Днёвки бродячих собак могут находиться в разных местах: на складах, дворах заводов, гаражей, на строительных площадках; главное для собак, чтоб на днёвке было относительно спокойно и чтоб там имелись укрытия, причём чем их больше, тем лучше. На своих днёвках

бродячие собаки отдыхают после походов. Укрываются от преследования со стороны людей, встречаются с членами своих стай. Днёвки — центр социальной активности этих собак и их главная ценность. От соседей и чужаков именно днёвки защищаются наиболее яростно и сильно.

Итак, наши бродячие собаки имеют свои дома-днёвки, да и ко всем прочим участкам, где им приходится бывать, относятся отнюдь непросто. Об этом я скажу чуть ниже. Неверно также и то, что бродячие собаки всегда голодные и холодные. Большинство бродячих собак прекрасно знают, где, как и когда можно найти пропитание; они хорошо упитаны и не только легко переживают даже суровые зимы, но и в сильные морозы могут выводить и выкармливать щенков.

Основу питания городских бездомных собак составляют различные отбросы пищи, которые они собирают около столовых, магазинов, в мусорных баках и просто под окнами многих домов. Иногда собаки ловят мышей, крыс, полёвок и других грызунов. Грызуны — лакомство для собак, они любят мышковать и в периоды, когда это удобно делать, например весной, во время снеготаяния, тратят много времени на это занятие, очень увлекаясь им. Многих собак прикармливают сторожа тех объектов, на территории которых они живут, но всё же это лишь добавка к основному рациону, хотя и существенная.

Таким образом, бродячие собаки вовсе не бездомные и несчастные существа, а полноценные, важные и процветающие члены урбанизированной экосистемы. Однако есть контингент среди бродячих собак, к которым распространённая точка зрения хорошо подходит. Дело в том, что в популяциях бродячих собак, как и в популяциях подавляющего большинства животных, есть несколько частей. Одна из них — это звери-резиденты или часть оседлая, то есть как раз обладатели днёвок — более или менее постоянных участков обитания, охраняемых территорий. Другая часть — кочующие звери, лишённые постоянных днёвок и участков. Эти почти всегда чувствуют себя неуверенно. Они обычно находятся в подчинённом положении по отношению к резидентам, чаще, чем последние, болеют и голодают. Среди кочующих собак выше смертность.

Описанное разделение функциональное, и особь может переходить из одной категории в другую. Особенно часто это случается, когда щенок вырастет и покидает свою родную группу и днёвку. Он отделяется и становится кочующим, и очень немногим удаётся быстро найти себе новое постоянное место. А те, кто не нашёл, чаще всего довольно скоро погибают от тех или иных причин. Такова участь большинства щенков бродячих собак.

Популяциям как целому нужны и та и другая категории животных, но всё же большая и важнейшая часть — её ядро — это оседлые собаки.

Именно о них и пойдёт речь.

С 1980 года я изучал образ жизни городских бродячих собак, в первую очередь их взаимоотношения между собой, и различные формы групповой организации.

В этологии, науке о поведении животных, эти аспекты называются социальной организацией.

Собаки — герои моего повествования — жили в Москве около университета на Ленинских горах, в одном из красивейших мест нашего города. Всех собак, живущих на изучаемом участке, я распознавал в «лицо», и у каждой была кличка. Это, на первый взгляд, не столь уж важное обстоятельство на самом деле принципиально, так как отражает мой подход к каждому животному как уникальному индивидууму со своей историей жизни, со своим неповторимым набором внутренних характеристик. Второй важный принцип заключался в том, что история поведения бродячих собак регистрировалась в течение ряда лет и постоянно накапливалась.

В течение пяти лет большую часть года собаки находились под моим наблюдением, и два-три раза в неделю, а иногда и каждый день, обязательно фиксировались события, происходящие в жизни изучаемого поселения. В работе я использовал так называемый метод диктограмм, при котором наблюдатель фиксирует поведение, наговаривая все, что делает собака, на портативный магнитофон.

Наблюдать за собаками приходилось в любое время суток, особенно же мне нравились ночные часы, когда улицы, скверы и парки становились безлюдными и переходили в полное распоряжение собак.

В той части, что непосредственно примыкает к главному зданию университета, основное скопление днёвок собак находилось на территории спортгородка. Этим собак я наблюдал наиболее детально. Работать здесь было сравнительно легко, так как днёвки живших там групп были небольшими и не обладали мощными укрытиями. Собаки большую часть времени находились на виду, вернее, при желании их практически всегда можно было найти. С противоположной от Ломоносовского проспекта стороны начиналась «страна» складов, автобаз, различных строительных управлений и железобетонного завода. Огромное количество заборов, штабеля строительных плит, кучи досок, огромные мотки проволоки и другого стройматериала создавали очень сложную среду обитания, предоставляя собакам массу укрытий. Наблюдать собак здесь было гораздо труднее, так как они часто терялись из виду. Трудностей прибавляли ночные сторожа, которые неизменно пытались задержать сомнительного типа со странным ящиком и проводом (мой магнитофон). Правда, у меня была справка из Института эволюционной морфологии и экологии животных, где я работаю, объясняющая, что я занимаюсь изучением собак. Со многими сторожами я познакомился, но всё же, когда наблюдаешь интересные и динамичные сцены из жизни собак, любое объяснение с человеком отрывает от работы. Но что поделаешь: «издержки производства». Зато «заломоносовская» сторона была удивительно густо заселена собаками. Собачья жизнь там буквально кипела и была захватывающе интересна.

Описать всех собак и основные закономерности жизни большинства групп — объёмная и сложная задача, требующая слишком много места, поэтому я могу лишь рассказать историю собак, живших в спортгородке МГУ.

Опишу основных членов этого поселения. Начнём с группы собак, названной нами Гар-1 (полностью — Гараж-1). Глава этой группы Харитон — самый крупный кобель во всём поселении. К 1980 году Харитону перевалило за десять лет. Второй по рангу, пятилетний самец Рыжий, как явствует из клички — ярко-рыжий пёс дворняжьего облика. Третий, Белкин, был меньше Рыжего, лайкоид со стоячими ушами. Ему было два года, так же как и единственной суке в группе, названной Асси. Асси и Белкин, как уверяли сторожа, — дети Харитона и погибшей ранее суки. Насчёт Асси у меня по этому поводу нет сомнений, она действительно очень похожа на Харитона, но Белкин — Белкин весьма походил на соседского Шарика. Основной окрас Харитона, Асси и Белкина — грязно-белый с пятнами бурого, рыжего и тёмного цветов. Харитон, безусловно, был доминантом группы, так же как Рыжий доминировал над Белкиным. Асси любила всех кобелей своей группы, но с Рыжим они «состояли в браке», причём она просто обожала его. Многие тут же упрекнули меня в антропоморфизме, этом жупеле многих биологов, зато ведь известно, например, о помолвках гусей и галок, когда молодые птицы вступают в брак задолго до того, как впервые приступят к размножению. Какие узы связывают их? Асси всё время старалась проводить рядом с Рыжим, а как она приветствовала его, улыбалась ему! А как они играли!

В начале наблюдений группа Гар-1 делилась на две подгруппы: одна — Асси и Рыжий, которые часто отправлялись на вечерние маршруты вдвоём, вторая — Харитон и Белкин, больше времени проводившие у своей днёвки. Несмотря на такое разделение, все четверо составляли настоящую стаю и практически каждый вечер вместе выходили на общий территориальный маршрут по своим собачьим делам. Это было внушительное зрелище. Удивительная чёткость взаимодействия сочеталась с лёгкостью и свободой каждого члена стаи. Да, все они были яркие личности со своими характерами.

Теперь, пока Рыжий, Асси, Харитон и Белкин путешествуют, необходимо сказать несколько слов о том, что делают бродячие собаки, когда они отправляются со своих днёвок на маршрут. Во-первых, они добывают пропитание. Большинство бродячих собак основную часть рациона добывают сами. Они прекрасно знают места, где это можно сделать. Во-вторых, они получают информацию о том, что происходит в популяции. Все бродячие

собаки очень много времени проводят в поисках следов жизнедеятельности своих собратьев, в первую очередь запаховых меток в виде мочи и фекалий, и сами активно наносят свои метки. Они часто встречаются на маршрутах с другими собаками, большая часть таких встреч носит мирный характер. На маршруте узнается, что там-то, у такой-то началась свадьба, тогда кобели... хотел написать «теряют голову», но это случается явно с меньшей их частью, — хотел написать «присоединяются к свадьбе», но это вовсе не обязательно, да ко многим и не присоединишься; пожалуй, единственно, что можно сказать почти про всех, — это что они хотят присоединиться к свадьбе и ухаживать за сукой.

Можно классифицировать маршруты по тому, какую основную цель преследуют собаки, хотя последнее отнюдь не всегда очевидно. Так, например, есть кормовой выход: днёвка — задний двор столовой — днёвка; есть территориально-маркировочный выход, когда собаки совершают определённый маршрут, очень активно занимаясь маркировкой. По степени выраженности этого поведения разные собаки и разные группы очень сильно отличаются, причём не думайте, что чем сильнее собака или группа, тем они активнее маркируют свой участок. Так, Белонос, одна из сильнейших собак во всём поселении, вообще не занимался территориально-маркировочными выходами (хотя, конечно, вообще маркировал). Словом, на маршруте бродячие собаки живут полной жизнью.

И, на мой вкус, чем свободнее обращается собака с пространством, чем легче скользит ночью по улицам, тем она симпатичней, шире характером и умом.

Я начинал описание «своих» собак с группы Гар-1 не случайно. Дело в том, что по нескольким важным параметрам она принципиально отличалась от других. Её участок, который группа регулярно обходила и контролировала, включал в себя как вкрапления участки других групп, таких, как группа Скл, 4ВП, ВЦ и Гар-2 и Г-2 (хотя последние две только в определённые моменты). Более того, группы, жившие на территории группы Гар-1, находились в подчинённом положении к ней, и даже днёвки (святая святых) подчинённых посещались этой группой.

Большинство читателей знает термин «доминирование». Доминирующим называется животное, которое обладает приоритетом в доступе к каким-либо ресурсам. Доминирование на индивидуальном уровне известно у всех собачьих, но вот доминирование стаи над стаями как целого (как раз наш случай), насколько мне известно, впервые описано именно у моих бродячих собак. Как следствие группового доминирования, наблюдались и ещё несколько интересных закономерностей. Это сравнительно низкий уровень межгрупповых контактов внутри описываемого поселения и разделение активности между группами.

Бродячие собаки, как я уже говорил, предпочитают ночную активность, но в это время активны лишь особи и группы, уверенные в себе, занимающие в популяции высокое социальное положение.

Группа 4ВП, состоящая в 1980 году из пары собак, ВЦ — из самки с молодыми, и группа Гар-2, избегая частых контактов с доминирующей группой, были вынуждены основную часть своей активной жизни проводить в утренние и дневные часы. И наконец, ещё одно важное следствие наличия в этой части поселения группы Гар-1 заключалось в том, что соседи и транзитные кочующие собаки редко и очень ненадолго появлялись на территории описываемого мной участка: опасно было связываться со стаей Харитона.

Из всего населения спортгородка наиболее независимую и самостоятельную позицию по отношению к доминирующей группе занимала тройка зверей, названная мною Г-2 (они жили около строящегося гуманитарного корпуса 2). Группа состояла из двух кобелей и суки. Некрупную (немногом больше русского спаниеля), лохматую бурую собачку с острой симпатичной мордой звали Пуша. Старший доминирующий самец Ньют был немного крупней Пуши и прекрасно окрашен. Основной тон чёрный, сочетавшийся с пушистым белым жабо, белым опашалом на хвосте и белой грудью и частично белыми лапами. В 1980 году Ньюту было пять лет. Трехлетний Сэр — гораздо больше Ньюта, серый, плотный, с висячими ушами, белым кончиком хвоста и тёмными карими глазами, всегда уступал Ньюту

во всех конфликтных ситуациях и находился под сильным давлением со стороны последнего. Безусловно, объединяющим центром группы была Пуша, которая с Сэром проводила больше времени, чем с Ньютом.

Эта тройка состояла из решительных собак, активно охраняющих свою территорию от всех чужаков, которые появлялись на её участке, а появлялось их немало. Дело в том, что группа Г-2 жила на границе описываемого мной сообщества собак и захватывала участок, через который проходила магистральная тропа, связывающая богатые кормом задние дворы столовых в главном здании МГУ с густонаселённой частью популяции за Ломоносовским проспектом. Проходивших здесь собак я не считал вторгшимися на территорию спортгородка. Самым активным в «деле» охраны территории был Сэр, несмотря на то, что он занимал подчинённое положение по отношению к Ньюту.

В этологии существует интересная теория социальных ролей, которая говорит о том, что разные члены социальных групп животных могут играть разные социальные роли, специализируясь в них. Сэр не мог реализоваться в роли доминанта, так как эта роль была занята более старшим Ньютом, и поэтому его сила и энергия находили выход в исполнении роли «пограничника». Описанная мной здесь закономерность отнюдь не редкое явление для собак. Летом 1983 года мне довелось работать в горах Таджикистана, где я мог наблюдать за поведением пастушьих собак, охраняющих отары овец. Из четырнадцати стай в двенадцати было чёткое разделение между двумя самцами на доминанта и «пограничника».

Такое же, даже более чётко выраженное, разделение на две описанные роли наблюдалось между самцами группы Скл (склад) Чёртом и Диком. Более мелкий и физически слабый чёрный, мохнатый Черт был доминантом, а серый, плотный Дик — «пограничником». На их территории жила молодая сука Бурка. Хотя собаки жили вместе, Бурка гораздо больше любила собак из доминирующей группы Гар-1, а к «своим» кобелям проявляла достаточное равнодушие, мало и с прохладцей приветствовала их, редко отдыхала с ними и почти никогда не играла. Зато она очень любила Асси, Белкина и Рыжего, а Харитона, по-моему, слегка побаивалась.

Днёвка группы Скл, обнесённая забором, находилась около днёвки Гар-1 и к тому же располагалась возле одного из любимых маршрутов этой группы. Первое взаимодействие между двумя группами было очень эффектно. Рыжий и Асси вышли на проезд и около ворот днёвки, вне забора, увидели Дика. Рыжий хищно замер. Дик залез на свою днёвку, Рыжий и Асси, как пружины, рванулись вперёд. Дик и Черт с одной стороны и Рыжий с Асси — с другой, бешено лая и рыча, побежали вдоль забора. К Рыжему и Асси присоединились Харитон, Белкин и Бурка (изменница). Пять собак с одной стороны и две — с другой отчаянно лаяли и бегали вдоль забора. «Ну и ну, — подумал я, — вот где жестокая территориальная борьба, вот где границы». Каково же было моё удивление, когда несколькими днями позже я увидел всех семерых собак, мирно гуляющих по днёвке группы Скл, причём никаких агрессивных действий не проявлялось, хотя кобели были слегка напряжены.

Черт

Дик

Потом выяснилось, что эти две группы связывают интересные взаимоотношения, и оба примера достаточно характерны. Если при подходе группы Гар-1 Дика и Черта не было непосредственно около забора, Харитон, Рыжий, Асси и Белкин (в полном составе или нет) свободно залезали на забор днёвки, и дальше никаких выраженных признаков агрессии не возникало. Если же Дик и Черт находились около забора, начинался яростный агрессивный перелай, но залезать на забор собакам группы Гар-1 явно не хотелось, так как дырок в заборе

было всего три, а собака, пролезающая в узкую дырку, весьма беспомощна, причём противник легко может проконтролировать все лазы. Интересно, что обе ситуации были настолько не похожи и противоречивы, что наблюдавший одну из них наверняка не мог бы предположить другую. Но в головах участников они спокойно совмещались, и каждая ситуация демонстрировалась как хорошо отработанный спектакль.

Ещё одна большая и интересная группа, расположившаяся в этой части поселения собак, — группа Гар-2. Она состояла в начале 1980 года из пяти собак: трех самцов и двух самок. Старшим и самым крупным самцом в группе был Шарик, белый с тёмными пятнами лайкоид. Второй кобель — Тюп, длинношёрстный, меньше среднего размера, на невысоких ногах, двух с половиной лет, пожалуй, самый активный и энергичный во всей группе. Тюп, если так можно выразиться, был центром всей группы; весёлый и вместе с тем решительный нрав делал его основным инициатором игр и достаточно дальних маршрутов. Третий самец — Коротконог, по размерам и габаритам походил на таксу. Найда, старшая самка группы, была крупная рыжая собака типичного дворняжистого облика, с висячими ушами. Вторая самка, полуторагодовая Бровка, — черно-подпалая, мельче Тюпа, собака с жёлтыми бровями. В начале наблюдений, до середины марта 1980 года, описываемая группа состояла из двух подгрупп: Шарика и Бровки, в основном домоседов, и Тюпа, Коротконога и Найды, любивших выходить к главному зданию МГУ, в задних дворах и закрытых садиках которого собаки искали еду, метили, встречались с другими группами. Ещё одна особенность этой группы — значительная социализация на нескольких людей. Они часто получали прикормку и отправлялись на прогулки со знакомыми людьми.

Найда

Собаки других групп знали и хорошо относились лишь к сторожам или рабочим тех объектов, на территории которых располагалась их днёвка, и постоянных «левых» благодетелей не имели.

После того как я заметил, что группа Гар-1 может проникать на участки других групп (Скл. ВЦ, и 4ВП), меня особенно интересовало, какие отношения существуют между стаями Гар-1 и Гар-2. 17 марта мне представилась возможность удовлетворить этот интерес. У Найды, старшей суки группы Гар-2, началась течка. Стая Харито-на вторглась на участок Гар-2. При этом сразу стало очевидным, что она доминирует и над самцами группы Гар-2. Пришельцы вели себя очень уверенно. Один раз они яростно бросились на Тюпа, тот пустился наутёк. Никакого желания выяснять, кто здесь сильнее, у него не возникло. Шарик, хотя и не убежал с днёвки, робко прятался в укрытии при приближении Харитона и Рыжего. Стало очевидно, что группа Харитона господствует и здесь. Найда повела себя весьма любопытно. Она не только не боялась пришельцев, но всячески заигрывала с Харитоном, явно демонстрируя ему своё расположение. Сперва Харитон вёл себя довольно пассивно, и главным ухажёром был Рыжий, но Найда сама держалась около Харитона и даже активно стимулировала его к ухаживанию, делая на него садки (обычное поведение для суки, как потом выяснилось). Приблизительно через час Харитон пошёл на свою днёвку, Найда за ним, за ней Рыжий, Асси и Белкин.

Основная «свадьба» Найды прошла на днёвке Гар-1, то есть собака временно перешла в доминирующую группу и оставалась там ещё почти месяц, после прекращения эструса, а потом вновь вернулась в свою группу. Этот уход и возврат изменили статус Найды в своей группе. Если до её ухода по тесту доминирования у еды Найда занимала второе место после Шарика, то по возвращении в группу она решительно заняла верхнюю ступень иерархии. Возможно, здесь большую роль сыграли её визиты на днёвку Гар-2 в составе стаи Харитона. Дело в том, что группа Гар-1 и после «свадьбы» Найды посещала участок и днёвку Гар-2, причём пришельцы были агрессивны (особенно к Тюпу), вели себя как явные доминанты и активно метили днёвку Гар-2 и её окрестности. Так вот, в этих маршрутах несколько раз

принимала участие и Найда, причём она, как и её временные компаньоны, кидалась преследовать своих старых одногруппников.

Я думаю, Найда просто поддавалась эффекту группы, делала то же, что и другие, но тем не менее по возвращении в группу она заняла там высшее положение, однако попала в своей группе в определённую изоляцию.

То тепло в отношении к ней, которое наблюдалось до начала свадьбы, уже никогда не демонстрировалось, с ней уже не играли, и в дальние маршруты Найда отправлялась одна. Правда, Найда была на второй половине беременности. Можно предположить, что уже это само по себе могло изменить её положение, однако в других случаях (а их было немало) я ни разу не замечал столь резкого изменения в отношениях. Когда Найда присоединилась к группе Гар-1, в той произошли изменения. Во-первых, традиционное деление на две подгруппы (Асси — Рыжий и Белкин — Харитон) сменилось другим. Харитон стал оставаться один на днёвке, а Рыжий, Асси, Белкин и Найда отдыхали в другом месте, и подгруппы соединялись только в период активности, и то не всегда. Во-вторых, заметно ослабла связь между Рыжим и Асси, связь наиболее сильная в группе до того. Когда собаки держались впятером, Найда у еды занимала второй, после Харитона, ранг, но это был именно зависимый от Харитона ранг, так как я видел, что даже Белкин прогонял Найду от лакомых кусков, если поблизости не было Харитона.

Через месяц после начала свадьбы Найда снова отделилась от группы Гар-1 и вернулась в группу Гар-2, однако исходное разделение на подгруппы в Гар-1 (так же, как и в Гар-2) не восстановилось. Харитон спал один, Рыжий, Асси и Белкин — втроём в другом месте.

Стало ясно, что в спортгородке господствует Харитон и его стая. Последним оплотом независимости оставалась тройка Г-2: Сэр, Ньют и Пуша.

Стая Харитона ходила почти каждый вечер по их границе или даже обходила их территорию с дальней стороны, направляясь ночью к столовым у главного здания, но на территорию Г-2 не заходила. Один раз мне довелось видеть встречу двух групп ещё в тот период, когда с группой Гар-1 держалась Найда. Произошло это так. Сэр и Пуша выбежали со своей днёвки и со знакомой женщиной-строителем двинулись к «Гастроному», в глубь поселения. По дороге к ним присоединился Ньют, который тоже был радостно возбуждён, но при этом ещё и очень важен.

Все трое дошли до «Гастронома» и начали там активно нюхать, искать запаховые метки и метить сами. Женщина-«хозяйка» зашла в «Гастроном» за покупками. Тут со стороны подхода от днёвки Гар-2 и появилась пятёрка Гар-1 и Найда. Подошедшие первыми заметили собак Г-2 и, как часто бывает, замерли на месте, а затем Асси, Рыжий, Белкин, Найда и Харитон пошли в атаку. Харитон явно не спешил. Ньют довольно быстро увидел нападающих, затем и Сэр с Пушей, и тройка продемонстрировала в очень чёткой форме великолепный приём группового сплочения и атаки от значимого места. Все кинулись к двери «Гастронома» (куда ушла их «хозяйка»), мгновенно повернулись на атакующих, и все трое, как по команде, бросились в контратаку высоким «дельфинчиком». «Дельфинчиком» я называю прыжок или серию прыжков, когда собака демонстративно выскакивает наверх и затем падает сперва на передние лапы. Атака Г-2 была настолько эффектна, что Рыжий, Асси, Белкин, Найда и Харитон сразу встали. Начался короткий перелай групп, затем Ньют и Пуша постепенно отошли снова к двери «Гастронома». Сэр остался впереди, и к нему уже без всяких признаков агрессии, весьма медленно и напряжённо подошли Найда и за ней Асси. Последовало обнюхивание нос в нос, причём стороны вытягивали шеи, чтоб удлинить дистанцию между собой. Кобели же Гар-1 и вовсе не подходили ближе четырех-пяти метров, и вслед за Харитоном начали двигаться к заднему двору «Гастронома», мощно и демонстративно метя. Скоро вышла женщина, с которой пришли Сэр, Ньют и Пуша, и все

четверо отправились на днёвку. Встреча закончилась без единого укуса (как и подавляющее большинство контактов между бродячими собаками). Но помимо случайных встреч бывают и другие. Это я уже знал.

30 июня у Пуши стали появляться первые признаки наступающей течки. Ньют стал постоянно опекать её, а Сэр неотступно следовал за ними, пытаясь воспользоваться оплошностями Ньюта, но последний давал ему мало шансов. Первый раз я видел короткую стычку, причём Сэр сразу уступил. О приближении свадьбы у Пуши знали не только Ньют с Сэром.

1 июля на днёвку Г-2 нагрянули «харитоны», и началось. Это была самая напряжённая «свадьба» с участием Гар-1. События развивались так. Сначала основной ареной позиционной борьбы стала окраина днёвки Г-2, ближняя к Гар-1. Появились Харитон, Рыжий, Белкин и Асси и старались отманить Пушу. Ньют и Сэр, напротив, пытались её удержать на центральной части днёвки и при этом практически непрерывно облаивали пришельцев. Пуша колебалась между двумя группами. Во всяком случае, Харитон ей явно нравился (как и почти всем прочим сукам), и она часто с игривым видом пробегала по направлению к группе Гар-1; в эти моменты Сэр и особенно Ньют буквально исходили лаем. Так продолжалось несколько раз, но всё же попытки Гар-1 добиться своего со стороны задворков днёвки не удались. Тогда они стали подходить по проезду к калитке у самого центра днёвки. Снова началась отчаянная борьба, борьба нервов. Собаки не вступали в непосредственные контакты, но буквально каждые полметра между ними отвоевывались друг у друга. В решительные моменты при критических дистанциях животные двигались с подчёркнутой выразительностью и намного медленнее обычного.

Пуша и здесь то передвигалась к Харитону и Рыжему, то отступала к Ньюту и Сэру. Когда Пуша приближалась к Ньюту, он пытался делать садки на Пушу, но ему это практически не удавалось, так как тут же Харитон, Рыжий и Белкин надвигались на них с рычанием. Особенно активно это делал Рыжий. Когда же Пуша оказывалась дальше от днёвки, садки на неё делал Харитон. В одну из попыток Харитон спарился с Путей. Ньют и Сэр сперва отчаянно залаяли, но постепенно затихли и остановились у самой калитки. Рыжий выдвинулся между ними и Харитоном. После вязки Пуша убежала на днёвку, а собаки Гар-1 отошли от днёвки.

На следующий день пришельцы атаковали днёвку с тыла со стороны улицы Лебедева. Снова Харитону удалось спариться с Пушей, когда та вылезла через забор. В этот день произошло важное событие в осаде днёвки. До этого момента стая Гар-1 не проникала на основную часть днёвки Г-2, и вот Белкину удалось найти дырку в заборе и пролезть через неё. Несколько раз он залезал на днёвку и снова вылезал к своим. И вот Рыжий с Харитоном тоже внедрились на днёвку. Это произошло 3 июля рано утром. Поведение их меня удивило. Харитон и Рыжий как бы забыли, зачем они сюда проникли. Вместо того чтобы гоняться за Пушей и взаимодействовать с хозяевами, они стали планомерно обследовать днёвку, тщательно вынюхивая её и усиленно маркируя сами. Это продолжалось весь следующий день. Такая стратегия оказалась оптимальной в плане достижения главной цели, так как, хотя они и «потеряли» много времени на обследование, зато потом, уже хорошо освоив всю днёвку Г-2, начали постоянное преследование хозяев и поиски Пуши, не давая противникам передышки. Здесь я ещё раз увидел, насколько разные отношения могут связывать собак в группе. Так, Харитон всегда больше «благоволил» и мягче относился к Белкину, больше времени проводя с ним, и всё же в самые критические периоды рядом с ним оказывался Рыжий, а не Белкин, и на Рыжего в эти моменты и ориентировался Харитон. Зато Белкин обладал особой ролью и недаром именно он первый нашёл «тайный ход».

В этот момент, когда стая Гар-1 кончала осваивать днёвку Г-2, Ньюту все же удалось спариться с Пушей. Когда Пуша и Ньют стояли в замке, их обнаружили пришельцы. Сэр тоже был рядом. Возможно, не будь его рядом, Рыжий напал бы сразу. Началась ужасная сцена, когда Белкин, Харитон, Сэр то по очереди, то вместе стали делать садки на стоящих в замке Ньюта и Пушу, перелезать через них. Впечатление было такое, что кобели посходили с

ума — такой жуткой страстью была полна эта сцена. Вероятно, Пуша была для них какая-то секс-бомба. Кстати, подобные сцены я потом видел не раз и с другими участниками. Период сумасшествий сменялся переламом. Но вот Ньют и Пуша вышли из скле-щивания, и почти тут же Рыжий напал на Ньюта, поймав его за основание уха. Сперва Ньют отчаянно отбивался, но на помощь Рыжему подоспел Харитон, хватая Ньюта за бок и живот (у Харитона были сточенные зубы, что спасло Ньюта). Белкин схватился с Сэром, и они куда-то отскочили в борьбе. Пуша залезла в укрытие. Ньют уже перестал отбиваться, а Рыжий и Харитон возили им, как грязной тряпкой, по запылённой цементом площадке. Тут я не выдержал и рывкнул на собак, запустив в них здоровой палкой. Рыжий и Харитон оставили Ньюта, который, к моему удивлению, тут же вскочил и бросился искать Пушу. Да, он не зря был доминантом. Это оценил и Рыжий, так как в следующий момент все стали суматошно искать Пушу. Ньют и Рыжий столкнулись один на один, и Рыжий посторонился, а Ньют с ворчанием прошёл мимо.

На этом, как я и рассчитывал, свадьба кончилась, но я ещё не знал, что наблюдаю за Ньютом, Харитоном, Рыжим, Белкиным, Асси и многими другими в последний раз.

Перед началом XXII летних Олимпийских игр 1980 года в Москве проводились массовые потравы бродячих собак. В это время меня не было в Москве, а о том, что случилось с наблюдаемыми мной собаками, я узнал из рассказов сторожей.

Вот что произошло. Ньюту, Пуше и Сэру дали по отравленной котлете (так упаковывалась отраву). Ньют съел свою отраву, отраву Сэра и большую часть Пуши-ной, после чего умер быстро. Пуша отравилась остатком, но её отпоили молоком и спасли. Стаю Гар-1 отравили, но Харитон не взял яд, и его убили железными палками, асфальт у Гар-1 покрылся кровью. Отравили Бурку и всех членов группы Гар-2, кроме Бровки. Потравили много других собак.

Смерть многих собак во время Олимпиады резко изменила социальную структуру всего поселения в целом. Главное событие для описываемых мной животных заключалось в исчезновении организующей и доминирующей группы Гар-2. Однако перемены ощутились не сразу. Сначала уцелевшие вели себя как и раньше, изменения начались постепенно. В первую очередь — расширение участков обитания групп в сторону днёвки Гар-1 и «Гастронома» — центральных и очень значимых мест в поселении. Раньше эти места были опасны, так как там постоянно болтались Харитон и компания. Процесс этот начал Сэр. Если читатель помнит, Сэр был «пограничником» в группе Г-2. После смерти Ньюта, бывшего доминанта, Сэр остался единственным взрослым кобелём. Пришлось ему занять доминирующую позицию. В это время в группе появился новый член — Онок, сын Пуши, средний, бурый, мохнатый, похожий на маму. Да, вторая половина 1980 года ознаменовалась не только потерями, но и приобретениями. На месте днёвки группы Гар-1 появились два рыжих щенка: самец Р-2 и самка Ы, а через месяц к ним присоединился взрослый чёрный коротконогий кобель ЧБ-2. В группе Гар-2 кроме Бровки остались ещё две молодые собаки — Пегаш и Моха, среднего размера, плотные, Пегаш — ясное дело, пёстрый, а Моха — рыжая (они родились в феврале в этой же группе). Так что частично свободные места заполнились родившимися щенками. Я упомянул о них не только для того, чтобы ввести новых героев, но и для того, чтобы проиллюстрировать важный тезис о том, что родившиеся и подрастающие щенки остаются и включаются, как правило, в те группы, где погибли взрослые члены. За время наблюдений во многих группах рождались щенки, но если не освобождалась «вакансия», рано или поздно они либо погибали, либо покидали свою материнскую группу. Эта закономерность говорит о чрезвычайно высокой плотности популяции собак, которых я наблюдал, и о том, что существует чёткий верхний предел плотности популяций.

Но вернёмся к нашей истории.

Начал расширение участка Сэр, затем он приобщил к этому Пушу и Онка. Чуть позже гораздо активнее стали перемещаться старые Дик и Черт; они тоже увеличили свой участок. То же сделали и крупный бурый Яр (самец из пары 4ВП), Юджим из группы Обс (обсерватория) и молодая, но уверенная пара — Пегаш и Мох из группы Гар-2. Весьма интересная ситуация сложилась в период с 28 октября до 2 ноября, когда практически все соседи стали стекаться к днёвке Гар-1, где жили Р2, Ы и ЧБ-2. Много раз туда приходили и Юджим и Яр, и Дик с Чёртом, и Пегаш, и Сэр. Недосыгаемый ранее Гар-1 стал местом прогулок. (Если бы Харитон, Рыжий и Белкин видели это!)

Вскоре нашествие на днёвку Гар-1 кончилось. Степень перекрыwania участков соседних групп в целом по поселению спортгородка значительно возросла. Собаки ранее подчинённых групп стали активнее перемещаться и чаще вступать в контакт с соседями, начался процесс самоутверждения оставшихся групп. Однако не все обстояло так просто. Основные герои повествования жили не изолированно, а включались в обширную популяцию бродячих собак. Я уже писал, что одним из следствий наличия стаи Харитона было малое количество чужаков на территории спортгородка (за исключением маленького куска территории Г-2). После исчезновения стаи Харитона ситуация изменилась, соседи стали чаще заходить туда. Чаще других это делала группа, названная мной БЯБ (по первым буквам кличек трех старших кобелей: Бати, Яра и Белоноса). В это время группа БЯБ была очень сильна, она состояла из пяти самцов, кроме перечисленных ещё Гарри, Мала, и двух сук. Эта группа стала вторгаться на участок поселения, причём пришельцы несколько раз проходили через днёвки собак спортгородка. Избежала вторжения только днёвка группы Г-2. Пришельцы не проявляли прямой агрессии, но вели себя очень уверенно и интенсивно маркировали мочой днёвки собак спортгородка. Это, на мой взгляд, нарушало логику самоутверждения, хотя и не могло остановить идущего процесса.

Когда участки аборигенных групп окончательно оформились и расширились, началось нечто новое. Стаи стали выяснять, кто здесь главный, и снова первым здесь стал Сэр. Он, Пуша и Онок залезли на территорию Дика и Черта, с которыми у них всегда были напряжённые отношения, и с явно агрессивным видом, с лаем и рыком пробежали через их днёвку и прометили её. Дик и Черт находились тут же; хотя дело до драки не дошло, все же напряжённость была очень высока. Мелкие стычки и агрессивные выпады между разными группами становились все чаще. К лету 1981 года в поселении спортгородка усилились ещё две группы. Во-первых, группа Гар-2. Пегаш, доминант группы, окончательно повзрослел и стал очень уверенным и агрессивным кобелём. Его группа увеличилась, появились новые члены — Вандал, Жулик и две мелкие пёстрые сучки. Все они, как Пегаш, были мохнатые и пёстрые (черно-бело-рыжие). Пегаш и его группа охраняли территорию около днёвки и совершали дальние прогулки и, как и старые, погибшие члены группы Гар-2 (Тюп, Коротконог, Шарик, Найда), «дружили» с людьми (традиция группы сохранялась).

Образование ещё одной сильной группы необычно. Эту группу я назвал Н-Гар (новый гараж). Она произошла от слияния двух самцов Гар-1 — Р-2 и ЧБ-2 (самка Ы к этому времени погибла) и пары Пан и Катька, которых я прекрасно знал с начала моих наблюдений, но жили они в другой част популяции. Оба рыжие: Пан посветлее и с белой проточиной по лбу, Катька — только рыжая. В середине мая Пан и Катька окончательно перебрались на днёвку Гар-1, и группа сформировалась. Её лидером и доминантом стал Пан, который, несмотря на молодой возраст, уже много повидал в жизни и отлично знал огромный район. До оседания на днёвке Гар-1 Пан и Катька чрезвычайно широко перемещались и встречались с очень большим количеством собак (только группа БЯБ могла сравниться с Паном и Катькой). Пан, как и Пегаш, был достаточно молод, доминировал в группе, но как же они отличались! Пегаш — очень жёсткий доминант, почти деспот. Пан — удивительно мягок. Пан всегда поддерживал своих (как будет видно чуть позже), Пегаш делал это весьма и весьма редко.

В самом конце ноября — декабре 1981 года три наиболее сильные группы в поселении

начали «войну». Да, именно войну: это была уже не просто драка и не осада во время свадьбы (никаких свадеб не было и в помине), а долгосрочный, постоянно самоподдерживающийся конфликт. Опишу несколько сцен, свидетелем которых я был.

2 декабря 1981 года в час ночи я услышал очень сильный лай нескольких групп в районе «Гастронома». Тихо подкравшись, я заметил, что группы Г-2 (в полном составе), Н-Гар и Гар-2 (все, кроме Мохи) стоят как бы треугольничком на определённых местах, названных мной стартовыми позициями. Затем группа Г-2 сорвалась с места и пошла с рыком в атаку на группу Гар-2. Сэр, Пуша и Онок демонстрировали великолепное групповое сплочение. Гар-2 встретила атакующих яростным, частым, почти как пулемётная очередь, надсадным лаем. Сэр, Пуша и Онок вернулись и, немного отдохнув, снова ринулись в атаку и вытеснили Пегаша и его группу со стартовой позиции; те ушли на днёвку. Все это время группа Н-Гар находилась на своей стартовой позиции, изредка взлаивая. Снова Сэр, Пуша и Онок отошли на стартовую позицию и, чуть выдвинувшись вперёд, объединились и ринулись на Пана, Р-2, ЧБ-2 и Катьку. Все повторилось, после второй атаки и эта четвёрка, не выдержав, отступила; поле боя осталось за Сэром, Пушей и Оноком, без единого укуса.

В середине декабря борьба шла между группами Н-Гар и Гар-2. И снова обе группы занимали стартовые позиции, одна против другой. Пан, ЧБ-2, Р-2 и Катька приходили раньше и ждали врагов. С появлением Пегаша и компании начинался яростный лай.

Наиболее детально такой конфликт мне удалось пронаблюдать 17 декабря 1981 года. Пан, ЧБ-2, Р-2 и Катька вышли к стартовой позиции, Пан заигрывал с ЧБ-2 и Р-2, вылизывал им губы. Собаки метили и изредка взлаивали. Как обычно бывает, именно в тот момент, когда в магнитофоне кончилась плёнка и я отошёл сменить катушку, появился Пегаш, которого атаквали с сильным лаем Пан, ЧБ-2 и Р-2. Пегаш отступил. Через минуту Пегаш снова появился, с ним сильно хромающий Вандал и пёстрые сучки. Пегаш подбадривал Вандала, заигрывая с ним, но тот особенно вперёд не рвался. Думаю, травму Вандал получил в предыдущих конфликтах с Н-Гар. Пегаш продолжал наступать. Он предпринял две атаки с лаем и устрашающими прыжками «дельфинчиком» и два раза отступал, затем он сместился вбок и снова начал продвижение. В результате атак он дошёл почти до стартовой позиции группы Н-Гар. Сдерживали его продвижение только Пан и ЧБ-2, причём последний был активнее. Когда Пегаш явно стал теснить своих противников, пёстрые сучки очень возбуждённо поддерживали Вандала и Пегаша, взлаивая, подталкивая их, вылизывая губы и делая садки. Р-2 и Катька совсем скисли и даже не лаяли на противников. В результате Пегаш и его группа миновали стартовую позицию Н-Гар и стали продвигаться по направлению к днёвке Н-Гар, по дальней от днёвки (и стартовой позиции) стороне проезда. По ходу они интенсивно метили и возбуждали друг друга.

Группа Н-Гар, чуть подождав на стартовой позиции, где Пан вылизывал губы ЧБ-2, Р-2 и Катьке, переметила часть меток Пегаша и отошла другой дорогой на свою днёвку. Но ещё до этого Пегаш, подойдя к днёвке противников примерно на 30 м и оставив им увесистое послание в виде кучи фекалий, галопом удалился назад к своим. Это был отважный рейд и величайшая наглость.

Снова группа Гар-2 двинулась к днёвке Н-Гар, уже по непосредственно ведущей к днёвке аллейке, и снова появились Н-Гар. Пан с ЧБ-2 пытались остановить противников и снова их обошли, а вместе с тем и потеснили. Вдруг Р-2, залааяв, пошёл в решительную атаку, за ним — Катька, Пан и ЧБ-2, в это время Гар-2 куда-то сместилась (может, ещё и до атаки), и я их потерял. У меня было такое впечатление, что, несмотря на явное позиционное «поражение», Н-Гар воспряли духом. Кстати сказать, это было сделать не очень просто, так как параллельно с ними конфликтовала хоть и самая малочисленная, но самая сильная группа Г-2.

Сэр, Онок и Пуша атаквали группу Н-Гар с другой стартовой позиции, прямо против новой днёвки Н-Гар, и делали это, как всегда, очень уверенно. Вот пример. 30 декабря 1981 года. Ночь. Сэр, Пуша и Онок пять раз с паузами бросаются в атаку, опять дружно, бок о бок,

каждый раз успешно прижимают Пана, Р-2, ЧБ-2 и Катюку к самой днёвке. Параллельно с этим тройка Г-2 два раза вторгается на днёвку Дика и Черта. Словом, в этот период поселение спортгородка кипело: шла борьба.

К десятым числам января «войны» кончаются, результаты таковы: Г-2 — самая сильная группа — практически не изменила своего участка, хотя явно показала, что сильнее всех. Стая Н-Гар в заключительной стадии борьбы добилась явного перевеса над группой Гар-2, расширив свой участок за счёт последней и прекратив все экспансии Пегаша. Группа Гар-2 проиграла. Вскоре она практически распалась, хотя на последнем этапе не «поражение» в борьбе с Н-Гар сыграло решающую роль. Но это уже другая часть истории. На ней, пожалуй, надо остановиться.

Не знаю, удалось ли мне показать, что дворняжка, бегущая по улице, — это не жалкое существо, которое мы почему-то терпим в нашем городе (хотим — терпим, хотим — нет, в зависимости от того, что мы сочтём нужным и как, с точки зрения пользы, мы оценим его). Если хоть один читатель увидит в пробегающей мимо собаке сгусток жизни, неповторимую судьбу и яркую индивидуальность, я написал эти страницы не зря.

Вы, конечно, знаете, что собака принадлежит к отряду хищных млекопитающих, но популяции бродячих собак в городе находятся под давлением куда более грозного хищника — человека.

Стратегия отлова бродячих собак чрезвычайно проста и, по существу, сводится только к одному принципу: отлавливается (и подавляющее большинство отловленных уничтожается) любая доступная собака, без учёта каких-либо поведенческих и экологических характеристик. Это приводит к ряду серьёзных последствий. Первое заключается в том, что популяция бродячих собак компенсирует повышенную смертность повышенными темпами размножения, что в свою очередь приводит к омолаживанию популяции. Второе последствие — увеличение подвижности собак. Третье, частично вытекающее из первых двух, заключается в уменьшении стабильности передвижений собак, их участков и других аспектов экологии. Теперь давайте спросим человека или организацию, санкционирующих и стимулирующих отлов бродячих собак: «А зачем отлавливать бродячих собак?»

Мы получим ответ: «Бродячие собаки могут служить распространителями некоторых заболеваний, среди которых есть опасные, например бешенство. (Правда, лишь единичные случаи бешенства регистрировались в Москве более 25 лет назад.) Собаки могут напугать или даже покусать людей и, наконец, они служат резервуаром и распространителями собачьих инфекций, опасных для породистых собак (чумы плотоядных, гепатита, энтерита и др.)».

Давайте теперь, дорогой представитель организации, вместе с читателем и со мной подумаем, хороша ли ваша стратегия борьбы с бродячими собаками? Я вас буду спрашивать, а вы отвечайте.

- Как вы думаете, что лучше: чтобы собаки больше ходили по городу или меньше?
- Ну конечно, лучше меньше!
- Лучше, чтобы в популяциях было много молодняка или мало?
- С эпидемиологической точки зрения лучше, чтобы молодых собак было мало.
- Значит, для снижения эпидемиологической и зоотилогической опасности вы и ваша организация используете стратегию, которая эту опасность только повышает. Помимо этого, используемая вами стратегия резко снижает стабильность общей картины, ухудшая её предсказуемость.

Теперь о возможности покусов. За восьмилетний срок частых контактов с бродячими собаками в самых неблагоприятных местах (например, в охраняемых днёвках) и в самое неподходящее время (ночью) у меня не было ни одного покуса. По-моему, это говорит о многом. Бродячие собаки в подавляющем своём большинстве боятся человека, лают и демонстрируют агрессивность лишь около своих днёвок и в критических ситуациях «свадеб». Конечно, кое-что нужно знать, когда собака на вас бежит с лаем. Нельзя в этой

ситуации пытаться убежать от собаки. Не стоит истерично кричать и суматошно размахивать руками. Наоборот, решительный, резкий окрик, как правило, остановит атакующую собаку, так же как и движение на неё. Очень хорошим отрезвляющим средством является жест «взял камень»: человек делает вид, что берет с земли камень. При этом сам камень вовсе не обязателен, все бродячие собаки знают, что такое камень, и все этого очень боятся.

Но вернёмся к стратегии. Человек из организации, наверное, меня спросит: «Ну а вы-то что предлагаете?»

Отвечу на этот вопрос с большим удовольствием.

В первую очередь нам необходима новая, не обывательская, а научно обоснованная система взглядов. Нельзя больше лезть в тончайшие и сложнее механизмы жизни сообщества животных «грязными руками», плохо зная законы, по которым живут эти сообщества. Давайте представим себе, что мы оставили популяции собак в покое и начинаем следить за ними, изучать их. Что произойдёт? Установится достаточно стабильная структура популяции. Произойдёт старение популяции. Это явно благоприятно с эпидемиологической точки зрения, это снизит мобильность животных, что тоже для нас выгодно. Если мы будем хорошо представлять себе картину жизни собак, это позволит нам гораздо эффективнее решать любую практическую задачу. Но при этом мы должны будем отлавливать и уничтожать не собак вообще, а именно опасных для нас индивидов.

По-моему, преимущества налицо — преимущества и для людей и для собак. Конечно, те, кто обдирает шкуры с собак на шапки, и те, кто ставит нужные цифры в никому не нужных отчётах, наверняка с этим не согласятся: не в их интересах. Однако свои интересы они защищали и защищают уже многие годы. Пора подумать об интересах общих.

Нелепо финансировать дело, которое себя не оправдало, — беспорядочное уничтожение животных, приведшее к усилению эпидемиологической опасности. Нужно изучать животных в городе, в частности бродячих собак. Для этого необходима специальная полномочная служба, наряду с многими подобными, осуществляющими широкую экологическую программу. Наша цивилизация имеет мощнейшее технологическое крыло. В нём задействованы миллионы и миллионы людей. Это крыло в основном разрушает биосферу, наш Дом, источник нашей жизни. Другое крыло, которое должно уравнивать первое, — экологическое — находится в зачатке. Но все крылатые существа, будь то муха, птица или самолёт, с одним крылом могут лететь только в пропасть, к катастрофе.

Вернёмся к собакам.

Если в городе я бы оставил собак в покое, то в сельских местностях бродячая собака играет другую роль. Роль пока явно не исследованную детально, но всё же, по имеющимся данным, скорее отрицательную. В дикой природе и сельских местностях бродячая собака конкурирует с дикими представителями собачьих, в первую очередь — с волком и лисой. Она хуже приспособлена к той роли, которую играют в биоценозах эти хищники. Как правило, собак на той же площади обитает во много раз больше, чем, например, волков; они уничтожают большее количество животных, спектр питания у бродячей собаки шире. В последнее время проблема бродячих собак в сельских областях встала во многих регионах мира очень остро. Вероятно, важнейшую роль здесь сыграло бездумное и очень сильное истребление волков.

Показано, что волки уничтожают бродячих собак и вытесняют их со своих территорий. Это только лишний раз свидетельствует о большой сложности сообществ животных, о том, как осторожно людям надо с ними обращаться.

Неразумными действиями мы наносим вред и живой природе и себе. Поэтому я не

призываю уничтожать бродячих собак даже в сельской местности, а сначала как следует понять их роль в сообществе и хорошо подумать, прежде чем начать действовать.

ГЛАВА III КАК ВОСПИТАТЬ СОБАКУ

**Н. М. Доманова
ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ**

Нет двух одинаковых собак. У каждой — свой характер, привычки, слабости. Собака — это индивидуальность, поэтому даже опытный собаковод, тщательно выбирая щенка, заранее предусматривая цели и методы его воспитания, не может предсказать всех особенностей поведения своего будущего питомца. Каково же приходится тем, кто только вступает на этот интереснейший, но тернистый путь выращивания и воспитания будущего друга?

Владельцы часто жалуются на своих собак, просят дать совет. Большинство жалоб сводится к тому, что подросшая собака не слушается, грызёт вещи, рвёт обои, воеет, убегает от хозяев, бросается на членов семьи. Встречаются и более серьёзные случаи. К сожалению, мало кто спрашивает, почему это происходит, обычно спрашивают, что делать с собакой.

Трудно давать советы, не зная владельца и его собаку. Приходится долго расспрашивать и многое объяснять. Первое, что меня интересует в таких случаях, — это возраст собаки. Уточнив возраст, выясняю пол, породу собаки, состав семьи хозяев и особенности их взаимоотношений. После этого можно ставить предварительный «диагноз».

Дело в том, что существуют объективные законы формирования поведения собак в процессе их индивидуального развития. Но на этот закономерный процесс накладываются условия окружающей собаку среды, характер и требования хозяев. Только поняв, почему собака ведёт себя так или иначе, можно попытаться устранить, исправить недостатки.

Для того чтобы правильно воспитать собаку, необходимо знать, как она развивается, как формируется её поведение, складывается характер. Этому и посвящена статья.

Есть притча о том, как к мудрецу пришли молодые родители и спросили: «Как нам воспитывать ребёнка?» Узнав, что ребёнку три месяца, мудрец ответил: «Вы опоздали ровно на год».

Эта притча справедлива и для владельца собак. Но поскольку до сих пор не решён вопрос о том, что появилось сначала: яйцо или курица, то рассказ о поведении собак в разные возрастные периоды я начну все же с рождения щенка.

Щенок в норме рождается в оболочке. Мать сразу начинает его вылизывать и, захватывая зубами оболочку, разрывает её и съедает вместе с плацентой. В ответ на энергичный массаж матери щенок начинает дышать, двигаться и пищать. Если щенок родился мёртвым, не двигается и не пищит под языком матери, то она чаще всего съедает его вместе с оболочкой. Это естественное поведение собаки. Мёртвые щенки не могут оставаться в гнезде вместе с живыми. Случаи, когда звери поедают живых детёнышей, очень редки и чаще всего вызываются сильным беспокойством матери. Это можно рассматривать только как патологию.

В первые четыре-пять дней жизни щенок беспомощен: он слеп, глух, его движения хаотичны, он ориентируется только за счёт контактной рецепции, то есть ощущает прикосновения матери, однопомётников, температуру, вкус. Он не может ещё отыскивать

мать на расстоянии.

Так называемый «материнский инстинкт» проявляется в том, что поведение матери очень тесно связано с этапами развития щенков и меняется в зависимости от их поведения.

В первые дни после рождения щенки полностью зависят от матери и она практически не отходит от них. Все собаководы знают, как трудно в первые четыре-пять дней жизни щенков вывести их мать на прогулку, как при малейшем писке щенков она бросает еду и кидается к ним. Многие суки в эти дни рычат даже на хозяев и не подпускают к щенкам посторонних. Но пройдет неделя, и собака начнет успокаиваться.

На первом этапе подсосного периода (первые четыре-пять дней) у щенков наблюдается всего одна универсальная форма поведения в ответ на любое ощущение дискомфорта — голод, холод, боль, потребности в выделении и т.п., — щенок активно двигается и пищит. В ответ мать сразу же бросается к щенку, обнюхивает его, начинает вылизывать, а иногда и подталкивает к соскам.

В эти дни выделения у щенков не могут осуществляться без помощи матери: щенки ещё очень слабы, чтобы отползать от гнезда или подстилки для отправления своих потребностей. Мать, вылизывая щенков и подбегая их экскременты, поддерживает чистоту в гнезде. (При искусственном вскармливании новорождённые щенки часто гибнут из-за того, что до и после еды щенку необходимо делать массаж животика до тех пор, пока он не справит нужду). Когда щенки молчат и не двигаются, мать их практически не замечает. Она начинает искать их, только если они запищат или когда у неё прибывает молоко.

В период с пятого по одиннадцатый — тринадцатый день жизни щенков открываются слуховые проходы (восьмой-десятый день) и глазные щели (одиннадцатый-тринадцатый день), они начинают вставать на лапки, сворачиваться клубочком во сне, чесаться, зевать, потягиваться, облизываться, переходят к самостоятельному выделению, начинают активно бороться за соски. С четвёртого-пятого дня мать уже спокойнее отходит от них, и инициатива в контактах с ней начинает переходить к щенкам. К одиннадцатому-тринадцатому дню щенки уже узнают мать на расстоянии одного-полутора метров и целенаправленно ползут к ней.

Это второй этап подсосного периода, во время которого формируется щенячье поведение, направленное на обеспечение жизненно важных потребностей.

Следующий этап — с двенадцатого по двадцатый день жизни. У щенков усиливается двигательная активность, они начинают ходить, садиться, реагировать на громкие звуки. В две недели щенки при искусственном вскармливании уже могут лакать жидкую пищу, но если есть выбор, они предпочитают сосать мать. К этому времени они уже стараются отходить от подстилки для отправления своих естественных надобностей, и мать постепенно перестаёт подлизывать их экскременты. Появляется исследовательское поведение в пассивной форме: щенки начинают обследовать окружающую территорию как бы по радиусам все расширяющейся окружности, центром которой является подстилка. Если на их пути встречается какой-нибудь предмет — миска, тряпка, стул, нога хозяина, — они обнюхивают его и, не трогая, возвращаются к подстилке. В этот же период появляются первые элементы оборонительного поведения: щенки начинают рычать и пугаться сильных запахов. При громких звуках они замирают, а от резких запахов стараются уйти.

Главная отличительная черта третьего этапа — появление односторонних контактов при отсутствии ответных реакций у щенков. Вероятно, это можно назвать этапом догруппового поведения.

В три недели у щенков прорезаются первые молочные зубы, они начинают видеть, с удовольствием лакают предлагаемый им прикорм, но продолжают сосать мать. Исследовательское поведение становится активным: щенков привлекают новые предметы, они хватают их, теребят лапами, начинают грызть тапочки, тряпки, мебель, хватать хозяев за пальцы, за брюки, постоянно стараются залезть именно туда, куда им лазить не следует. В это же время у щенков появляется явная пассивно-оборонительная реакция на громкие звуки, резкие движения, падающие предметы. Становление оборонительного поведения, то

есть реакции на возможную опасность, идёт одновременно с развитием дистантных анализаторов — обоняния, слуха, зрения — сначала на запахи, потом на шумы, затем на резкие движения. Щенки пугаются, замирают, стараются спрятаться или убежать. При этом более активные щенки отскакивают, убегают; медлительные — садятся или отходят. Активно-оборонительные реакции в это время — лай, рычание, наскоки — проявляются только в игре, не как истинно оборонительное, а как игровое поведение.

В начале четвёртого этапа — в три недели — появляются двусторонние контакты, то есть элементы группового поведения. С этого момента мать начинает играть со щенками и воспитывать их: отгоняет от своей еды, от сосков, когда у неё нет молока, и т.п. Щенки получают первое представление о запрещении. Это выглядит следующим образом: сука сначала тихо рычит, затем громче, резче; если щенок не перестаёт делать недозволенное, мать хватается за него зубами, чаще за голову. После этого как все щенки испытывают на себе материнскую хватку, они начинают понимать значение рычания, если попадает одному, остальные замирают. Тогда же щенки начинают понимать и другие сигналы: например, постукивание по миске как сигнал о подкорме, запрещение, если оно подкрепляется шлепком. К четырём неделям у щенков появляется реакция на приход хозяев. Щенки бросаются к ним, начинают отличать своих от чужих. Интересно, что к матери они чаще бросаются с лаем, а людей встречают молча.

Четвёртый этап длится примерно до полутора месяцев, до окончания периода лактации. Он характеризуется активным исследовательским поведением, оборонительным поведением в пассивной форме и, главное, началом группового поведения. С этого момента человек может войти в сферу общения щенка и начать регулировать его поведение и дальнейшее развитие. У щенка происходит импринтинг человека.

Импринтинг, или запечатление, — феномен, открытый К.Лоренцом в 1935 году. Он обнаружил, что у животных есть сравнительно короткий период, названный «чувствительным» или «импринтинговым», в течение которого у детёныша происходит запечатление образа своего вида. Если в этот период детёныш общается с матерью и сородичами, то впоследствии он никогда не спутает представителей своего вида с другими видами животных. Став взрослым, такое животное будет спариваться только с сородичами. Если же в этот период произойдёт запечатление образа другого вида, — такое животное уже никогда не сможет нормально общаться с сородичами.

Если щенок вырастет в изоляции от других собак, если запечатление у него произойдёт только на человека, он, став взрослым, уже не сможет нормально общаться с собаками, не сможет спариваться с ними. Вырастет психически ненормальная собака, которая будет принимать людей за сородичей, вплоть до того, что видеть в них половых партнёров.

К сожалению, сейчас среди «специалистов» бытует мнение, которое они старательно распространяют среди владельцев собак, что из-за опасности инфекций щенков нельзя допускать к чужим собакам. В результате владельцы выращивают психически ненормальных собак. Такие кобели старательно делают садки на ноги людей, не обращая внимания на сук в эструсе, а суки не допускают к себе кобелей. У таких морально искалеченных собак затруднено и нормальное общение с сородичами. Неадекватное поведение часто вызывает агрессию у нормальной собаки. Начинаются драки, хозяева уводят собаку, обижаются на других владельцев, окончательно обрекая своего несчастного питомца на пожизненную изоляцию. Так элементарная этологическая некомпетентность может привести к непоправимым последствиям.

Получая информацию об окружающей среде, о поведении живых существ, щенок начинает приспосабливаться, то есть регулировать своё поведение в зависимости от реакций животных, людей, от свойств предметов. Таким образом он приобретает индивидуальный жизненный опыт, который вместе с врождёнными формами поведения определяет поведенческие реакции в различных ситуациях.

Наблюдение за развитием поведения щенков показало, что функциональные системы формируются в процессе развития в порядке усложнения приспособительных результатов,

причём этапы развития отражают последовательный переход от одного уровня приспособительных реакций, направленных на обеспечение нормального обмена веществ, опосредованно, через мать, затем — на самостоятельное обеспечение жизненно важных потребностей, а потом уже появляется групповое поведение, которое в будущем включается в обеспечение социальных потребностей.

В процессе развития отдельные поведенческие реакции постепенно складываются в «блоки поведения» — комплексы поведенческих реакций, протекающих в определённой последовательности и приводящих к удовлетворению данной конкретной потребности, то есть полезному результату. Из таких «блоков» складывается в будущем как свойственное виду, так и индивидуальное поведение.

Из наблюдений за поведением подсосных щенков отчётливо видно, что отдельные элементы будущих «блоков» закладываются в предыдущих и часто не связаны с теми функциями, в которых будут задействованы впоследствии.

Так, например, щенок рождается с вполне готовой к действию функциональной системой сосания. Принимать пищу иным способом он не может. При реально действующей функциональной системе сосания появляются новые элементы, которые позже войдут в систему не только пищевого, но и игрового, комфортного, группового поведения. На третий день они начинают облизывать нос, на четвёртый — хватать пастью, на пятый — выплёвывать, на девятый — облизывать однопомётников, на двенадцатый — появляются жевательные движения. Функциональная система лакания начинается только после прорезывания первых молочных зубов. Желательные движения появляются на двенадцатый день, но пережёвывать пищу щенок начинает только к полутора месяцам.

Таким образом, элементы будущих систем лакания и жевания появляются при реально действующей системе сосания и задолго до того, как щенок начнёт их использовать по прямому назначению. При том после окончания подсосного периода сосание исчезает, и собака никогда в жизни больше не возвратится к подобному способу приёма пищи. У взрослой собаки язык не сворачивается в продольную трубочку.

Первый элемент активно-оборонительной реакции — рычание — появляется на двенадцатый день, но независимо от систем оборонительного поведения — при обследовании стены, во сне, при игре с самим собой, — задолго до формирования истинно оборонительной реакции.

Оборонительное поведение появляется у щенков на четвёртом этапе подсосного периода, но в это время активно — и пассивно-оборонительные реакции формируются независимо друг от друга. Пассивно-оборонительное поведение используется как истинно оборонительное, то есть при возможной опасности щенок замирает или убегает, а активно-оборонительное — как элемент игрового: нападает, лает, рычит, борется он только при возне с матерью или однопомётниками.

Это должны знать и помнить люди, приобретающие щенка для охраны. Ни в коем случае нельзя пытаться «злить» маленького щенка и требовать, чтобы он кусался. Такое поведение хозяина легко вызывает у щенков стресс и истерические реакции. Истинное активно-оборонительное поведение формируется у собак много позже, с половозрелостью, когда формируется и территориальное поведение. Попытки раннего «развития злобы» могут привести только к развитию истерии, то есть психическому заболеванию.

С возрастом у щенков появляются все новые элементы и формы поведения. Это связано с развитием нервной и гормональной систем организма. Но проявление новых форм поведения определяется не только возрастными морфофизиологическими изменениями, но и развитием остальных поведенческих реакций. На каждом следующем этапе идёт качественное изменение всего комплекса поведения. При этом большое значение приобретает групповое поведение — контакты, при которых сначала идёт взаимная активация щенков, а впоследствии — активный обмен информацией.

Таким образом, с одной стороны, усложнение поведения является следствием и внешним выражением физического развития животного, а с другой стороны, развитие

поведения во взаимодействии с окружающей средой, матерью, однопомётниками, человеком стимулирует физическое развитие.

К окончанию подсосного периода на развитие щенка все большее влияние оказывает окружающая среда. Именно в это время (от одного до полутора месяцев) щенков отнимают от матери и передают будущим владельцам. У разных щенков это вызывает разную реакцию, но при всех обстоятельствах приводит к стрессу.

Приглашение к игре

Некоторые щенки внешне спокойно реагируют на смену обстановки, другие скулят, ищут мать, беспокоятся, особенно по ночам. Через два-три дня щенки адаптируются к новой обстановке, тем более что человек берет на себя функции матери: кормление, воспитание и защиту. Щенок очень скоро начинает относиться к хозяину как к матери. Он уже способен к этому времени понимать значение запрещения и легко усваивает, что за едой, помощью и защитой надо обращаться к человеку. Если хозяева внимательны и сразу же начинают регулировать поведение щенка, то он очень скоро будет корректировать своё поведение в зависимости от реакции хозяев.

Именно поэтому воспитание своей собаки надо начинать с того момента, как щенок появится у вас в доме.

Период с полутора до трех месяцев — период «детства». У щенка быстро развиваются двигательные функции и координация движений, начинается адаптация к окружающей среде. Он уже реагирует на кличку как зов хозяина, понимает значение «фу» или «нельзя» как запрещение, усваивает команды «Ко мне», «Сидеть», «Дай лапу». По мере исследования окружающей территории, животных и людей у щенка накапливается конкретный опыт, определяются «блоки» поведения в каждом отдельном случае. В знакомой обстановке и в проверенной ситуации он чувствует себя уверенно, но любые изменения вызывают у него растерянность или даже страх.

В это период щенок действует методом проб и ошибок, например, если ему хочется есть, он начинает ходить по квартире, обнюхивать пол, предметы, хватать и выплёвывать мелочи, которые найдёт на своём пути, может при этом поскуливать. Если еда не появляется, то через какое-то время он, наткнувшись на хозяина, начнёт скулить громче и попытается поскрести его лапой. В том случае, если после этого он получит еду или лакомство, такое поведение закрепится и в следующий раз, в подобной ситуации он сразу пойдёт к хозяину, начнёт скулить, лаять, скрести его лапами. Опытный наблюдательный собаковод, конечно, постарается избежать подобной случайности. Увидев, что щенок голоден, он сразу начнёт подзывать его, дополняя свои действия командой «Ко мне», покормит его или, если не время, даст лакомство.

В этом возрасте щенок ещё не способен долго сосредоточиться на чём-то одном, его внимание легко переключается, он отвлекается. У него слабо развиты дифференцировка и процессы торможения, от него нельзя ещё требовать выдержки.

Воспитание в этот период должно сводиться к регулированию и закреплению желаемого для владельца поведения. Время целенаправленной отработки каких-то навыков не должно превышать пяти-десяти минут.

Часто владельцы щенка сталкиваются с трудностями при выгуливании щенка. Хотя в этом возрасте он уже способен отличать своих от чужих, но в естественных условиях взрослые собаки щенков не обижают, поэтому и люди, окружающие щенка, вызывают у него любопытство, а не осторожность. У маленького щенка сильно развит инстинкт следования. Он охотно идёт за ногами, передвигающимися перед его головой. Зазевавшись, потеряв из виду хозяина, он легко увязывается за посторонним. Так же легко он может последовать за проходящей мимо собакой, особенно если она его понюхает. Это естественное щенячье поведение. Бесполезно наказывать щенка за это. Проще догнать его и переключить внимание

на себя, потопав ногами перед его мордой, а затем начиная отходить от него мелкими шажками.

Собаки легче усваивают жесты, движения, интонации, чем слова. Поэтому лучше слова дополнять движениями. Подозвать щенка надо, дополняя словесную команду жестом, и отходить при этом назад. Команду «Фу» — подавать с угрожающей интонацией и очень серьезно. Шуток щенок не понимает, он сам все делает только всерьёз. Сам «шутить» он начнёт позже. Точно так же и команды «Сидеть», «Лежать», «Дай лапу» лучше совмещать с соответствующими жестами.

Маленький щенок ещё не способен к обобщению. Если он начал грызть ножку стула или книжку и его за это наказали, то он спокойно переходит к другой ножке или книжке. Щенок понимает, что данную книжку в данное время грызть нельзя. Но это запрещение для него не распространяется на другую книжку и на другое время.

Я в своей практике всегда одновременно с командой «Нельзя» вводила команду «Можно». Это, во-первых, развивает у щенка дифференцировку, а во-вторых, очень помогает впоследствии «объяснению материала». При таком воспитании, например, моя кавказская овчарка Роджер, гуляя на пустыре, приносил и показывал мне все заинтересовавшие его предметы, от палочек и шишек до бутылок и объедков колбасы. Принесёт, отдаст в руки и ждёт. Палочки и шишечки было «можно», мы несли их домой. Бутылки было «нельзя», мы их выбрасывали, а объедки, которые тоже было «нельзя», заменялись лакомствами из хозяйского кармана.

Очень важно, чтобы щенок до трех месяцев привык к ритму жизни семьи, тогда он без неприятностей будет переносить одиночество, не будет воя, ободранных дверей при вашей попытке уйти на работу, не будет и нареканий от соседей. Надо, чтобы он твёрдо усвоил команды «Ко мне» и «Нельзя», что очень облегчает впоследствии вашу жизнь.

На собственном опыте я убедилась, что только до трех месяцев можно отучить собаку подбирать что-либо с земли. Необходимо каждую попытку щенка схватить на улице какую-либо еду сразу же резко пресекать. Если один-два раза вы будете невнимательны, то впоследствии никакие ваши запреты не смогут гарантировать безопасность вашей собаки.

У наших питомцев прекрасная память и они необычайно чутки ко всем реакциям хозяина. Собака отвернётся от куска, когда вы смотрите на неё, и обязательно вернётся и съест его, когда вы будете вне поля вашего зрения. В таких случаях не помогает даже индуктор. Моей первой собаке доберману Бианке потребовалась лишь одна попытка схватить мясо, к которому была подведена проволочка, находящаяся под напряжением. После этого урока она моментально научилась отличать куски мяса с проволокой (от них она шарахалась в сторону) от чистых кусков мяса, которые она, не задумываясь, глотала на глазах у изумлённых дрессировщиков.

Не помогают отучить собаку от этой дурной привычки и кусочки мяса, в которые завернут перец, горчица и другие приправы. Большинство собак считают их просто деликатесом, а мясо они глотают, практически не прожёвывая.

В три месяца у щенков начинается смена молочных зубов на постоянные. Это совпадает с началом следующего периода жизни собаки — «подростковым», — который продолжается по половозрелости. Половозрелость у разных собак наступает в разном возрасте — от шести до восемнадцати месяцев. Это зависит от конституционального типа собаки, индивидуально наследуемых сроков физиологического развития и условий окружающей среды.

В «подростковый» период продолжает развиваться двигательная активность щенка, формируется дифференцировка, выдержка, способность к прогнозированию, опережающему отображению, обобщению.

Поведение щенка становится наиболее разнообразным. У него формируется и накапливается жизненный опыт. Он очень подвижен и любознателен. Он уже не избегает незнакомых ситуаций, а активно стремится к ним. При этом в каждом новом случае демонстрируется все уже отработанные формы поведения, а затем и новые поведенческие

реакции. При переборе вариантов поведения щенков, с одной стороны, выясняет пределы дозволенного, а с другой — определяет свои возможности. Таким образом он отработывает наилучший путь к достижению полезного для него результата.

Бывают случаи, когда щенок сам провоцирует появление новой ситуации и сам перебирает возможные варианты решений. Так, упомянутый выше Роджер в возрасте трех с половиной месяцев, когда перерос стоявший в комнате журнальный столик, попытался взять лежавшее там печенье. В ответ последовала запрещающая команда. Через некоторое время он попытался стащить со столика лежавшие там перчатки. Опять последовала запрещающая команда. После этого Роджер несколько секунд переводил взгляд с хозяйки на перчатки и обратно, затем отошёл, взял в зубы резиновую игрушку, принёс и положил на столик. Потом, скосив глаза на хозяйку, осторожно потянул игрушку, не сменяя её со стола. Услышав команду «Можно», он взял игрушку, подержал, бросил и пошёл за своим мячиком. Ситуация повторилась: мячик разрешили взять со стола. После этого Роджер, не спуская глаз с хозяйки, потянулся за перчатками. Естественно, последовала запрещающая команда, но щенок явно ожидал этого. Таким образом он сам спровоцировал ситуацию для проверки ожидаемого результата.

Часто в возрасте четырех-пяти месяцев щенки хватают какую-нибудь вещь хозяина — шапку, перчатки — и начинают носиться, держа её в зубах и соблюдая дистанцию между собой и хозяином. Щенок может бросить вещь на землю, потом опять хватает её, подбрасывает в воздух, ловит, треплет и всё время держит хозяина в поле зрения, наблюдая за его реакцией. Ситуация, несмотря на весь её комизм, очень сложная. Догнать подросткового щенка уже мало кому под силу, запрещающие команды в такой момент практически не действуют. Но такое «издевательство» объясняется просто: щенок выясняет возможности хозяина и пределы дозволенного.

Есть разные способы выйти из такого положения, не теряя достоинства. Единственное, что категорически воспрещается, — это гоняться за щенком и тем самым «делать игру ещё веселее». Можно перестать обращать внимание и подождать, пока щенку станет «неинтересно». Можно переключить его внимание, делая вид, что ласкаете другую собаку или что-то интересное нашли на земле, если щенок уже знает команду «Апорт», — то перевести игру на работу. Вариантов решения много и они зависят от характера щенка. Нельзя забывать, что общение с собакой требует интеллектуального напряжения и от владельца.

Играющий щенок

«Подростковый», или «ювенильный», период — один из самых сложных для владельцев. Каждый день таит новые неожиданности. Собака развивается не только физически, но и интеллектуально. Именно в этот период она активнее всего познает окружающий мир и наиболее разнообразно на него реагирует. У щенка идёт процесс реализации всех потенциальных возможностей. Чем разнообразнее будет среда, окружающая щенка в этот период, тем адекватнее будут в последующем реакции взрослой собаки.

Переход к половозрелости связан с гормональной перестройкой организма собаки. Меняется и её поведение.

Садки кобелей друг на друга

Элементы полового и территориального поведения проявляются и у двух-трехмесячного щенка, но это — игровое поведение, которое проявляется и у кобелей и у сук. Садки же как элемент истинно полового поведения и так называемые «садки доминирования» как демонстрационное поведение, которое наблюдается и у сук,

проявляются с половозрелостью. То же относится и к территориальному поведению. Щенок может лаять при появлении посторонних, но это будет не охрана территории обитания, а призыв хозяина или подражание взрослым собакам.

Наступление половой зрелости внешне характеризуется началом мечения территории. Кобели начинают метить возвышенные предметы, особенно если на них уже есть метки других собак, а у сук мечение обычно проявляется в период эструса. Кроме того, сука может оставлять метки и по пути следования в незнакомой ей местности. Если предположить ей самой искать обратную дорогу, то она пойдёт точно по своим меткам. Некоторые суки, как и кобели, оставляют метки в «местах общего пользования». Это один из способов обмена информацией у взрослых собак.

Ещё один характерный признак — изменение отношения взрослых собак к молодым. Маленького щенка взрослые собаки не трогают. Когда щенку исполняется четыре-пять месяцев, взрослые могут начать рычать на него, иногда бросаются и даже кусают, когда, по их мнению, щенок ведёт себя неправильно. Если собаки, с которыми общается щенок, психически нормальны, то хозяевам лучше не вмешиваться в «процесс воспитания». Такое поведение взрослых собак щенок воспринимает как наказание, не огрызается, а демонстрирует позу подчинения, всегда вызывая торможение агрессии.

Н. Тинберген отмечает, что неполовозрелые щенки эскимосских лаек, которые ещё не защищают свою территорию, не способны усвоить, что есть чужие территории, причём взрослые лайки позволяют им ходить где угодно. Но как только у щенков появляется территориальное поведение, они выбирают себе свою стаю и начинают избегать чужих территорий, где с наступлением половозрелости их могут даже загрызть более сильные соперники.

В период от половозрелости до физической зрелости (то есть до полутора-трех лет) у собаки окончательно развивается мускулатура и костяк, формируются все формы социального поведения и окончательно складывается характер.

С половозрелостью молодая собака начинает выяснять отношения с окружающими её собаками и людьми, поиск своего места в группе и в межгрупповых отношениях. При этом каждая «победа» в конфликтной ситуации «повышает ранг» молодой собаки, а каждая неудача понижает его. Это особенно ярко выражается в поведении молодых кобелей. Если такому псу удаётся прогнать даже маленькую собачку, он становится «нахальнее» и с большими. Если же, наоборот, ему попало от более сильной собаки, он становится неуверенным и с более слабым противником.

Неуравновешенность и задиристость молодых собак объясняются попытками определить своё положение в социальной структуре взрослых животных. Это же проявляется и в отношениях с людьми.

Многие владельцы, особенно часто хозяйки, обижаются на своих собак: «Я же кормлю, пою, вычёсываю, выгуливаю, а он меня ни в грош ни ставит, совсем не слушается». Это вполне естественно. Подростя собака перестаёт относиться к человеку как к матери. У неё происходит переоценка ценностей. Она уже начинает смотреть на человека как на «члена стаи» и в поисках своего места в этой стае оценивает физическое и моральное превосходство человека. Высокоранговым членом группы, которому надо безоговорочно подчиняться, становится тот, кто сильнее и увереннее в себе. Этим объясняется тот, кто сильнее и увереннее в себе. Этим объясняется то, что молодая собака начинает «капризничать», перестаёт слушаться, может рычать и бросаться на хозяев. Подобные попытки перестройки отношений для того, чтобы занять лидирующее положение в группе, могут возникать время от времени до двух-трех лет. Особенно ярко это выражается у крупных, сильных кобелей, по своим «моральным» и физическим возможностям претендующих на высокий ранг в группе. Если хозяева не могут справиться с такой собакой, она подчиняет их себе, то есть «ни в грош не ставит». В этой ситуации есть только одно утешение: такая собака не будет слушаться, но будет охранять и защищать хозяев как «более слабых членов группы».

Не у всех собак социализация проходит так остро. Есть такие, у которых отношение к

человеку как к матери остаётся на всю жизнь. Они не стремятся к изменению отношений, не претендуют на высокий ранг в группе, охотно подчиняются людям и собакам. С такими питомцами у владельцев не возникает сложных проблем. Но собаки с таким складом характера не охраняют территорию, не защищают владельца и его вещи, максимум, на что они способны, — лаять, то есть призывать хозяев в ситуациях, предполагающих какую-то опасность. Эти милые игривые создания получают всё необходимое от людей или своих собратьев, пользуясь своей слабостью, и часто достигают этого необычайно изощрёнными методами. Такое поведение многие люди называют избалованностью, что не совсем правильно. Вдумайтесь, каких трудов и интеллектуального напряжения требует попрошайничество. Сколько усилий и «изобретательности» надо потратить, чтобы добиться от хозяина разрешения, независимо от его настроения, спать только на диванной подушке или получить именно тот кусочек, который приглянулся с самого начала.

Моя маленькая дворняжка Килька потратила больше месяца, чтобы доказать ньюфаундленду Карме, что она имеет право спать на её хвосте, а какая изысканная изобретательность потребовалась от неё, когда она добилась нападения трусоватой овчарки Стеллы, довела её буквально до бешенства, а затем, когда та уже была уверена, что Килька у неё в зубах, — подвела Стеллу под морду Кармы, которую хозяйка держала на поводке, пытаясь избежать склоки. Надо было видеть морду Стеллы, когда вместо маленькой Кильки она обнаружила перед собой огромную чёрную Карму, которую панически боялась. Та же Килька умудрялась воровать со стола еду так, что наказывали за это больших собак. Конечно, при этом приходилось делиться лакомством, но, по-моему, для неё был важен не столько результат, сколько сам процесс.

Надо ещё отметить, что молодые собаки стараются перед взрослыми при демонстрационном поведении выполнять полные ритуалы. Их поведение наиболее выразительно. С возрастом и определением своего места в группе некоторые элементы в «блоках» поведения сокращаются и выпадают. Поведение стабилизируется и к двум-трём годам становится стереотипным.

Именно стабильность и стереотипность поведения собак в привычных для них условиях характерна для периода зрелости. Этот период продолжается в среднем до восьми лет.

Поступки собаки зависят от характера и опыта, накопленного в предыдущие периоды. Но критические ситуации или резкая смена обстановки воспринимаются собакой с трудом. Перестройка поведения требует от неё очень большого напряжения, именно поэтому так сложна для взрослых собак смена хозяев.

У многих собак к периоду зрелости образуются так называемые «нежелательные связи», которые ограничивают их использование рамками привычных стереотипов.

Например, в одном из московских питомников южнорусская овчарка Чапа, очень злобная в привычных условиях питомника и на посту, спасовала, когда её попытались использовать для задержания реальных хулиганов в незнакомой ей местности. Чапа испугалась, потому что выросла в питомнике и никогда до этого случая не бывала за его пределами.

У собак, выросших в домашних условиях, жизненный опыт богаче и они способны работать в более разнообразных условиях. Но дрессировщикам хорошо известно, что и у таких собак часто образуется «нежелательная связь» с дрессировочной площадкой, где они прекрасно задерживают помощника, одетого в дрессировочный халат, но могут растеряться, если им предложат задержать на улице человека в обычной одежде.

В питомнике же бывает наоборот. Так, при формальной проверке рабочих качеств караульных собак одного из московских заводов выяснилось, что они не проявляют никакой агрессии по отношению к помощнику, одетому в дрессировочный костюм. Паника персонала улеглась только через несколько дней, когда молодая кавказская овчарка, весело заигрывавшая с «дразнилой» при проверке её «рабочих» качеств, порвала телогрейку на электромонтёре, без предупреждения зашедшем в питомник. Оказалось, что вожатые

используют дрессировочный костюм как тёплую одежду и в холодную погоду надевают его поверх комбинезона. Поэтому собаки воспринимают человека, одетого подобным образом, как хорошего знакомого, а агрессию у них вызывают люди, одетые в обычную одежду.

Интересный случай описан в журнале «Собаководство и дрессировка» за 1926 год. У собаки отрабатывали навыки обезоруживать помощника при выстреле из пистолета. В результате при задержании настоящего преступника собака, услышав сзади выстрел проводника, развернулась и хорошо отработанным приёмом обезоружила милиционера на глазах у изумлённого преступника.

С возрастом у собаки накапливается большой жизненный опыт. Постепенно её поведение меняется. Примерно к восьми годам происходит ещё большее сокращение элементов в «блоках» поведения. Появляется как бы «предвидение» ситуации. Собака в своём поведении опережает события: она начинает работать, не ожидая команд, используя минимум движений. Поведение меняется не только количественно, но и качественно. Для достижения ожидаемого результата собака начинает выбирать порой не свойственные ей формы поведения, но всегда основанные на прежнем опыте, и совмещающие элементы разных «блоков».

Так, ньюфаундленд Иола-Бек, когда ей было восемь с половиной лет, выступала перед школьниками по программе общего курса дрессировки. Она работала без лакомства, но знала, что оно лежит в пакете на столе.

Обычно команды шли в определённой последовательности, причём после приёма «Возвращение на место», обозначенное предметом, следовала команда «Апорт», в ответ на которую надо было принести этот предмет.

На этот раз «место» было обозначено тапочкой и дана команда «Охраняй». Собака выполнила команду, облаяла «преступника», взяла тапочку в зубы и принесла хозяйке. (Дети засмеялись. Действительно, это выглядело так, как будто собака отнесла тапочку хозяйке — «Мол, охраняй сама!») Тогда место было обозначено сумкой. Собака по команде «Место» принесла сумку. После этого сумку положили на стол рядом с лакомством, а хозяйка обозначила место, указав рукой на пустой пол (обычно в таких случаях собака возвращалась на то место, где лежала). Последовала команда «Ко мне» и посыл на место. Собака вернулась к тому месту, где лежала, понюхала пол, огляделась, подошла к столу, взяла с него сумку и принесла хозяйке. Как только хозяйка взяла сумку, собака без команды побежала к столу и, глядя на лакомство, завиляла хвостом. Поведение было настолько выразительным, что комментарии не потребовались.

Этот случай очень нагляден. Конечно, собака нарушила правила выполнения команд, но в её поведении прослеживалась определённая логика: совместив выполнение двух команд, которыми обычно завершались выступления, она пыталась сократить себе путь к достижению цели: получению заслуженного лакомства.

Поведение собак — это неисчерпаемая тема, которая никогда не оставляет любителей равнодушными. Каждый вспоминает примеры из своей практики или случаи, рассказанные знакомыми. Любой готов дать совет новичку. Но совет владельца ньюфаундленда не всегда может помочь хозяину гончей, а рацион кавказской овчарки вряд ли придётся по вкусу карликовому пуделю.

На протяжении многих столетий люди разводят собак, выводят новые породы в поимках идеала. Но, как известно, «на вкус с цвет товарища нет». Одним нравится экстерьер бульдога, другим — левретки, третьим — сенбернара. То же происходит и с поведением. Для одних идеалом является безоговорочное послушание, а для других — безудержная злоба; одним нравятся спокойные флегматичные собаки, другим — подвижные, неуравновешенные.

Выводя узкоспециализированные породы служебных и охотничьих собак, люди добивались закрепления в ряду поколений определённых поведенческих комплексов. То есть шёл отбор на усиление желаемых рабочих качеств при одновременном ослаблении нежелательных реакций. Поэтому сегодня никакая дрессировка не заставит борзую, сидя на

блок-посту, охранять склад, а сенбернара — ловить зайцев.

Воспитание и дрессировка — это, по сути, регулирование поведения в процессе его формирования, направленное на наилучшее использование наследственно закреплённых рабочих качеств.

Выбирая породистую собаку и планируя её воспитание, нельзя не учитывать её наследственных задатков.

Кроме узкоспециализированных пород, есть и универсальные: лайки, большинство овчарок и др. У этих собак особенно ярко проявляются формы поведения, свойственные виду в целом. Такие собаки по своим наследственным задаткам ближе всего к своим диким предкам. По характеру они обычно независимы и самостоятельны.

Самый же широкий спектр поведенческих комплексов встречаются у беспородных собак. Это не значит, что каждая дворняжка обладает всеми качествами лучших представителей всех пород, но именно в массе беспородных собак сохраняется весь набор поведенческих характеристик, свойственных виду. Они, по сути, являются хранителями генофонда вида, который частично утрачивается у узкоспециализированных пород.

Любая собака может быть воспитанной, то есть может усвоить правила поведения при общении с людьми, но ошибки воспитателя могут испортить даже самого лучшего щенка.

Хочется надеяться, что представление о законах формирования поведения собаки поможет владельцам избежать некоторых ошибок в воспитании их питомцев. Ведь за поведение собаки ответственность несёт её владелец.

**В. С. Варлаков,
И. И. Затевахин кандидат биологических наук
СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДРЕССИРОВКИ**

Не кажется ли вам странным, что для управления собакой не требуются права, аналогичные тем, которые выдаются для управления автомобилем? А ведь собака «устроена» значительно сложнее любого самого современного автомобиля, и, соответственно, управлять ею непросто. Очевидно, для того чтобы правильно обучать и дрессировать собаку, владелец должен хотя бы в общих чертах иметь представление о механизмах, последующих поведением собаки, и о теоретических принципах, лежащих в основе дрессировки.

Авторы этой статьи по роду своей деятельности занимаются изучением поведения животных и одновременно являются дрессировщиками с большим опытом практической работы с собаками. Поэтому, с одной стороны, им хотелось обобщить приобретённый опыт, а с другой — представить этот опыт в рамках современных научных концепций, которые за последнее время претерпели значительные изменения.

Нужно сказать, что наибольшее влияние на развитие современных научных представлений физиологического и зоопсихологического направлений, так и работы современных этологов. К первым можно с уверенностью отнести работы представителей школы П.К. Анохина и «постскинеровского» течения в американской зоопсихологии, ярчайшим представителем которого является К. Прайор. (Советские читатели знают её замечательные книги «Не рычите на собаку» и «Несущие ветер»). Любители животных, интересующиеся зоосоциальным поведением, несомненно, помнят работы А.Д. Пояркова, которые во многом сформировали в нашей стране современные взгляды на «социальное» поведение животных и заложили фундамент для понимания организации «социального» поведения собаки. Эти исследования позволили спроецировать закономерности, лежащие в основе «социальной» организации стай собак, на взаимоотношения, складывающиеся между собакой и дрессировщиками, собакой и членами семьи человека, в которую на тех или иных правах включается собака.

На первый взгляд, дрессировка собаки кажется простым, не требующим больших знаний делом, но это совсем не так. Дрессировка представляет собой сложный,

многоступенчатый процесс, изобилующий многими «ловушками» для дрессировщика. Вместе с тем мы считаем: достаточно понять, что в основе любой дрессировки лежат несколько основных принципов, применяя которые, можно успешно дрессировать любое животное — от аквариумных рыбок до собак и дельфинов (и даже, как блистательно доказывает нам К. Прайор, людей).

Мы не ставили перед собой задачу ответить на все вопросы, связанные с теорией и практикой дрессировки, и поэтому нам бы хотелось, чтобы эта работа не воспринималась как некое законченное руководство, в котором описывается, как нужно формировать тот ли иной конкретный навык. Широкий круг любителей собак (каждый из которых представляет собой потенциального или состоявшегося дрессировщика) нуждается, по нашему мнению, прежде всего в определённом минимуме знаний, куда входят сведения по физиологии, зоопсихологии, этологии собак, с одной стороны, и некоторых основных принципов дрессировки — с другой.

Таким образом, в первую очередь наша цель — помочь начинающим и уже состоявшимся любителям собак по-новому увидеть себя и свою собаку, понять, что определяет поведение собаки в процессе дрессировки, правильно построить свои отношения по биологии собаки и физиологии обучения и по возможности основные принципы, лежащие в основе обучения и дрессировки.

1. СОБАКА В СЕМЬЕ. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. Эволюция взаимоотношений

История взаимоотношения человека и предков современной домашней собаки уходит в далёкое прошлое. Наиболее вероятно, что сама природа подтолкнула человека и предков собак друг к другу.

Первым этапом «сближения» являлось формирование межвидовых агрегаций (объединений) — образований весьма обычных у многих млекопитающих (копытных, дельфиновых). В межвидовых агрегациях хищников — будь то дельфины или наземные хищники — каждый из видов, входящий в такое объединение, выполняет какую-либо функцию, взаимодополняя и взаимодействуя друг с другом. По-видимому, функциональное значение предков собак в такой агрегации сводилось к сторожевым функциям, то есть к обнаружению и загону добычи, а главной функцией человека было её умерщвление. Соответственно у стола человека постоянно кормилась группа животных (собак) разных поколений. Постепенно, на протяжении длительного времени, поколение сменялось поколением, и у собак шёл отбор на большую приспособленность к сосуществованию с человеком, по существу, отбор на «лояльность» к человеку. Предки блоков на этом этапе выбрали другой путь — путь самостоятельного развития, на определённом этапе эволюции человеческого общества появилась возможность включения собаки в человеческую семью на правах «домашнего животного». Видимо, с этого этапа началось современное породообразование (и первые попытки направленной дрессировки), в процессе которого человек, используя такой мощный рычаг, как искусственный отбор, формировал высокоспециализированные по своим функциям породы, причём кроме закрепления определённых рабочих качеств и экстерьерных отличий этот отбор усиливал и закреплял главное качество собаки — лояльность по отношению к человеку.

1.2. Биосоциальные предпосылки

Естественные вопрос: на основании каких биологических механизмов (и, если быть более точным, на основании каких видовых биосоциальных особенностей) самая недрессированная собака является большим членом человеческой семьи, нежели самая дрессированная кошка (хотя владельцы кошек, по-видимому, не согласятся с этим

утверждением). Ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в том, что собака — существо общественное (социальное), а кошка — животное одиночное. Этот общепринятый тезис, нам кажется, необходимо несколько расшифровать и ознакомить читателя с некоторыми представлениями о социальной организации собак.

До последнего времени в специальной литературе господствовали взгляды на групповую организацию животных как на некоторую линейную систему. То есть главным механизмом внутригрупповой организации считали доминантную иерархию, а его выражением — так называемый «порядок клевания». Согласно этой концепции всех особей в группе можно выстроить в определённом порядке: от самого сильного и «злого» до самого слабого и неагрессивного. При этом мерилom ранга являлось доминирование (приоритетный доступ) к тому или иному ограниченному ресурсу (корму, самке, воде и т.д.). В процессе дальнейших исследований оказалось, что такой взгляд достаточно однокбок. Выяснилось, что, во-первых, каждое животное в природных условиях проявляет максимальную настойчивость и усилие за обладание ограниченным ресурсом в различных ситуациях, так, в частности, у собак (по наблюдениям А.Д. Пояркова) одна особь может доминировать при конкуренции за самку, оставаясь более пассивной в других ситуациях, другая — в соревновании за пищу. Во-вторых, оказалось, что объединение нескольких особей успешно противостоит более сильной особи и даже может «свергнуть» её с позиции лидера. На наш взгляд, эти сложные явления в социальной организации групп животных объясняются следующим образом. Любую организацию особей ниже популяционного уровня (стая, стадо, группа, семья и т.д.) можно представить в виде многомерного пространства, которое заполняет социальная среда — совокупность связей, взаимодействий и взаимоотношений особей в группе. В этом многомерном пространстве, по аналогии с принятыми понятиями, выделяются многомерные социальные ниши, занимаемые той или иной особью. Границы социальных ниш определяют границы (потенциальные или реализованные выполнения особью той или иной функции в стае/группе/). Другими словами, социальная ниша — это то место, которое животное занимает в группе. Если представить грубую аналогию с семьёй человека, то получается следующая картина. В семье грубо можно выделить следующие социальные ниши — отца, матери, детей. Однако в пределах этих ниш ролевые функции могут несколько различаться: в одной семье отец ходит на работу каждый день, а мать не работает и занята хозяйством и воспитанием детей; в другой — отец ходит на работу «сутки через двое» и активно помогает матери по хозяйству и в воспитании детей и т.д. Все же совокупность функций особи в стае называется социальной ролью. В пределах социальной ниши, занимаемой особью, формируется её социальная роль. Социальное окружение (то есть другие особи группы) формирует границы социальной ниши или границы действий социальной роли. У бродячих собак А.Д.Поярковым выделялись роли «лидера» (животное, на которое в большей степени ориентируют своё поведение другие особи в группе), «пограничника» (животное, которое «берет на себя» инициативу во время пограничных конфликтов, но лишь при санкционирующей поддержке «лидера») и др.

Однако в каждой группе эти роли неизбежно имеют только данной группе присущие социальные границы, сформированные их непосредственным окружением, а также индивидуальными особенностями самой собаки. (Если вернуться к аналогии с человеческой семьёй, то социальная роль отца, каждый день работающего и принимающего малое участие в домашнем хозяйстве, будет несколько отличаться от роли отца, работающего не каждый день и принимающего активное участие в домашнем хозяйстве. Таким образом, ниша отца «добытчика» материальных благ одна в обоих случаях, а ролевые функции несколько отличаются). Каждая из особей имеет свои особенности — стремление к лидерству, уровень агрессивности, устойчивость (сила) нервной системы и т.д. Потенциально наиболее обширной социальной нишей обладают животные, играющие роль лидера. Они имеют максимальную свободу в принятии решений в той или иной ситуации.

Эти на первый взгляд отвлечённые рассуждения имеют прямое воплощение в реальных взаимоотношениях между человеком и собакой. Семья, в которой находится собака,

представляет собой своеобразную разнovidную социальную группу (двухвидовую), причём, как бы ни воспринимал собаку её хозяин, она ведёт себя в этой группе в соответствии со своими законами. Естественно, что «собачьи законы» определяются наследственным комплексом, обуславливающим потенциальную возможность развития у собаки тех или иных форм поведения. Например, собаки с устойчивым внутренним комплексом «лидера», случается, активно пытаются установить себя в этом статусе в процессе взросления. Довольно часто так бывает у крупных собак и, как правило, проявляется в том, что по мере взросления щенков все чаще и чаще «показывает зубы» и становится все более агрессивным по отношению к владельцам. Если рассмотреть «анатомию» таких взаимоотношений, то выяснится, что агрессия собаки, как правило, возникает при попытке ограничения или запрещения ей какой-либо деятельности владельцем. К примеру — собака играет с палкой, а вы её забираете. Если владелец потворствует таким «проявлениям характера» животного, не устанавливает активно нужных социальных границ, то исход может стать примерно таким: старый ротвейлер, овладев любой случайно обронённой вещью, с трудом отдавал её назад. Попытка забрать вещь провоцировала агрессию — предупреждалась рычанием, а иногда дело доходило до небольшого кровопролития. Уронив носок, владелец этой собаки должен был «выменивать» его на какую-либо другую вещь, например, на носовой платок.

Другой пёс, не задумываясь, прокусил ногу владельцу, которой тот неосторожно пошевелил в опасной близости от грызущей кость собаки.

Таким образом, эволюция создаёт предпосылку для возможности сосуществования бок о бок человека и собаки, но не определяет рамок этого сосуществования. Те или иные формы поведения, потенциально заложены в каждой собаке, смогут реализовываться, а могут не реализовываться, однако для того, чтобы то или иное поведение могло быть проявлено, необходимо его наследственное обуславливание. Так, собака в семье человека может занять нишу «лидера», но никогда не сможет занять нишу тётки. Навязывание некоторыми владельцами своей собаке ниши «ребёнка» (обычно при этом подразумевается, что собака соответствующим образом будет себя вести) зачастую ведёт к тому, что по мере взросления наклонности собаки, не ограниченные рамками со стороны владельца, приобретают все более угрожающий характер. В этом случае неоправданное отсутствие границ социальной ниши ведёт к тому, что собака стремительно проходит эволюцию от капризного баловня до тирана, терроризирующего владельцев.

Так, один из кобелей — немецкая овчарка — имел чётко выраженный территориальный комплекс: в качестве своей он считал территорию спальни, в которую пропускал хозяйку (её он почитал за лидера) и стремился не допустить хозяина (вернее, пускал, но со всяческими оговорками — рычал, иногда прикусывал).

Социальные границы для уверенных в себе собак с лидерским комплексом иногда необходимо устанавливать и при появлении в группе (семье) новых членов. Человек, входящий в группу, будет испытывать на себе давление со стороны собаки (если давать последней такую возможность). Известен такой случай, когда боксёр избавил семью от не в меру загостившихся знакомых. Дело происходило на даче, которую члены семьи покинула рано утром, оставив собаку наедине с гостями до возвращения с работы. Во время отсутствия «своих» пёс (по рассказы испытывшей на себе все прелести этого сосуществования гостьи) полностью взял ситуацию под свой контроль. Легче перечислить те вещи, которые он разрешил «чужим», чем те, которые запретил. Все упавшие на пол предметы он складывал к себе к конуру, не позволял бегать, громко говорить. Вообще ходить по участку было нежелательно. Короче говоря, с трудом дождавшись хозяев, гости почли за благо уехать.

Бывают и такие ситуации, при которых собака, признавая безоговорочным лидером одного из членов семьи, с другими строит свои отношения по своему усмотрению. Такое случается при «попустительстве» со стороны владельца-лидера в семьях, где есть дети. Собака при таком раскладе «воспитывает» детей сама, но при этом берет на себя функции по

их защите (или любых других, «подчинённых» ей членов семьи) от посторонних. Один их авторов в младенческом возрасте сам испытал на себе «твёрдую руку» собаки, принадлежавшей его отцу. Это была на редкость самостоятельная и «серьёзная» сука дога, без всякого специального обучения охранявшая дачный участок. (Оставшись вместе с пожилой бабушкой дома, она продержала около двух часов на стремянке газовщика, пришедшего что-то проверить, но ушедшего только с приходом отца семейства). Так вот, «воспитание» ребёнка протекало следующим образом: собака вступала с ним в конфликт в любой ситуации, при которой он как-либо затрагивал её интересы. Кроме того, она имела обыкновение бегать галопом по участку, норовя пробежать в максимальной близости от тогда ещё очень и очень юного автора. Если он делал шаг в сторону (что вполне простительно, ибо голова собаки, стоящей на четырех лапах, доставала ему до плеча), то догinya с торжествующим взлаиванием врезалась в него и, естественно, сбивала с ног. Однажды как-то на прогулке владелец знакомого «сторожевика» (стоя на расстоянии не более метра от автора) замахнулся на свою собаку, допустившую какую-то провинность. Догinya, бегавшая метрах в пяти, расценила этот жест по-своему и в одно мгновение «прокомпостировала» замахнувшегося руку. Это была последняя прогулка тет-а-тет автора и собаки, но не последняя взаимная дрессировка, поскольку после жалобы владельца «сторожевика» сделали свои выводы родители автора, ограничив территорию взаимодействия ребёнка и собаки рамками дома и дачного участка.

Спящий сторож

Другая обычная ситуация — это неоправданное перенесение механических представлений о линейной иерархии в группах животных во взаимоотношения собаки и человека. Часто в этом случае человек стремится полностью подавить собаку, не оставляя места индивидуальности и, по существу, оставляя животному, используя нашу терминологию, очень небольшое социальное пространство, низводя её таким образом в нишу «изгоя». Как правило, такой подход сопровождался тщательно скрываемым страхом перед животным и (или) стремлением самоутвердиться.

Ещё одна группа отклонений при «иерархическом» подходе при дрессировке собак приводит к тому, что собака, отдрессированная «на кухне» или площадке, становится неуправляемой в незнакомой ситуации и может перестать подчиняться владельцу и убежать с другой собакой. Такой подход чреват прежде всего тем, что он не очерчивает границ социальной ниши, и поэтому собака в ряде случаев может вести себя, не «согласуя» свои действия с владельцем (не ориентируясь на него).

В нашей практике встречался и такой экзотический, на первый взгляд, случай, наглядно иллюстрирующий предыдущий тезис. Один очень послушный и ласковый с членами семьи боксёр становился агрессивным и неуправляемым в определённой ситуации — при попытке прерывания его контакта с вошедшими в дом людьми (будь то гости или водопроводчик — без разницы). Другими словами, если хозяева мешали собаке приветствовать гостей (облизывать с ног до головы), то она тут же обращала свою энергию (теперь выражаемую в диаметрально противоположной форме — форме агрессии) на того, кто посмел помешать радостной встрече.

Неправильное формирование ролевых функций собаки иногда проявляется и в неоправданном сужении социальных рамок, в которых они (функции) должны «работать». Это происходит при долговременной «ситуативной стереотипизации» дрессировки и выражается обычно в том, что в каких-то знакомых ситуациях собака работает, а в любых незнакомых — нет, буквально демонстрируя непонимание ситуации и полную растерянность. Как пример можно привести собак, получающих дипломы по защитно-караульной службе и неплохо работающих на дрессировочный халат (эти аспекты своей роли «защитника» они выучили на отлично). Но вот беда: многие из этих собак,

сталкиваясь с более или менее жизненной ситуацией, теряются и не выполняют возложенных на них функций (кусаются за края одежды или не кусаются вообще и т.д.)

Подобные перекосы во взаимоотношениях владельцев и собаки возникают в тех случаях, когда воспитание собаки происходит без учёта необходимости формирования правильных границ социальной ниши (внутри которой собаке отводятся те или иные функции — та роль, на которую её ориентирует владелец). Иными словами, роль формируется (неважно, направленно или нет), а её границы — нет.

Таким образом, «глобальной» задачей дрессировки является правильное формирование места собаки в семье владельца (её социальной ниши) и, в последующем, тех ролевых функций, которые определит для неё дрессировщик. На конечном этапе дрессировки выполнение собакой тех или иных функций не должно выходить за установленные владельцем рамки. Так, к примеру, служебная собака должна кусаться не тогда, когда ей хочется, а когда подана соответствующая команда или возникла специальная ситуация, требующая от неё соответствующих действий. Сказанное касается и любых других ролевых функций, формируемых у собаки дрессировщиком.

II. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДРЕССИРОВКИ

II.1. Функциональная система поведения

Основной задачей дрессировщика является формирование определённых желательных и устранения нежелательных форм поведения собаки, закреплённых желательных форм поведения в виде навыков, создание чётких границ ролевых функций собаки в семье, по отношению к дрессировщику и дрессировочному процессу. Поэтому от дрессировщика требуется не только понимание этологических закономерностей, определяющих взаимоотношения человеческой семьи и собаки, но и достаточно глубокое знание основных принципов формирования и организации целенаправленного поведения животных, которые лежат в основе процесса обучения.

Собака — существо высокоорганизованное, способное улавливать логические взаимосвязи между элементами внешнего мира и решать многие задачи эвристическим путём, то есть посредством ассоциативного обучения, экстраполяции или «инсайта».

Согласно теории функциональных систем академика П.К. Анохина, организм работает по принципу функциональных систем, как единое целое. В нём нет отдельно функционирующих органов, например дыхания, пищеварения, выделения и т.д. Организм — это единое содружество и взаимодействие всех органов и тканей, базирующееся на принципе саморегуляции и взаимодействия. Деятельность организма всегда активно направлена на единый многопараметричный приспособительный результат — **выживание**.

С этой целью в организме формируются иерархически организованные функциональные системы, каждая из которых обеспечивает достижение своего конкретного приспособительного результата, то есть поддержание и реализацию вполне определённой функции организма (акта глотания, дыхания, двигательного акта, уровней артериального давления крови, метаболических компонентов, питательных веществ и др.), а также формирование и реализацию врождённых и приобретённых форм поведения. Таким образом, наравне с другими существующими функциональными системами организма, в тесной с ними взаимосвязи существуют системы, обеспечивающие деятельность организма на поведенческом, более высоком уровне организации. Поведение, с позиций теории функциональных систем, рассматривается как активное воздействие на среду. Результатом поведения обычно является удовлетворение биологической или социальной потребности организма (например, потребление пищи, воды, достижение лидерства в группе).

Помимо естественных биологических и социальных потребностей организма,

формирующих соответствующие мотивации, в организме существует особого рода биологическая потребность в положительных ощущениях. Существование этой потребности было продемонстрировано с помощью методики самостимуляции в экспериментах на различных видах животных. Суть методики заключается в том, что животному представлялась возможность, нажимая на специальную педаль, раздражать определённые структуры собственного мозга. Если кончик электрода, вживлённого перед экспериментом, попадал в особые области мозга (впоследствии названные позитивно-подкрепляющими зонами), то животное, первоначально случайно нажав на педаль, в дальнейшем не отходило от неё, продолжая вновь и вновь давить на неё, получая при этом видимое удовольствие. Такое поведение могло длиться очень долго. Нажимая на педаль по многу сотен раз, животное отказывалось от воды и еды — вплоть до полного изнеможения.

Эти эксперименты доказали возможность на основе самостимуляции определённых структур мозга формирования у животных целенаправленного поведения, приводящего их в конечном итоге в положительно окрашенное эмоциональное состояние. В этом случае конечным приспособительным результатом поведения было не удовлетворение какой-либо из известных потребностей организма, а получение эмоционально-позитивного подкрепляющего результата.

Эксперименты впервые показали физиологическую сущность положительного подкрепления (в широком смысле этого терминала) как фактора, имеющего ведущее значение в процессах обучения.

С позиций биологической теории эмоций П.К. Анохина, эмоции и их качество предопределяется совпадением или рассогласованием между ожидаемым и получаемым результатом в процессе целенаправленного поведения. При совпадении программируемого результата с реальным (достигнутым) возникает положительная эмоция, при несовпадении — отрицательная.

В процессах обучения механизмы позитивного и негативного подкрепления занимают главенствующее место.

Исходя из концепции академика К.В. Судакова, целостное поведение животных можно подразделить на отдельные структурные поведенческие единицы — «кванты». Каждый «квант» формируется в конечном итоге доминирующей потребностью организма (биологической или социальной) и завершается при большем или меньшем её удовлетворении (рис 1.). В основе организации «кванта» поведения лежат те же принципы: что и определяющие деятельность функциональной системы, обеспечивающей врождённое и приобретённое поведение.

Принципиальная схема деятельности функциональной системы целенаправленного поведенческого акта представлена на рис. 2.

Любая поведенческая деятельность собаки также состоит из отдельных поведенческих «квантов», каждый из которых в отдельности в процессе дрессировки, по-видимому, будет соответствовать формируемому навыку.

Давайте попытаемся проанализировать основные закономерности, определяющие поведение собаки во время дрессировки, на примере обучения её навыкам по преодолению препятствий. Эти навыки заключаются в том, что по команде дрессировщика («Вперёд» или «Барьер») собака должна научиться преодолевать любые из указанных ей препятствий различной формы, высоты и конфигурации.

Как же происходит формирование и реализация этих навыков? Что движет собакой и направляет её на преодоление препятствий?

Для того чтобы собака преодолела препятствие, ей необходимо испытывать в этом определённую потребность. Навык преодоления собакой препятствия может быть выработан на базе различных потребностей: в пище, игре, самосохранении и т.д.

Рис. 1. «Квант поведенческой деятельности: ?, А, Б, В, Г, ? — события внешнего мира;

P — P — промежуточные положительные (+) и отрицательные (-) результаты поведения

Рис. 2. Общая архитектура функциональной системы, представляющая собой основу «концептуального моста» между уровнями системных и аналитических процессов

Предположим, что мы решили обучать собаку, используя потребность в пище. Для этого целенаправленно создаются условия, при которых пищевая потребность становится доминирующей (собаку перед дрессировкой не кормят или ограничивают в пище некоторое время).

Тогда определённые биохимические сигналы в специфических центрах мозга преобразуют деятельность этих центров и особое интегрированное состояние, характеризующееся появлением мотивационного возбуждения, при котором формируется доминирующая мотивация, в нашем случае пищевая. Доминирующая мотивация является мощным организующим и направляющим фактором любого целенаправленного поведения; она формирует функциональную систему, объединяя в неё формирует функциональную систему, объединяя в неё определённые структуры мозга и обеспечивая тем самым реализацию целенаправленного поведенческого акта, ведущего к достижению приспособительного результата. В нашем случае, преодолев препятствие, собака должна полностью или частично насытиться. Доминирующая мотивация также активизирует процессы генетической и приобретённой памяти животного, отражающие предыдущий опыт собаки, всю необходимую информацию о тех ситуациях, событиях, которые были связаны с процессом обучения преодолению препятствий и удовлетворения в связи с этим пищевой потребности ранее.

Предположим, что собака имеет некоторый опыт преодоления препятствий — преодолевает полутораметровый «глухой» барьер и штакетник высотой один метр (в условиях той дрессировочной площадки, на которой она занимается). Навык по преодолению препятствий собака воспроизводит с большим желанием (мотивацией), однако не всегда умело, так как страдает техника выполнения прыжков.

В качестве примера рассмотрим несколько прыжков собаки через штакетник в условиях незнакомой обстановки, что позволит достаточно полно отразить основные закономерности, лежащие в основе целенаправленного поведенческого акта (навыка по преодолению препятствий).

Оказавшись на незнакомой дрессировочной площадке, собака прежде всего оценивает окружающую обстановку (то есть характер обстановочных стимулов): высоту снарядов, их форму, месторасположение, наличие пищи (лакомства) в кармане дрессировщика, качественный и количественный состав находящихся поблизости собак и людей и многое, многое другое.

Следует подчеркнуть, что порядок перечисленных нами обстановочных стимулов вряд ли отражает порядок их значимости для собаки. Знание обстановки собакой необходимо ей для того, чтобы с опережением во время «планировать» свою деятельность, в том случае и пищевое поведение. Например, в тех случаях, если дрессировщик забыл взять с собой на занятия лакомство или на дрессировочной площадке находятся «враги» дрессируемой собаки, отработка навыка по преодолению препятствий на базе пищевой мотивации вряд ли будет возможна. Находясь в зоне того или иного снаряда, собака постоянно оценивает ситуацию также в плане наличия пускового стимула (команда «Барьер» — разрешающая прыжок), так как именно пусковой стимул санкционирует начало поведенческого акта (навыка преодоления препятствий). Наконец собака закончила обследование площадки и готова к работе. Дрессировщик подзывает её к себе и по команде «Барьер» направляет в сторону «штакетника». И вот собака бежит к снаряду... Однако прежде чем она прыгнет, в её мозгу произойдёт ряд очень быстрых процессов: во-первых, будет более точно оценена обстановка (касающаяся непосредственно выполнения самого навыка), и прежде всего сам

барьер, его высота, расстояние до него и т.д.; во-вторых, будет осуществлён просчёт программ поведения, которые можно реализовать в данной ситуации, и принято единственное решение из нескольких возможных. Это объясняется тем, что собака может достичь результата (кусочка пищи), осуществляя различные программы поведения: может преодолеть «Штакетник» без разбега и с разбегом, не задевая его («ласточкой»), или совершить опорный прыжок, причём характер опорного прыжка может быть также различен. На стадии принятия решения и выработки определённой линии поведения существуют два уровня деятельности мозга, качественно отличающиеся друг от друга.

1. Способ принятия решения на уровне целенаправленного просчёта вариантов программ поведения.

2. Способ принятия решения, характеризующийся «подсознательным» анализом ранее «отработанных» и в достаточной степени автоматизированных программ поведения.

Наименьшую психонервную нагрузку собака испытывает в том случае, если имеет возможность решать предъявляемые задачи на «подсознательном» уровне.

В-третьих, в процессе выработки оптимальной программы действий и принятия решения формируется механизм предвидения результата поведения и удовлетворения потребности.

Механизм предвидения результата поведения (так называемый «акцептор результата действия, (рис. 2) позволяет животному заранее, то есть с опережением целенаправленного действия во времени, а также в процессе его совершения прогнозировать вероятность достижения полезного приспособительного результата, оценивать его параметры и степень удовлетворения исходной потребности.

Напомним, что в то время, пока происходят процессы анализа обстановочных стимулов, принятия оптимальной программы действия, выработки решения и формируется механизм предвидения результата поведения, собака бежит к барьеру.

В том случае, если сигналы, характеризующие окружающую обстановку, подходят по своим параметрам (то есть размеры и форма «штакетника» не пугают дрессированную собаку, поблизости нет собак или людей, вызывающих с её стороны агрессивное поведение, оптимальная программа выработана и принято единственное решение из нескольких возможных), собака продолжает реализацию целенаправленного действия (то есть совершает прыжок), которое в результате должно привести к частичному удовлетворению её потребности в пище. Однако в процессе осуществления действия (а момент выполнения прыжка) животное может произвести его коррекцию. Так, например, в данном случае было принято решение совершить безопорный прыжок, но, начав его выполнение, собака не рассчитала расстояние и вынуждена была задеть «штакетник». В итоге её поведение оказалось нерезультативным, так как дрессировщик не подкрепил такой прыжок пищей. При следующем прыжке собака корректирует свою деятельность и, совершив безопорный прыжок, наконец получает пищевое подкрепление.

После того как результат достигнут или не достигнут (то есть животное получило или не получило то, к чему стремилось, — кусочек пищи), оно обязательно оценивает эффективность своей деятельности, то есть насколько результат, полученный в конечном итоге, соответствует тому результату, который был заранее запрограммирован. Именно в этот момент наиболее активно функционирует механизм предвидения результата поведения. Предположим, что собака, прыгая много раз подряд, каждый раз задевала «штакетник» и в результате ни разу не получила пищевого подкрепления. В этом случае либо функциональная система поведения перестраивается, осуществляются новые коррекции программ поведения (принимаются новые решения) и предпринимаются все новые и новые попытки удовлетворения пищевой потребности (собака прыгает, прыгает и прыгает вновь), или уровень пищевой мотивации, направляющей поведение, снижается (падает заинтересованность собаки в работе), и животное в конце концов отказывается от прыжков через данное препятствие. Всё это происходит несмотря на объективно сохраняющуюся у собаки на прежнем уровне потребности в пище.

Рассмотрим другой пример выполнения собакой навыка по преодолению «глухого» барьера. Здесь также имеют место описанные выше стадии функциональной системы: формирование доминирующей мотивации, оценка обстановки, привлечение предыдущего опыта, просчёт программ и выбор оптимального решения, осуществление самого действия, коррекция программ в процессе осуществления действий (то есть прыжка), достижение приспособительного результата (то есть получение или не получение пищевого подкрепления), оценка параметров полученного результата и сличение его с запланированным.

Однако по сравнению с прыжками через «штакетник» прыжок через «глухой» барьер требует от собаки большего физического напряжения, а главное, более совершенной техники исполнения приёма. Поэтому к отбору оптимальных программ и предвидению результата действия предъявляется намного больше требований. Видимо, потому при прыжках через «глухой» барьер поведение собаки всегда более эмоционально окрашено.

Как мы уже отметили выше, у нашей собаки не отработана техника прыжка через «глухой» барьер, однако дрессировщик все же поднял его высоту до двух метров. В этом случае собака, ранее выполнявшая небольшие по высоте прыжки, на стадии принятия решения будет пытаться реализовать старые программы поведения, приводившиеся ранее к достижению цели, например безопорный «прыжок», а на стадии целенаправленного действия (то есть в процессе преодоления препятствия) не сможет точно скорректировать свой прыжок — рассчитать место для толчка, вовремя сгруппироваться, правильно зацепиться лапами и т.д.

В результате принимаемые собакой решения и осуществляемые целенаправленные действия оказываются крайне неэффективными: собака причиняет себе боль, ударяясь о барьер, травмируя при этом то передние, то задние конечности, грудь и т.д. (Следует оговориться, что подобную картину можно наблюдать лишь в том случае, если собакой управляет неопытный дрессировщик.) Такое несоответствие между программируемыми результатами и результатами достигнутыми приводит собаку к полному отказу от прыжков. Более того, зачастую вместо пищевой мотивации за счёт болевых воздействий со стороны снаряда у собаки появляется оборонительное поведение в форме активного избегания «глухого» барьера (то есть появляется страх перед «глухим» барьером).

Дрессировщику следует также учитывать, что во время дрессировки у собаки вместо пищевой может сформироваться другая мотивация. Например, если на дрессировочной площадке появится собака, агрессивно настроенная по отношению к нашей, пищевая мотивация, а следовательно, и поведение собаки, направленное на преодоление препятствий, сформированное на её основе, исчезнут. На базе потребности в самосохранении может возникнуть либо поведение активного избегания, либо агрессия в той или иной форме. Если же в месте занятия окажутся друзья нашей собаки — «знакомые собаки», — то пищевая мотивация также может уступить место игровой. В этом случае сформируется функциональная система игрового поведения, и занятия по преодолению препятствий придётся также приостановить, а вместо занятий дрессировкой полюбоваться на играющих собак.

Если в процессе дрессировки собака насыщается, то есть достигает конечного результата — удовлетворения пищевой потребности, то функциональная система данного поведения распадается. При этом пищевая мотивация, базировавшаяся на соответствующей потребности, перестаёт доминировать, соответственно радикально изменяется поведение собаки, его направленность. В таких условиях дрессировка на базе пищевой мотивации не даёт результата.

Таким образом, на примере небольшого дрессировочного фрагмента мы рассмотрели достаточно сложное целенаправленное поведение собаки, базирующееся на пищевой мотивации и направленное на преодоление препятствий. Другие формы целенаправленного поведения, основанные на других мотивациях — оборонительной, игровой, половой, питьевой, — в целом имеют ту же организацию. Системный подход к процессам обучения и

дрессировки позволяет в корне перестроить мировоззрение дрессировщика — его отношение к дрессировочному процессу, и прежде всего к собаке как объекту дрессировки.

II.2. Теоретические предпосылки нервно-психических перегрузок при дрессировке

Игнорирование дрессировщиком системных принципов, лежащих в основе формирования и реализации поведенческого акта, приводит к грубым ошибкам при дрессировке собаки. Вследствие этого у животных появляются нервно-психические перегрузки, сопровождающиеся зачастую крайней степенью эмоционального перенапряжения, различными формами смещённого и переадресованного поведения, вплоть до появления у животных неврозоподобных состояний и даже неврозов. Критические ситуации, приводящие к формированию нервно-психических перегрузок, встречаются практически на всех стадиях функциональной системы поведенческого акта (рис. 1).

Стадия формирования доминирующей мотивации

1. Излишне быстрое обогащение среды, в условиях которой происходят занятия с собакой (особенно на начальных этапах обучения), способствует сталкиванию мотивационных возбуждений, что не даёт возможности полноценно удовлетворяться той потребности, на базе которой формируется навык.

Другими словами, когда дрессировщик начинает обучать собаку новому навыку в присутствии сильных отвлекающих факторов, внимание животного рассеивается. В результате собака не может повторить даже отработанный ранее навык.

2. Попытки обучения собаки в отсутствие доминирующей мотивации, на базе которой ранее формировался навык.

Например, вы обучали собаку навыку подхода по команде «Ко мне», используя пищевую мотивацию. Но вот вы забыли лакомство дома и пытаетесь подзвать собаку командой «Ко мне». Собака же, подойдя к вам один-два раза и не получив пищевого подкрепления, может совсем перестать подходить по команде (то есть значимость команды «Ко мне», как пускового стимула, будет падать). В конечном итоге, дрессировщику придётся либо «отлавливать» свою собаку, либо попытаться оказать на неё «давление». В случае неправильного «давления» на собаку в дальнейшем события могут разворачиваться по схеме, изложенной в следующем пункте.

3. Многократное применение сверхсильных отрицательных (механических) воздействий к собаке зачастую приводит к формированию сверхсильных мотиваций либо в форме ярко выраженного пассивного избегания (страх перед дрессировщиком или помощником), либо в форме так называемой вынужденной беспомощности (застывание в той или иной позе без попыток избежать отрицательных эмоций воздействия). Это происходит, если обучение животного проводится без адекватной мотивационной базы. То есть когда навык формируется на базе, не соответствующей задаче доминирующей мотивации. Например, применяя к собаке сильные механические воздействия на начальном этапе обучения команде «Стоять» вместо формирования адекватной данной задаче пищевой мотивации, мы, скорее всего, добьёмся пассивного избегания животным воздействий со стороны дрессировщика. Ведь любой из нас охотнее исполнит вежливую просьбу, чем грубый приказ.

4. Столкновение мотиваций (конфликты мотиваций).

Неквалифицированная дрессировка часто приводит к таким ситуациям. Например, в процессе развития злобы, а также при формировании навыка «Охрана вещи» неправильные действия помощника и дрессировщика могут провоцировать у собак конфликты между «нападением» (агрессией) и «бегством» (избеганием), «боязнью» дрессировщика (избеганием) и «нападением» на помощника (агрессией), пищевой и оборонительной (в различных формах) мотивацией и др. В качестве примера может служить метод

формирования навыка «Охрана вещи», применяемый на некоторых из наших дрессировочных площадок. При отработке выдержки во время охраны вещи, с одной стороны, дрессировщик наказывает собаку, применяя к ней болевые воздействия, если она встаёт с места; с другой — помощник побуждает её своими действиями к агрессии. В результате чаще всего собака не знает, что ей делать. В процессе обучения этому навыку собака порой находится в крайнем психо-эмоциональном напряжении.

Стадия принятия решений

1. Излишне быстрое обогащение среды, особенно на начальных этапах обучения, приводит также к появлению большого количества ошибок на стадии принятия решения (отбора наиболее эффективны программ поведения). Это все равно что вас заставить решать сложную задачу во время очень интересного театрального спектакля.

2. В процессе формирования одного и того же навыка собака каждый раз вынуждена принимать новые решения, то есть реализовывать различные программы поведения, так как предыдущие оказывались неэффективными из-за непредсказуемости подкрепляющих воздействий со стороны дрессировщика. Такие ситуации встречаются обычно при неправильном формировании сложных навыков: «Охрана вещи», «Задержание», «Аппортировка» и др. А что бы делали вы, если бы за одну и ту же по качеству и количеству работу во вторник получили благодарность, а в среду выговор?

Стадия целенаправленного действия

Критические ситуации возникают и в том случае, когда в процессе целенаправленного действия собака получает новые сигналы (стимулы). Внезапное поступление новой информации вынуждает собаку осуществлять коррекцию собственной деятельности не способом «подсознательного» перебора уже отработанных программ, а переходом на другой уровень принятия решения — целенаправленного просчёта вариантов программ, что для животного зачастую сопровождается большими нервными перегрузками. Представьте себе, что вы прыгнули с самолёта, дёргаете за вытяжное кольцо, а парашют полностью не раскрылся; второй парашют не раскрылся, так как запутался в стропах первого. Что вы будете делать дальше? Особенно часто такие ситуации возникают при дрессировке собак специальными службами: развитие злобы, охрана вещи, задержание нарушителя, выбор предмета и т.д. Такие ситуации также встречаются при обучении собак преодолению препятствий и когда дрессировщик необоснованно и неожиданно усложняет задачу в процессе выполнения ею двигательного комплекта навыков (целенаправленного действия).

Стадия получения полезного приспособительного результата

1. Отсутствие у собаки объективной возможности избежать отрицательных воздействий со стороны дрессировщика или помощника (то есть возможности достичь полезного приспособительного результата, на получение которого направлено её поведение). Такие ситуации возникают в случаях применения дрессировщиком или его помощником сильных болевых воздействий по отношению к собаке, лишая её при этом возможности избежать их. Они возникают как при дрессировке собак по общему курсу дрессировки, так и по специальному курсу, например, развитию злобы, если помощник, злоупотребляя болевыми воздействиями, «загоняет собаку в угол». Уверяем вас, что собаке приходится намного труднее, чем вам жарким летом в набитом до отказа автобусе, где вас постоянно толкают локтями и наступают каблуками на ноги, когда вы проехали свою остановку, а выбраться не можете.

2. Получение на конечной стадии целенаправленной деятельности результата, не соответствующего прогнозируемому, также вызывает различные формы

психоэмоциональных расстройств. Особенно это касается навыков, формируемых в процессе специального курса дрессировки. «Планируя» определённый результат, ранее достижимый, собака реализует вполне определённую программу действий. Поэтому получение собакой на конечном этапе деятельности неожиданного, «не запланированного» ею результата приводит животное в замешательство: собака теряется и не знает, что ей делать дальше (особенно часто это происходит, если поведение в значительной степени автоматизировано). Примером подобного рода критических ситуаций может служить непоследовательное обучение собаки навыку «Задержание нарушителя». В том случае, если раньше помощник сопротивлялся собаке слабо и вдруг наносит ей удар, хотя и не сильный, не подготовленная к таким воздействиям собака, привыкшая всегда побеждать «преступника» без борьбы, пасует, прекращает «хватку» и либо облаивает помощника, либо убегает.

В качестве другого примера можно привести «критическую» ситуацию, возникающую в том случае, если собаке, обученной навыку «Задержание» и привыкшей кусать «преступника» только за конец рукава (то есть за кисть руки), в момент задержания не дать конец рукава. Собака чаще всего теряется и не знает, что ей делать. Как поступите вы, если, сев в свой автомобиль за пульт управления, видите, что все рычаги управления вашей машины совсем другие и по-другому расположены!

Таким образом, обучая собаку тем или иным навыкам, дрессировщик прежде всего должен помнить, что работоспособность собаки имеет свой предел, что предел этот прежде всего зависит от индивидуальных особенностей собак и что в основе процесса дрессировки лежат закономерности, определяющие формирование и реализацию целенаправленного поведения человека и животных.

II.3. Системная организация диалекты «человек-собака»

Обычно взаимодействия дрессировщика и собаки рассматриваются таким образом: дрессировщик является активным участником дрессировочного процесса, а собака — пассивным, дрессируемым объектом. На самом деле всё обстоит значительно сложнее. Как уже отмечалось выше, формируется по тем же законам, что и поведение дрессируемой им собаки. В процессе обучения посредством взаимной заинтересованности дрессировщика и дрессируемой собаки мы наблюдаем не взаимодействие, а взаимодействие двух доминирующих функциональных систем, опосредующих поведение членов диалекты «человек-собака». В результате такого функционального взаимодействия формируется, по существу, новая функциональная система более высокого иерархического уровня. В её основе лежат многосторонние взаимные интересы дрессировщика и собаки друг в друге, базирующиеся как на взаимных положительных и отрицательных подкрепляющих воздействиях, так и на социально-ролевых отношениях между ними. Деятельность такой «суперсистемы» направлена на поддержание высокой степени устойчивости диалекты (многогранные взаимные интересы членов диалекты друг в друге — основа её устойчивости). Таким образом, приспособительным результатом, на достижение которого направлена деятельность «суперсистемы», является обеспечение высокой «социальной» стабильности диалекты и зависит от обоих членов диалекты. Возможны следующие варианты.

1. Совпадение реального результата с прогнозируемым у каждого из членов диалекты.

Это достигается максимальной взаимной заинтересованностью дрессировщика и собаки. Значит, собака в процессе своей целенаправленной деятельности выполнила задачу, поставленную перед ней дрессировщиком, и получила тот самый результат, который она запланировала в начале деятельности. А результат дрессировщика соответствует результату, предвосхищенному им в начале своих продуманных, целенаправленных действий. Таким образом, результат деятельности «суперсистемы» также достигается, и «социальная» устойчивость диалекты поддерживается на высоком уровне.

2. Несоответствие прогнозируемого и реального результатов деятельности дрессировщика.

Если дрессировщик неэффективно планирует свою деятельность и подкрепляет как желательное, так и нежелательное поведение собаки, то собака всегда достигает приспособительного результата (получает подкрепление) независимо от выполняемой работы. Результат деятельности дрессировщика, напротив, практически не соответствует прогнозируемому. В данном случае наблюдается дисбаланс в описываемой нами «суперсистеме», и её устойчивость падает. Это объясняется тем, что дрессировщик не получает удовлетворения от работы с собакой, начинает нервничать и в результате делает ещё больше ошибок. В качестве примера можно привести взаимоотношения диады при формировании навыка подхода к дрессировщику по команде «Ко мне». Если перед началом работы с собакой дрессировщик планировал, что будет обучать собаку быстрому подходу к нему (сразу после команды «Ко мне») с последующей посадкой около левой ноги вплоть до отмены команды (спланировал деятельность собаки в процессе дрессировки), но не спланировал конкретно элементы поведения собаки и последовательность, в которой он будет их отбирать и подкреплять пищей), то в процессе работы с собакой дрессировщик, скорее всего, станет подкреплять и быстрый и медленный подход собаки к нему, правильную и неправильную посадку около ноги, как «выдержку» собаки в положении у левой ноги, так и самовольный уход из положения «Сидеть».

Так как получение собакой пищевого подкрепления не зависит от характера её деятельности, то дрессировщик никогда не сможет добиться от неё чёткого выполнения навыка.

3. Несоответствие прогнозируемого и реального результатов у обоих членов диады.

Бывает так, что дрессировщик злится, выходит из себя, наказывает собаку, не знает, что делать дальше, считая, что животное «глупо и не понимает». На самом деле все просто: между дрессировщиком и собакой нет своеобразного «языкового» контакта. Дрессировщик не может сформулировать собаке (а на самом деле, себе), что он от неё добивается, какие действия ей надо выполнить, чтобы получить подкрепление. Собака, в свою очередь, не может понять, что хочет от неё дрессировщик, то есть не видит, в чём состоит работа, которую она должна выполнить, чтобы достичь приспособительного результата. В такой ситуации прогнозируемые и реальные результаты деятельности партнёров дрессировочного процесса будут находиться в полном несоответствии. Это также приводит к дисбалансу в «суперсистеме» «собака-дрессировщик», разлаживанию контакта между ними (нервозности дрессировщика и выраженному неповиновению со стороны собаки) и в результате к полной неэффективности процесса дрессировки. В качестве примера такого рода взаимодействий в диаде приведём пример с формированием у собаки навыка подноски апортировочного предмета дрессировщику по команде «Апорт». Перед началом работы с собакой дрессировщик планировал, что будет подкреплять пищей каждую подачу собакой апортировочного предмета непосредственно в его руки. Однако во время дрессировки, в силу недостаточности знаний, дрессировщик допускал всегда одну и ту же ошибку, которая коренным образом повлияла на последующие взаимоотношения между ним и собакой. Ошибка заключалась в следующем: каждый раз, когда собака подбегала к дрессировщику с апортировочным предметом в зубах, он преждевременно доставал кусочек пищи, а собака, увидев пищу, сразу же бросала предмет на землю и подбегала к дрессировщику. Однако пищу она не получала, так как дрессировщик подкреплял пищей (в соответствии с его планом) не бросание предмета ему под ноги, а подать его непосредственно в руки. После нескольких таких повторов, видя безрезультатность своих попыток заработать кусочек пищи, собака потеряла интерес к занятиям. Если бы дрессировщик давал собаке пищу каждый раз после того, как она бросала предмет на землю, то он бы сформировал у неё навык подноски предмета с бросанием его себе под ноги, но при этом не добился бы запланированного результата.

4. Отсутствие взаимодействия (взаимной заинтересованности) между членами диады.

В том случае, если дрессировщик работает с собакой излишне грубо, применяя сильные, неадекватные постановленной задаче воздействия, то, несмотря на то, что процесс обучения протекает сравнительно успешно, а взаимодействия достаточно устойчивы (с точки зрения дрессировщика), собака теряет активный интерес к взаимодействию с дрессировщиком и становится пассивным участником дрессировочного процесса. То есть собака не идёт сама на активный контакт, а лишь избегает неприятных воздействий со стороны дрессировщика. На такую дрессировку всегда грустно смотреть со стороны.

5. Отсутствие потребности в данной форме взаимодействия со стороны собаки.

Бывает так, что дрессировщик вроде бы делает все правильно (в соответствии с принятой программой действия), а собака не делает ничего или делает все наоборот, то играет с дрессировщиком, то рычит на него, когда он слишком усердствует. С точки зрения дрессировщика, собака проявляет совершенно неадекватное поведение, а на самом деле все просто: у собаки нет доминирующей мотивации, на базе которой собирается работать дрессировщик (например, пищевой мотивации — собака сыта), соответственно, у неё нет заинтересованности во взаимодействии, а следовательно, и в работе. А поскольку нет взаимных интересов, то формирование единой функциональной системы («суперсистемы») «собака-дрессировщик» просто невозможно.

III. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПРАКТИКЕ ДРЕССИРОВКИ

III.1. Определение

Обучение (дрессировка) практически ничем не отличается от процессов обучения животных в естественной среде обитания. Единственное различие заключается в том, что в процессе формирования навыков в естественной среде обитания преграды на пути достижения животным конечного приспособительного результата ставит сама природа, то есть окружающая среда.

В случае же целенаправленного обучения (дрессировки) преграды на пути достижения животным конечного приспособительного результата ставит человек. Так, в естественной среде обитания голодный волк, прежде чем удовлетворит свою естественную работу: выследить зверя, догнать его, тем или иным путём умертвить, разделать тушу, отогнать конкурентов и т.д. Волк в цирке или эксперименте, чтобы удовлетворить свою потребность в пище, вынужден также выполнять определённую работу (преодолевать преграду), по совершении которой он, как и его дикий собрат, получит пищу и сможет утолить голод. В том и другом случае результатом поведения остаётся получение подкрепления за проделанную работу.

Таким образом, **обучение** — это процесс направленного формирования у собаки того или иного навыка, в процессе реализации которого, прежде чем достигнуть приспособительного результата и получить подкрепление, она совершает определённую работу.

Дрессировка — закрепление навыка до такой степени, когда он воспроизводится собакой не только, когда этого требует удовлетворение той или иной потребности, но по команде и в любой обстановке, даже в угрожающей жизни.

Используя методологические принципы теории функциональных систем, существующие методы обучения и дрессировки можно представить следующим образом.

III.2. Методы обучения

Классический условно-рефлекторный метод обучения

Условно-рефлекторное обучение основано на сочетании индифферентного стимула

(раздражителя), например команды «Фу», с безусловно-рефлекторным раздражителем, например удар электрическим током, вызывающий безусловно-рефлекторный ответ в форме акта отвержения пищи. После нескольких сочетаний индифферентного стимула команды «Фу» с безусловным стимулом (ударом тока) индифферентный стимул приобретает значение условного и запускает так называемый безусловно-рефлекторный ответ.

При дрессировке собак условно-рефлекторный метод обучения применяется крайне ограничено по двум причинам: во-первых, животные, обучающиеся по этому методу, являются пассивным звеном процесса обучения (дрессировки), а во-вторых, трудно найти ту форму безусловно-рефлекторного ответа, которую можно было бы использовать в дрессировочной практике.

Вот один из немногочисленных примеров применения такого метода обучения: способ формирования навыка апортировки (вернее — его элемента). Собаке сразу после команды «Апорт» с помощью поводка и «удавки» («Строгий» ошейник) наносится сильный рывок в области шеи. От сильной боли собака рефлекторно открывает рот. В тот же момент в ротовую полость вкладывается апортировочный предмет, собаку хвалят и поглаживают. При попытке собаки выплюнуть предмет дрессировщик вновь применяет сильный рывок поводком, причиняющей собаке боль и вызывающий рефлекторное открывание рта, и предмет вновь вкладывается в рот собаке. Раз за разом дрессировочный приём повторяют. Вследствие команда «Апорт» вынуждает собаку держать апортировочный предмет, чтобы избежать болевого воздействия. Обучающиеся этим методом собаки сначала пассивно участвуют в процессе обучения, но в дальнейшем активно используют приобретённый опыт и вполне эффективно воспроизводят сформированный навык. При данном методе обучения животное, чтобы достигнуть приспособительного результата (например, избежать боли), должно совершить работу в виде выполнения изначально нецелесообразного, навязываемого ему действия (например, захват апортировочного предмета).

Метод оперантного обучения

Под оперантным обучением понимается целенаправленный отбор дрессировщиком тех или иных желательных действий животного посредством положительных или отрицательных подкрепляющих воздействий. Причём желательные или нежелательные действия подкрепляются немедленно, а сформированный навык в дальнейшем подводится под стимульный контроль. Стимульный контроль означает, что уже на этой стадии обучения определённая команда запускает навык, или санкционирует его выполнение.

Метод оперантного обучения наиболее широко используется при дрессировке как служебных, так и цирковых собак. В условиях этого метода обучения собака является активным звеном дрессировочного процесса (обучение). Необходимым условием обучения является наличие пищевой, игровой, оборонительной или же какой-нибудь другой доминирующей мотивации.

Рассмотрим некоторые примеры применения этого метода при дрессировке собак.

1. Преодоление препятствия (барьер).

Исходно у собаки формируется доминирующая пищевая мотивация, в процессе её реализации животное должно преодолеть «барьер». Для этого собаку подводят к низкому «барьеру», побуждая к прыжку с помощью поводка и лакомства. После совершения прыжка собака получает подкрепление в виде порции прыжка собака получает подкрепление в виде порции пищи. Если эту последовательность действий повторить несколько раз, в дальнейшем собака сама активно будет перепрыгивать через «барьер», как только окажется в его зоне, то есть будет активно осуществлять целенаправленное поведение и получать подкрепление. Если каждый прыжок собаки через «барьер», и направляющие действия предварять командой «Барьер», то в дальнейшем собака будет осуществлять прыжок по этой команде, то есть команда «Барьер» приобретает значение санкционирующего стимула, запускающего данный поведенческий навык.

2. Более сложная схема обучения по этому методу применяется тогда, когда собаку требуется обучить многокомплексному навыку. В этом случае многокомпонентный навык развивается на составные элементы. Например, у собаки необходимо сформировать навык сидения на задних лапах в позе «столбик» с одновременными взмахиваниями передними конечностями. Применяется следующая схема обучения: собаку с помощью лакомства, поднятого над головой животного, и поводка ставят на задние конечности. Каждый раз, когда собака встаёт на задние лапы, это действие подкрепляется дачей пищи в ста процентах случаев. Затем подкрепляют не каждый подъем на задние лапы, а в случайном порядке. Через некоторое время в ста процентах случаев начинают подкреплять лишь подъем собаки на задние лапы в позе «столбика». Затем вновь переходят на стохастический режим подкрепления, а любое движение лапой (или лапами) при нахождении животного в позе «столбика» подкрепляется в ста процентах случаев и т.д. Таким образом можно сформировать любой самый сложный навык у собаки или любого другого животного, а затем последовательную цепь поведенческих актов (сложный поведенческий навык) подвести под «стимульный контроль», то есть выполнение его по определённой команде.

В условиях оперантного обучения способы преодоления собакой преград (выполнение той или иной работы), которые устанавливает дрессировщик на пути достижения ею конечного приспособительного результата, могут быть разными, в зависимости от исходной доминирующей мотивации, обстановки дрессировочного процесса и того конечного результата, который ставит перед собой дрессировщик. Животное же, будь то работа физическая (по выполнению определённого двигательного навыка) или преодоление психических нагрузок, выполняет её всегда активно и целенаправленно — либо посредством проб и ошибок, либо с помощью эвристических программ реализации поведения (инсайт, экстраполяция и пр.).

III.3. Классификация методов дрессировки

Существующие методы дрессировки можно классифицировать как те или иные способы воздействий дрессировщика на потребностно-мотивационную сферу деятельности животных:

а) механический метод дрессировки, или формирование у собаки поведения активного избегания неприятных воздействий;

б) пищевой метод дрессировки, или метод формирования у животных истинной пищевой мотивации. Высокоэффективный метод дрессировки, который позволяет включить собаку в процесс дрессировки в качестве активного участника. Активное участие собаки в процессе дрессировки объясняется тем, что всегда активно стремится заработать кусочек пищи. После того как собака начинает понимать, что, выполнив определённую работу (заработав). Она получит кусочек пищи, а потом ещё и ещё кусочки, её желание выполнить какую-либо работу резко возрастает;

в) вкусопоощрительный метод дрессировки, или метод формирования у собаки мотивации избирательного аппетита. В отличие от «пищевого» метода дрессировки, собака в условиях этого метода дрессировки, собака в условиях этого метода не испытывает реальной потребности в пище (питательных веществах), поэтому нет мощной мотивации, постоянно побуждающей собаку к выполнению той или иной работы. Однако и этим методом собаку можно дрессировать эффективно, так как, несмотря на то что собака сыта, у неё сохраняется потребность в каком-нибудь лакомстве (например, копчёной колбасе, сыре, печенье и т.д.). Однако использование этого метода дрессировки ограничено и может быть эффективным, когда собака видит, обоняет или каким-либо другим способом непосредственно ощущает лакомство;

г) подражательный метод дрессировки, или формирование подражательного поведения

у одной особи по отношению к поведению, демонстрируемой другой особью (другими особями, группой особей);

д) игровой метод дрессировки, или формирование того или иного игрового поведения собаки с целью использования его при обучении желательному навыку;

е) методы развития злобы, или формирование у собаки оборонительного поведения, в той или иной форме агрессии (либо базирующейся на самообороне собаки, либо агрессии, сопровождающейся активным нападением, сформированной на базе различных конфликтных ситуаций);

ж) контрастный метод дрессировки, или последовательное применение отрицательных подкрепляющих воздействий (вызывающих мотивацию пассивного избегания) вплоть до выполнения навыка, а в момент его выполнения или сразу после выполнения — положительных подкреплений воздействия (пища, лакомство, игра и т.д.).

III.4. Ещё раз о подкреплении

Так как в процессе обучения собаки, при формировании того или иного навыка животное достигает не только результата, удовлетворяющего его метаболическую или социальную потребность, но и эмоционально-подкрепляющего результата, перечисленные воздействия на потребностно-мотивационную сферу деятельности собак необходимо также рассматривать как положительные или отрицательные подкрепляющие воздействия. Описание основных правил применения положительных и отрицательных подкрепляющих воздействий при обучении и дрессировке собак и дальнейшем значительно упростит понимание закономерностей, лежащих в их основе.

Положительные подкрепляющие воздействия — это воздействия на собаку, совпадение по времени с каким-либо её действием и вызывающие у неё при этом положительные эмоции. То есть такие воздействия, которые увеличивают вероятность появления того или иного поведения и являются теми самыми результатами, которых достигает собака в процессе реализации поведенческого навыка. В качестве положительных подкрепляющих воздействий можно использовать пищу, лакомство, ласку, игру и другие формы позитивных воздействий.

Отрицательные подкрепляющие воздействия — это воздействия на собаку, совпадающие по времени с каким-либо её действием и вызывающие у неё отрицательные эмоции. Отрицательные воздействия призваны сформировать у собаки желание избежать повторного совершения этого действия (мотивацию активного избегания или агрессии). В качестве отрицательных воздействий можно использовать рывки поводком (различной степени силы) и любые другие неприятные для собаки воздействия, например голос в угрожающих интонациях.

Наказание, в отличие от отрицательных подкрепляющих воздействий, производится уже после совершения нежелательного поведения (то есть когда собака уже достигла какого-то результата, нежелательного для дрессировщика, например, подобрала и съела лежащий на земле корм или подралась с другой собакой и поэтому воздействует на собаку менее эффективно.

Основные правила применения положительных и отрицательных подкрепляющих воздействий.

1. Воздействия должны производиться в момент совершения действия или сразу после него, иначе их применение малоэффективно. Это объясняется тем, что помимо приятных или неприятных ощущений положительные или отрицательные подкрепляющие воздействия несут собаке ещё и информацию о том, что именно в её поведении нравится дрессировщику, а что нет. Поэтому запаздывающие подкрепляющие воздействия — наигрубейшая ошибка дрессировщика.

2. Отрицательные подкрепления воздействия должны сразу же прекращаться, как только прекратилось нежелательное действие собаки, чтобы собака могла активно избежать

неприятного для неё воздействия и достигнуть при этом приспособительного результата. Отрицательные воздействия нужно строго дозировать (силу и длительность); при отработке приёмов общего послушания они не должны вызывать у собаки ни страха, ни агрессии.

3. Размеры кусочков пищи, используемых в качестве положительных подкрепляющих воздействий, варьируют в зависимости от размеров собаки, но общим правилом при этом является максимально возможное уменьшение разовой порции. За особо трудную для собаки работу размеры подкрепления значительно увеличивают (под трудной работой понимается навык, выполнение которого для собаки представляет значительную трудность, например прыжки через «глухой» барьер).

4. Режим применения подкрепляющих воздействий в процессе обучения должен изменяться. В начале формирования навыка — стопроцентный режим воздействий, а затем вероятностный (то есть когда на собаку воздействуют не каждый раз, а в случайном порядке). Например, когда собака начинает получать пищу или игру во время дрессировки в случайном порядке, её заинтересованность в выполнении навыка резко возрастает, а у дрессировщика при этом появляется возможность отбирать желаемые формы поведения.

5. При работе с собакой не всегда целесообразно или возможно в нужный момент воздействовать на собаку (например, при отработке «выдержки» у собаки, при выполнении навыка «охрана вещи» или «задержание преступника»), однако делать это очень важно, чтобы объяснить собаке, что она делает правильно, а что нет. В таких случаях применяют «условные» подкрепляющие воздействия: положительные или отрицательные. Положительные «условные» подкрепляющие воздействия не всегда означают дачу корма, лакомства, хотя зачастую им сопутствуют, а являются сигналом для собаки: «Делаешь правильно, делаешь верно, делаешь то, что нужно». Обычно для этих целей используют слова: «Хорошо», «Браво», «Умница» и т.д. Отрицательные «условные» подкрепляющие воздействия используют при невозможности применить непосредственно отрицательные воздействия — это команды: «Нельзя», «Тубо», «Фу» и т.д.

В процессе реальной дрессировки собаки обычно используются все вышеописанные методы обучения и дрессировки (в зависимости от поставленной задачи) с учётом правил применения положительных и отрицательных подкрепляющих воздействий. Однако для более полного понимания закономерностей, лежащих в основе дрессировочного процесса, необходимо детально рассмотреть основные принципы и этапы формирования поведенческого навыка.

III.5. Общие принципы и этапы формирования навыков

Несмотря на бытующее мнение, что формирование навыка представляет собой простой, «одноступенчатый» процесс, практика дрессировки подсказывает нам, что это далеко не так. На самом деле процесс формирования любого, даже самого элементарного навыка представляет собой совокупность сменяющих друг друга этапов. Игнорирование в процессе дрессировки этого положения в целом, так же как и пропуск одного из этапов, ведёт к грубым ошибкам. Нам кажется целесообразным выделить следующие этапы (каждый из которых в свою очередь делиться на более мелкие подэтапы):

первый этап — взаимные объяснения;

второй — автоматизация навыка;

третий — полная автоматизация.

Ниже, описывая принципы формирования навыка, мы попытаемся обосновать целесообразность такого подразделения.

Первый этап включает следующие подэтапы.

1. Направленно обеднение дрессировочной обстановки.

Занятия следует проводить дома или в безлюдных местах, с тем чтобы ограничить вероятность появления конкурирующих с базой мотивации: игровой, половой, оборонительной и т.д. Если не соблюдать это правило, то процесс обучения сильно

затрудняется — собака теряет интерес к работе, возможны и нервно-психологические перегрузки.

2. Выбор и формирование базовой доминирующей мотивации.

Выбор мотивации, на базе которой будет строиться обучение собаки, зависит от характера и сложности формируемого навыка, а также от стиля работы и опыта дрессировщика. Мы рекомендуем на этом этапе обучения использовать в качестве основных пищевую мотивацию и мотивацию избирательного аппетита, а также различные формы игровой мотивации (имеется в виду общий курс дрессировки). Данные рекомендации обусловлены тем, что именно в рамках реализации указанных мотиваций мы наблюдаем со стороны собаки максимальную заинтересованность в выполнении приёма, что в свою очередь повышает устойчивость диады «собака-дрессировщик» и улучшает положительный эмоциональный контакт между её членами. Другими словами, чтобы достигнуть желаемого подкрепления, собака очень старается понять дрессировщика и выполнить те требования, которые он к ней предъявляет. Таким образом, выбор адекватно поставленной задачи мотивации и создание у собаки устойчивого мотивационного состояния, на основе которого будет формироваться навык, является на первом этапе обучения первоначальной задачей дрессировщика.

3. Собственно взаимные объяснения.

Взаимные объяснения между дрессировщиком и собакой будут эффективны лишь в том случае, если дрессировщик чётко формирует перед собакой поставленную задачу и ясно представляет себе тот результат, которого добивается. Любые воздействия на собаку с помощью поводка, рук, лакомства, интонаций, слов, команд и т.д. должны производиться осмысленно и целенаправленно. Перечисленные воздействия на собаку со стороны дрессировщика и ответные действия собаки и её поведение в целом выполняют функцию передачи необходимой информации. Совокупность этих взаимодействий обеспечивает, таким образом, создание между ними своеобразного, но вполне определённого «языка». «Язык» между членами диады «человек-собака» создаётся в результате их «общения» ещё на стадии знакомства (контакта). В дальнейшем, в процессе дрессировки, он обогащается, так как при формировании практически любого нового навыка вводятся новые элементы «языка». В конечном итоге, «язык», существующий между дрессировщиком и собакой, позволяет им хорошо, часто с полуслова, понимать друг друга, сохранять взаимопонимание и взаимный интерес, что в свою очередь обуславливается тем, что каждая из сторон имеет возможность достигать своего программируемого результата.

4. Определение границ формирования навыка.

Дрессировщик должен иметь чёткое представление о том, что он подкрепляет, а собака — не менее чёткое представление о том, какое её поведение желательно для дрессировщика. В процессе взаимодействия двух функциональных систем дрессировщика и собаки должен всегда достигаться общий результат их деятельности, то есть поддерживаться взаимная заинтересованность на максимально высоком уровне. Иными словами, дрессировщика очень важно точно представить границы формируемого навыка и объяснить их собаке. Собака должна знать — её правильные действия подкрепляются положительными воздействиями, неправильные — не подкрепляются вообще или подкрепляются отрицательными воздействиями, то есть усвоить границы между «черным» (ошибочным) и «белым» (правильным).

5. Введение санкционирующей команды, разрешающей выполнение навыка.

Для того чтобы собака выполняла навыки, которым её обучили своевременно, используются санкционирующие команды: «Сидеть», «Лежать», «Ко мне», «Стоять», «Рядом» и т.д. Санкционирующая команда подаётся всегда перед началом воздействий дрессировщика, направляющих собаку на выполнение навыка. В дальнейшем, на стадии автоматизации навыка, санкционирующая команда приобретает значение стимула, запускающего поведение.

6. Введение санкционирующей команды, отменяющей выполняемый навык.

На всех этапах дрессировки выполнение навыка должно всегда отменяться дрессировщиком либо командой «Гуляй» (в это время собака не выполняет никакой команды, а просто отдыхает на поводке или без поводка), либо другой командой. Например: команду «Сидеть» можно отменить либо командой «Гуляй». Либо командами: «Стоять», «Лежать», «Рядом», «Фас» и т.д. Произвольного «ухода» собаки с выполнения навыка без команды дрессировщика допускать нельзя.

7. Дрессировочный контроль.

Дрессировка собаки на всех этапах формирования навыка, вплоть до полной его автоматизации, должна осуществляться под постоянным контролем технических средств (поводка, длинной верёвки, радиоуправляемого электроошейника и т.п.), с помощью которых дрессировщик может всегда осуществлять коррекцию поведения, и именно в тот момент, когда в этом есть необходимость.

8. Условные подкрепляющие воздействия: «Хорошо» и «Фу».

В зависимости от характера формируемого навыка применяют положительные или отрицательные условные подкрепляющие воздействия или же те и другие. Условные воздействия служат для того, чтобы своевременно и быстро объяснить собаке, что она делает правильно, а что неверно, то есть что в её действиях является желательным, для дрессировщика, а что нет. Условные подкрепляющие воздействия применяются практически на всех стадиях формирования навыка.

9. Режим подкреплений.

На первом этапе формирования навыка применяют стопроцентный режим подкреплений. То есть каждое правильное действие собаки всегда подкрепляется кусочком пищи (или игрой).

10. Введение элементов контрастного метода дрессировки.

На первом этапе наряду с мотивацией (пищевой или игровой), в случае нежелательных действий со стороны собаки, следует формировать слабую форму мотивации активного избегания неприятных воздействий со стороны дрессировщика. С этой целью вводятся направляющие и объясняющие, сравнительно слабые отрицательные воздействия: рывки поводком, нажатия и подталкивания руками, угрожающие интонации и др. При этом обязательным является соблюдение следующего правила: сразу после применения отрицательного воздействия (в том случае, если животное исправило свою ошибку) должно следовать положительное как в виде пищи, так и виде ласки. Это необходимо для снятия у собаки отрицательного эмоционального состояния. Применение контрастного метода дрессировки на этом этапе позволяет дрессировщику более чётко очертить границы формируемого навыка, оттенить контраст между «черным» и «белым».

11. Режим формирования навыка.

Короткие периоды интенсивной работы с собакой обязательно должны чередоваться с не менее интенсивными короткими периодами отдыха, что позволяет сохранить у собаки длительную заинтересованность в работе, постоянную готовность к выполнению навыка, а также предотвратит нервно-психические нагрузки.

Второй этап состоит из следующих подэтапов.

1. Автоматизация навыка.

а) Направленное обеднение дрессировочной обстановки.

Как и на первом этапе («взаимные объяснения»), обучение собаки должно проходить в безлюдных местах, в отсутствии других собак. Автоматизация навыка достигается многократным повторением навыка под «жёстким» контролем технических средств с использованием вероятностной системы подкрепления. Необходимым условием достижения автоматизации навыка является применение «контрастного» метода дрессировки (чередование положительных и отрицательных подкрепляющих воздействий). Данный метод, на наш взгляд, противопоказан при обучении собаки навыкам апортировки, выборке вещей и др. и, наоборот, рекомендуется при отработке команд общего послушания:

«Сидеть», «Лежать», «Стоять», «Рядом», «Ко мне» и т.д.

По мере автоматизации частота и вероятность положительных подкрепляющих воздействий (например, дача пищи) за выполнение навыка снижается, а степень отрицательных (в случае нечёткого выполнения навыка) возрастает. Все воздействия направлены на то, чтобы добиться чёткого и быстрого выполнения навыка. Воздействия как направляющие, так и корректирующие производятся очень быстро и стереотипно.

б) Повышение требований к точности выполнения навыка.

На втором этапе обучения повышается требовательность со стороны дрессировщика к чистоте и точности выполнения навыка. Так, например, если на первом этапе обучения собака после команды «Ко мне» может подходить к дрессировщику с разной скоростью, порой отвлекаясь на обстановочные стимулы (собак, людей, различные шумы), то на втором этапе обучения от собаки нужно добиться, чтобы подходы совершались только бегом и без отвлечений на посторонние раздражители.

в) Усиление степени отрицательных подкрепляющих воздействий.

В качестве отрицательных подкрепляющих воздействий в основном используют рывки поводком различной степени силы.

Постепенно увеличение степени отрицательных воздействий в случае нежелательных действий собаки позволяет усилить мотивацию активного избегания воздействий дрессировщика, то есть создать мотивацию более конкурентоспособную, по сравнению с пищевой или игровой. То есть на этом этапе начинается постепенная замена исходной базовой мотивации (пищевой или игровой) на оборонительную (мотивацию активного избегания). При использовании отрицательных воздействий (особенно при их усилении) обязательным является соблюдение следующего правила: сразу после применения к собаке отрицательных воздействий (в том случае, если животное исправило свою ошибку) должно следовать положительное воздействие как в виде пищи (игры), так и в виде ласки. Это снимет у животного отрицательное эмоциональное состояние и оттенит контраст между «черным» и «белым» (то есть правильным и ошибочным).

г) Увеличение интенсивности работы дрессировщика.

Все воздействия на собаку — направляющие, корректирующие, положительные и отрицательные, а также условные — производятся дрессировщиком сразу после поданной команды, очень быстро и максимально стереотипно. Производя указанные воздействия, дрессировщик добивается выполнения навыка сразу после первой команды.

д) Режим положительных подкрепляющих воздействий.

На этом этапе постепенно вводится вероятностный режим подкрепления (75-80 процентов). Применение такой схемы, в условиях которой собака не знает точно, когда она получит подкрепление (но знает точно, что получит), позволяет повысить её заинтересованность в работе (например, сформировать желание заработать кусочек корма), уточнять и видоизменять границы формируемого навыка, поскольку появляется возможность направленно отбирать и подкреплять желаемые элементы поведения собаки.

2. Автоматизация навыка в условиях обогащения дрессировочной обстановки.

а) На этом этапе окончательно определяются границы формируемого навыка.

б) Повышается требовательность к выполнению навыка скорости и точности его исполнения (в зависимости от обстоятельств, в том случае, если собака с большими нервно-психическими затратами справляется с работой в этих условиях, то дрессировщик должен сделать как бы шаг назад, снизив при этом предъявляемые к собаке требования).

в) Режим отрицательных подкрепляющих воздействий. Постепенное усиление степени отрицательных подкрепляющих воздействий приводит к усилению мотивации избегания неприятных воздействий со стороны дрессировщика. Суммарное количество отрицательных воздействий одновременно с их усилением снижается. То есть на этой стадии контраст между отрицательными и положительными воздействиями достигает максимума. Однако, несмотря на это, дрессировщик, умело чередуя положительные и отрицательные воздействия, должен добиться, чтобы общий эмоциональный фон у собаки в процессе

работы оставался положительным.

г) Режим положительных подкрепляющих воздействий.

Применяется 50-60 процентный вероятностный режим подкреплений (обязательным является применение положительных воздействий сразу после отрицательных). Такая схема приводит к усилению пищевой мотивации и желанию заработать вознаграждение.

д) Сохранение интенсивности работы дрессировщика.

Дрессировщик должен поддерживать высокую интенсивность работы во время дрессировки и при этом добиваться выполнения собакой навыка сразу после первой команды.

3. Заключительный этап автоматизации навыка.

Занятия проводятся в местах, где много отвлекающих факторов.

а) Режим положительных подкрепляющих воздействий.

На этом этапе производят постепенное уменьшение вероятности получения подкреплений от 50 процентов до нуля.

б) Режим отрицательных подкрепляющих воздействий.

Отрицательные воздействия в случае отказа собаки от выполнения навыка применяются в 100 процентах случаев невыполнения и при этом достигают значительной силы. Постепенное усиление степени отрицательных воздействий позволяет осуществить плавный перевод сформированного навыка на базу мотиваций активного избегания неприятных воздействий со стороны дрессировщика и при этом сохранить общий положительный эмоциональный фон у собаки.

в) Постепенное уменьшение количества применения условных положительных подкрепляющих воздействий.

г) Постепенное увеличение количества и длительности выполнений навыков, с обязательным чередованием периодов работы и отдыха.

Третий этап — полная автоматизация навыка.

Критерием автоматизации навыка является быстрое, точное и стереотипное выполнение его сразу после первой команды дрессировщика (независимо от окружающей обстановки).

На этапе окончательной автоматизации навыка значение команды (санкционирующего стимула) резко возрастает и начинает играть решающую роль в управлении поведением собаки. Это, по-видимому, происходит за счёт обеднений функциональной системы, обеспечивающей навык. Обеднение функциональной системы связано с окончательным выбором собакой наиболее эффективной программы поведения, что обусловлено правильными, последовательными, стереотипными и прежде всего целенаправленными воздействиями на собаку со стороны дрессировщика. Другими словами, на стадии окончательной автоматизации навыка из структуры функциональной системы навыка, на начальном этапе его реализации, практически выпадает стадия принятия решения (стадия выработки оптимальной программы поведения). На этом этапе обучения у собаки полностью отпадает необходимость в принятии какого то ни было решения, так как лишь одна из программ поведения в процессе дрессировки всегда оказывалась высокоэффективной (то есть приводила к достижению цели и результата), а все остальные оказывались крайне неэффективными (так как либо вообще не подкреплялись дрессировщиком, либо подкреплялись отрицательными воздействиями).

Автоматизация навыка достигается следующими методическими приёмами.

а) Вероятностная схема положительных подкрепляющих воздействий с постепенным снижением их относительного количества от этапа к этапу формирования навыка.

б) Постепенная замена базовых подкреплений (на основе которых формировался навык, например пищевых) на не основные положительные подкрепляющие воздействия (различные варианты ласки, игры и т.п.) и на условные положительные воздействия (типа

«Хорошо»).

в) Применение «контрастного» метода дрессировки (своевременного чередования отрицательных подкрепляющих воздействий с положительными), основной целью которого является создание помимо основной мотивации, на базе которой изначально формируется навык (пищевой или игровой), дополнительной мотивации активного избегания неприятных воздействий со стороны дрессировщика. Суть метода заключается в том, что в определённый момент времени за счёт целенаправленных воздействий со стороны дрессировщика мотивация избегания становится доминирующей, после чего её вновь сменяет базовая.

г) Введение постепенного и последовательного усиления отрицательных подкрепляющих воздействий со стороны дрессировщика при одновременном уменьшении их количества. Этот методический приём приводит к возрастанию контраста между положительными и отрицательными подкрепляющими воздействиями и практически к изменению взаимоотношений между дрессировщиком и собакой. При этом мотивация активного избегания собакой неприятных воздействий со стороны дрессировщика приобретает яркую социальную окраску и фактически трансформируется в поведение подчинения дрессировщику как вожаку (если она раньше не воспринимала дрессировщика как вожака) с появлением характерных поз подчинения. Это приводит также к тому, что происходит уточнение границ ролевых функций собаки в рамках отрабатываемого навыка и по отношению к дрессировщику.

д) Поэтапное увеличение требовательности к чистоте и точности исполняемого навыка (то есть соблюдение этапных границ его выполнения).

Это приводит к тому, что коренным образом перестраиваются отношения в диаде «человек-собака». В начале процесса формирования навыка устойчивость, основанная на взаимной заинтересованности друг в друге, была обусловлена со стороны собаки желанием в пище или игре, а со стороны дрессировщика заинтересованность в выполнении собакой определённого навыка.

Приведённая выше схема дрессировки коренным образом меняет эти отношения, у собаки и дрессировщика появляется взаимный интерес к «правильной» работе. Это объясняется тем, что в их отношениях совместной деятельностью посредством доставления друг другу положительных эмоций, которые в дальнейшем в значительной степени определяют устойчивость диады «дрессировщик-собака».

Таким образом, на данном этапе дрессировки для собаки, по-видимому, основным результатом, на который направлено её поведение, становится позитивно-эмоциональный результат, получаемый через социальный контакт с дрессировщиком на уровне эмоционального общения с ним. Другим, по-видимому, не менее важным результатом для собаки является получение ею позитивно-эмоционального подкрепляющего результата за счёт постоянного соответствия сличаемых программ — реализуемой и программируемой, — и, вследствие этого, само по себе безошибочное выполнение действия (навыка) начинает выполнять функцию подкрепления. Говоря другими словами, правильное выполнение собакой отработанного навыка доставляет собаке такую же радость, как если бы она за него получила пищевое или игровое подкрепление со стороны дрессировщика.

Приведём пример с формированием простого навыка у собаки — посадки по команде «Сидеть».

Соблюдая принцип «обеднение среды», обучение собаки лучше всего начинать дома. Перед кормлением возьмём собаку на поводок и расположим её перед собой. Подавая команду «Сидеть», мы придерживаем собаку за поводок левой рукой, а правой подносим к носу животного зажатый в ладони кусочек пищи. Как только собака коснётся носом ладони с кусочком пищи и попытается достать его, ладонь медленно уводится за голову собаки, вверх-назад (по касательной к голове). Собака тянется за лакомством, задирает голову вверх, и, если ей немного помочь — придержать за поводок или легко надавить на круп, — то собака сядет. Сразу после посадки собака получит порцию пищи, «условное подкрепление» — «Хорошо» и ласку. Несколько таких повторений, и собака будет садиться уже после

команды «Сидеть». Однако нам необходимо, чтобы собака по команде не только садилась, но и оставалась в этом положении некоторое время. Поэтому определяем для себя, что подкреплять пищей мы будем не только посадку собаки после команды «Сидеть», но и выдержку её в этом положении вплоть до отменяющей выполнение приёма команды «Гуляй» (или какой-либо другой команды, например «Рядом»). Итак, границами навыка на данном этапе у нас будет посадка собаки сразу после команды «Сидеть» (желательно одной) и выдержка её в таком положении вплоть до отмены команды.

Теперь нашей главной задачей будет понятно объяснить собаке свои требования. Для этого, как только собака после команды «Сидеть» примет соответствующее положение, мы сразу дадим ей кусочек пищи и будем многократно повторять: «Хорошо», «Хорошо» и т.д., что означает в нашем с собакой «языке»: «Делаешь правильно». Если собака сохраняет нужное положение, то мы подкрепляем её действия — в данном случае выдержку — кусочком пищи и условным подкреплением «Хорошо». Если вдруг собака попытается встать без разрешения, то мы тут же дадим команду «Сидеть», а если она не сядет сама, усадим её с помощью поводка насильно. Как только собака примет прежнее положение, вновь последует условное подкрепление — «Хорошо» (делаешь правильно), но реального подкрепления (кусочка пищи) сразу после этого не последует. Реальное подкрепление собака получит лишь после некоторой выдержки в положении «сидеть». Так постепенно, но достаточно быстро мы сможем объяснить собаке, что она должна садиться по команде «Сидеть», так как за это получает кусочек пищи (положительное подкрепляющее воздействие), и находится некоторое время в этом положении (за что она тоже получает подкрепление — пищу), и что вставать ей без разрешающей команды нельзя, так как за это её ругают (условное отрицательное подкрепляющее воздействие) и, воздействуя поводком, опять сажают на место (отрицательное подкрепляющее воздействие), да при этом пищу не дают.

Вот таким или примерно таким образом происходит формирование навыка, в процессе которого создаются новые элементы «языка» общения между дрессировщиком и собакой, определяются границы навыка, вводятся команды, санкционирующие выполнение и отмену приёма, используются элементы контрастного метода дрессировки. При этом следует напомнить, что вся проделанная работа, которую мы здесь описали, проводится исключительно на поводке (то есть под постоянным контролем технических средств).

Итак, мы завершили этап взаимных объяснений, на котором у собаки был сформирован и в достаточной степени закреплён навык посадки после команды «Сидеть». Однако если мы посчитаем, что навык уже отработан и подготовленную таким образом собаку поместим в незнакомую обстановку, насыщенную отвлекающими факторами, и попытаемся посадить её по команде, по-видимому, это у нас не получится. Собака вместо посадки после команды «Сидеть», скорее всего, будет демонстрировать ярко выраженную ориентировочно-исследовательскую активность, которая затем может перейти либо в игровое, либо в оборонительное поведение.

Чтобы избежать подобных сбоев, на следующем этапе — «автоматизация навыка», — продолжая работу в условиях обеднённой обстановки, постепенно с помощью воздействий поводка мы вводим более жёсткий контроль за соблюдением собакой грани сформированного навыка. Например, если на этапе «взаимных объяснений» собака соблюдала все наши требования лишь тогда, когда она находилась вблизи от нас, то на этом этапе мы добиваемся от неё устойчивой посадки независимо от нашего месторасположения. При этом значительно возрастает темп работы (команду «Сидеть» подаём своевременно, а следующие за ней направляющие и подкрепляющие воздействия производим очень быстро) и, кроме того, максимально стереотипизируются производимые нами действия. То есть, быстро перемещаясь по дрессировочной площадке, мы сразу же подбегаем к собаке в том случае, если она изменяет положение тела (например, встаёт, заваливает набок передние ноги и т.д.), и незамедлительно поправляем её, воздействуя поводком. В том же случае, если собака сразу выполняет команду, практически мгновенно подкрепляем её правильные

действия, применяя условное подкрепляющее воздействие «Хорошо», кусочки пищи и ласку, после чего сразу же отходим от собаки. Все наши действия должны быть максимально однообразны.

Следующей нашей задачей является постепенный перевод собаки со стопроцентного режима положительных подкрепляющих воздействий на вероятностный. Для этого мы будем подкреплять пищей не каждую правильную посадку собаки, а в случайном порядке. При этом собака не должна знать, когда она получит пищу, выполнив требуемую работу (навык), а когда — нет. Это побуждает её вновь и вновь повторять выполнение навыка посадки. Так же постепенно мы уменьшаем количество отрицательных воздействий на собаку (с помощью поводка) в случае нарушений ею границ выполнения навыка (изменение позы, уход с места и т.д.) или явного нежелания его выполнять, но степень этих воздействий плавно увеличиваем.

После того как мы добились от собаки чёткого (сразу после команды) выполнения навыка в условиях обеднённой дрессировочной обстановки, можно переходить к работе с ней в усложнённых условиях: в присутствии других собак, посторонних людей, шумов и т.д. Делать это следует постепенно, по элементам. Так, например, сначала мы попробуем воспроизвести навык посадки собаки где-нибудь в углу тихого сквера (на тихой улице), затем в более людном месте, потом в месте для выгула собак (в их отсутствие), в присутствии одной посторонней собаки, относящейся к нашей собаке индифферентно, и т.д. Вне зависимости от сложности условий обстановки, в которой проходит дрессировка, мы должны всегда добиваться от собаки быстрого и чёткого выполнения навыка посадки сразу после первой команды. Однако в зависимости от характера этих условий степень усложнения границ выполняемого навыка (длительность выдержки в положении сидя, дальность ухода от собаки и т.д.), а также суммарное время работы с собакой, затрачиваемое на отработку навыка посадки, необходимо строго регламентировать. Так как в зависимости от характера условий, в которых проходит дрессировка, собака получает большую или меньшую нервно-психическую нагрузку, а работоспособность нервной системы не беспределельна, то нагрузку необходимо ограничивать. Собака всегда, вне зависимости от внешних условий, чётко и быстро должна выполнять навык посадки сразу после первой поданной нами команды, без применения как положительных (пищевых), так и отрицательных подкрепляющих воздействий. Только после этого снимается поводок и с собакой продолжают работать без поводка. Постепенно условное положительное подкрепляющее воздействие «Хорошо» применяется все реже и реже, а затем заменяется просто молчание дрессировщика.

III.6. Стадии дрессировочного процесса.

Подобно тому как процесс формирования любого навыка имеет свои этапы, так и весь дрессировочный процесс в целом можно разбить на определённые стадии и этапы.

Каждая стадия выражает некие объективные характеристики, отражающие некоторые «социальные» отношения между дрессировщиком и собакой. Естественно, что они как внутри каждой стадии, так и в течение всего дрессировочного процесса претерпевают некоторую эволюцию, и теоретически окончание дрессировочного процесса подразумевает стабилизацию этих отношений. На практике получается не совсем так. Таким образом, основным объектом нашего внимания будут стадии дрессировочного процесса, рассматриваемые под углом зрения взаимоотношений дрессировщика и собаки.

Следует помнить, что на любой стадии дрессировки процесс обучения обязательно включает в себя три главных этапа:

1. Начальное обучение.
 2. Обучение с использованием вероятностного режима в условиях различных дрессировочных ситуаций.
 3. Автоматизация навыка.
- Итак, рассмотрим стадии дрессировочного процесса.

Стадия 1. Адаптация

Фаза 1. Установление контакта. Дрессировки животного следует начинать с установления контакта между дрессировщиком и собакой, то есть тех взаимоотношений, когда владелец и собака могут с той или иной вероятностью прогнозировать действия друг друга. На практике этот период дрессировки может занимать различные по длительности отрезки времени и практически совпадать с собственно адаптацией — второй фазой стадии дрессировочного процесса.

Для того чтобы добиться с собакой «взаимопонимания», дрессировщик должен использовать определённые приёмы, воздействующие на потребностно-эмоциональную сферу животного. На этом этапе владелец должен много играть с собакой, положительно подкрепляя желательные ему формы поведения и отрицательно — нежелательные (скажем, попытки агрессии). Этот метод довольно ярко описан известной дрессировщицей и учёным К. Прайор в книге «Не рычите на собаку». В целях возможно более сильной ориентации собаки на владельца следует использовать пищевую мотивацию, то есть работать с сильно голодной собакой, подкрепляя желательные для дрессировщика действия кусочками пищи. Наиболее эффективно занятия на этой стадии проходят в процессе прогулок владельца с собакой, когда игра, отдых и работа представляют собой единый процесс.

Таким образом, при использовании дрессировщиком такого подхода, при котором он является «распределителем благ», животное постоянно держит дрессировщика в центре своего внимания, быстро различает действия, вызывающие ваше одобрение и неодобрение. Если вы будете последовательны, а ваши действия адекватны, то собака будет демонстрировать нежелательные формы поведения все реже и реже. Попросту говоря, используя в дрессировке на стадии налаживания «контакта» с животным политику «кнута и пряника» (контрастного метода дрессировки), вы помогаете собаке научиться прогнозировать (до определённой степени) ваше поведение и соответственно строить своё.

Фаза 2. Собственно адаптация. Как уже говорилось выше, на практике, особенно в процессе работы с крупными и агрессивными собаками, первая и вторая фазы адаптации практически совпадают. Однако если рассматривать эту стадию в «чистом» виде, то главной задачей второй фазы и всей стадии адаптации в целом следует рассматривать стабилизацию ролевых взаимоотношений владельца, членов его семьи и собаки, то есть формирование социальной ниши собаки в семье владельцев.

По существу, эта стадия обеспечивает создание нормальных предпосылок для взаимовыгодного и стабильного сосуществования владельца и собаки.

Основным средством установления «рамки» поведения собаки является также контрастный метод дрессировки, но с преобладанием «пряника», а не «кнута» (то есть когда основная дрессировочная работа выполняется с использованием сильной пищевой мотивации). Задача дрессировщика на этом этапе состоит в том, чтобы с помощью формирования у собаки нескольких основных навыков общего послушания полностью перестроить свои взаимоотношения с собакой, определив ей соответствующее место в социальном пространстве семьи. В круге обязательных (для этой стадии дрессировки) следует отметить следующие приёмы (навыки): подход к дрессировщику по команде «Ко мне», нахождение у ноги дрессировщика по команде «Рядом», чёткое выполнение команд «Сидеть», «Лежать» с достаточной выдержкой собаки в этом положении, уход и нахождение собаки на обозначенном дрессировщиком месте по команде «Место» в обеднённых средовых условиях (дома у владельца). Естественно, что полностью сформированным любой из этих навыков может считаться лишь при полной автоматизации его реализации.

На этой стадии дрессировщиком вводятся условные отрицательные подкрепляющие воздействия («Фу», «Нельзя» и т.п.) — сигналы, прекращающие любую нежелательную деятельность собаки. На этом этапе обучение и дрессировки у владельца и собаки должен

окончательно сформироваться «язык» (зачатки которого появляются ещё на стадии «контакта»). В дальнейшем «язык» будет лишь развиваться и обогащаться при обучении собаки новым навыкам.

Со стороны владельца «язык» характеризуется рядом приказов, которые санкционируют запуск тех или иных языков и их отмену по акустическому (с помощью голоса) и зрительному (с помощью жестов) каналам, а также набором различных слов, жестов и интонаций, демонстрируемых владельцем в процессе общения с собакой, которые отражают прежде всего его эмоциональное состояние (в том числе условные подкрепляющие воздействия). Со стороны собаки это «язык» в идеальном случае (когда дрессировщик обращает внимание на весь поведенческий репертуар собаки, демонстрируемых ею в самых различных ситуациях, — общение с владельцем, собаками на улице, членами семьи владельца и т.д.) — совокупность всех форм и элементов поведения, а также акустических сигналов, производимых собакой в процессе её жизнедеятельности. В худшем случае «язык» собаки (с точки зрения дрессировщика) включает в себя лишь те элементы и формы поведения, а также акустические сигналы, которые демонстрируются животным в процессе общения с дрессировщиком.

На этой стадии дрессировочного процесса, кроме установления чётких границ выполнения навыка и его автоматизации, дрессировщик должен стремиться максимально расширить сферу ситуаций, в которых собака должна ориентировать своё поведение на него. То есть необходимо заранее продумать и спрогнозировать ситуации, в которых выполнение навыка (или навыков) для собаки затруднено и в которых животное может выйти из-под контроля. После определённого набора и «обкатки» взаимодействий дрессировщика и собаки в условиях различной дрессировочной обстановки животное начинает «согласовывать» своё поведение с поведением дрессировщика на необходимом уровне. То есть собака начинает признавать дрессировщика «лидером», поведение которого определяет поведение «ведомого» (собаки). Это не означает автоматизацию поведения собаки до уровня «живого робота», а лишь знаменует собой окончательный «раздел» социального пространства в группе «человек-собака» на социальные ниши.

Разумеется, что расширение сферы ситуаций, в которых выполняются базовые навыки, правомочно лишь после чёткого их обучения в условиях обеднённой среды. Кроме того, на этой стадии у ряда собак отмечается такой любопытный феномен, как увеличение «социализации» поведения. Она характеризуется стремлением собаки активно «согласовать» своё поведение с дрессировщиком, что выражается в таком всем знакомом поведении собаки, как ориентация на владельца в момент изменения направления движения при нахождении на незнакомой территории и т.д. Некоторые собаки в такие моменты буквально «заглядывают в глаза» своему владельцу. Другие, стараясь «угодить» дрессировщику, могут спонтанно (без команды) демонстрировать отработанные навыки, например по преодолению препятствий (барьеров, бумов, лестниц). Такое поведение, безусловно, означает признание собакой за владельцем лидерских позиций. В его основе лежит, по-видимому, потребность собаки в социальной поддержке и соответствующая ей специфическая мотивация, которая стимулирует и направляет «социальное» поведение в рамках диады «человек-собака». Конечным результатом поведения собаки является «одобрение» лидером соответствующего задачам формируемых навыков поведения. «Одобрение» может, вероятно, демонстрироваться лидером, по крайней мере, в двух видах: в виде «активного» одобрения и в нейтральном виде (то есть при сильной «социальной» мотивации отсутствие отрицательных подкрепляющих воздействий само по себе является подкреплением).

Стадия 2. Формирование сложных навыков

После того как взаимоотношения в диаде «человек-собака» установились, выработан «язык» общения между владельцем и животным, можно приступить к формированию сложных навыков (сказанное, однако, не запрещает попыток постепенного формирования

сложных навыков и на стадии адаптации). К ним можно отнести различные «цепи» поведенческих актов, то есть навыки, включающие в себя несколько более простых элементов — навыков. К таким сложным навыкам относятся апортировка, различные нормативные упражнения по преодолению препятствий (взятию барьера с последующим возвращением в положение «рядом» у ноги владельца), различные управления в рамках специальных служб (охрана вещи, выборка вещи, задержание «нарушителя» и т.д.).

С позиции «социальных» отношений эта стадия характеризуется стабилизацией, но не окончательной, ролевых функций собаки и окончательным установлением границ социальной ниши. Выработку навыка здесь существенно облегчает усилившаяся «социализация» собаки, которую можно трактовать и как желание животного угодить владельцу-лидеру.

При обучении собак специальным навыкам особое внимание требуется уделять контролю за выполнением навыков. Естественно, что после начального обучения, когда животное уже связало выполнение навыка с подачей сигнальной команды, необходимо ещё более точно очертить границы формируемого навыка, а затем автоматизировать его выполнение. На данном этапе, кроме разучивания новых сложных навыков, необходимо добиваться чёткого и быстрого выполнения по команде уже сформированных навыков (в любой ситуации и при любых обстоятельствах). Автоматизация базовых навыков спасли жизнь не одной собаке, когда владелец, подавая команду «Ко мне», буквально выдёргивал животное из-под колёс автомобиля, куда его приводила бешенная погоня за кошкой. Эффективно решать эту задачу дрессировщику позволяет использование контрастного метода дрессировки (за счёт регуляции смены у животного доминирующих мотиваций), а также сложившиеся «социальные» взаимоотношения между членами диады. В рамках второй стадии необходимо добиться автоматизации базовых навыков и успешно освоить обучение собаки сложным навыкам.

Стадия 3. Обучение специальным навыкам

Эта стадия дрессировки может следовать сразу после стадии адаптации, поскольку для формирования специальных навыков у собаки не является обязательным обучение её сложным навыкам. Хотя большинство специальных навыков вырабатывается после прохождения второй стадии обучения, зачастую специальные навыки также являются сложными навыками («цепи» поведенческих актов), как и формируемые на второй стадии.

В плане «социальных» отношений (в широком смысле) отличительной чертой стадии будет видоизменение в процессе обучения специальным службам (караульной, защитной, розыскной) ролевых функций животного. Однако взаимные позиции владельца и собаки (их социальные ниши и их границы) должны оставаться неизменными (то есть, несмотря на расширившиеся ролевые функции собаки, дрессировщик по-прежнему должен оставаться для неё безусловным лидером).

Обучение специальным службам представляет собой наиболее сложную стадию дрессировки, поскольку подразумевается расширение диапазона деятельности собаки и принятие в процессе «несения службы» самостоятельных решений.

Здесь владелец должен особое внимание обращать на поэтапное и постепенное формирование сложных навыков путём последовательной проработки навыков-элементов входящих в их состав. В качестве базовой можно использовать любую мотивацию, соответствующую задачам формирования навыка. В рамках защитной или караульной служб агрессия формируется на базе потребности в самосохранении или же тех или иных конкурентных взаимодействий между помощником (который изображает злоумышленника) и собакой за жизненно важный для собаки субъект или объект. При обучении собаки сложным навыкам (задержание нарушителя, охрана вещи и др.) следует использовать метод оперантного обучения, при этом первоначально отрицательные подкрепляющие воздействия по отношению к ней желательно не применять. Дрессировщик обязан создать такие условия

занятий, в рамках которых при обучении специальным навыкам животное всегда бы достигало прогнозируемого результата. Положительные подкрепляющие воздействия собака получает лишь тогда, когда демонстрирует то или иное поведение, желательное для дрессировщика (обычно в начале обучения это не весь сложный навык, а лишь часть его). Например, характер и сила «хватки» тряпки, которой помощник дразнит собаку, должны одновременно являться первоначальной границей формируемого навыка (целью дрессировки на начальном этапе), определяемой дрессировщиком в процессе планирования своих действий, и результатом деятельности собаки. Условия для реализации такой дрессировочной программы должны создаваться самим дрессировщиком, который должен сформировать у собаки адекватную задаче исходную биологическую или социальную потребность, удовлетворяя которую собака может достигнуть прогнозируемого результата, при этом в целом её эмоциональное состояние должно быть положительным. Как и на всех других стадиях, на стадии специальной дрессировки необходимо (и, может быть, важнее, чем на других стадиях) правильно сформировать границы выполнения навыка. Забвение этого правила ведёт к тому, что собака может выполнить отработанный навык без санкции владельца, например броситься на прохожего и покусать его.

Выделенные стадии дрессировочного процесса при кажущейся условности отражают реальное положение дел. Не миновав первой стадии (адаптации), невозможно грамотно выдрессировать собаку (если под дрессировкой понимать данное выше определение).

Таким образом, процесс дрессировки отличается от процесса научения животного в природе тем, что на разных стадиях дрессировщик сознательно и направленно формирует социальную нишу животного и его ролевые функции, в то время как в природе, в процессе научения, животное может формировать свои функции и социальную нишу не только под активным воздействием членов стаи, но и во многом сообразно своим возможностям и имеющимся «вакансиям» на ту или иную роль.

III.7. Основные правила

В процессе дрессировки требуется неукоснительно соблюдать основные правила, или так называемые правила трех «П»: **постоянство, постепенность, последовательность.**

1. Постоянство. Дрессировку животного следует строить по такой схеме, при которой её обучение происходило бы в процессе повседневного общения с дрессировщиком. Таким образом, не следует разграничивать периоды, когда собака дрессируется, от периодов отдыха. Это тем более важно, что послушание или применение специальных навыков требуются от собаки не в условиях дрессировочной площадки, а в повседневной жизни (разумеется, специальную дрессировку трудно вынести за рамки дрессировочной площадки, однако здесь постоянство достигается за счёт смены мест дрессировки, смены помощников и т.д.). Режим постоянства в условиях обучения собаки на стадии адаптации достигается тем, что весь цикл бодрствования собаки во время общения её с владельцем разбивается на более или менее продолжительные периоды дрессировки (прогулок, игр), чередующиеся между собой. При таком режиме собака не устаёт, её внимание фокусируется на дрессировщике и, таким образом, она всегда готова выполнить его команду. Помимо прочего, именно таким образом складываются ролевые отношения дрессировщика и собаки, достигается их постоянное взаимопонимание (контакт) без привязки этих отношений к одному месту — дрессировочной площадке. Поясняя эту мысль, заметим, что при распространённом в настоящее время режиме дрессировки, когда собака главным образом обучается раз в неделю в течение двух часов в одном месте, дрессировщик получает «на выходе» собаку, которая делает все, что ей положено, но только на дрессировочной площадке (если курс обучения прошёл успешно).

2. Постепенность. Данное правило касается режима занятий, вернее, той его части,

которая затрагивает выносливость животного к предъявляемым в процессе занятий нагрузкам (как физическим, так и нервно-психическим). В процессе дрессировки бывает сложно избежать физического и психического утомления животного. Здесь важно помнить, что собаку лучше недогрузить, чем перегрузить. Причём это правило касается не только одного занятия, когда применение первого «П» практически предотвращается нервно-психические перегрузки, но и целых циклов. Например, на стадии адаптации установление «социальных границ» следует производить постепенно, то есть не следует пытаться добиться от животного желаемого конечного результата сразу, воздействия него (особенно отрицательные подкрепляющие воздействия) следует усиливать постепенно.

В рамках обучения собаки по курсу защитной службы перегрузки встречаются часто и характеризуются неадекватными данной ситуации элементами поведения собаки, такими, как зевание, почёсывание, попытки поймать свой хвост, направленный на помощника лай и т.д. В этих случаях собаке необходимо срочно дать отдых — переключить на другую деятельность (игру с владельцем, прогулку или любую другую альтернативную активность).

3. Последовательность. Это правило включает в себя несколько положений.

Отработка навыков должна производиться с постепенным усложнением. Нельзя требовать от собаки выполнения навыка сразу, всегда и везде. Необходимо сначала добиться чёткого его выполнения в более простых условиях, после чего можно начинать его отработку в более сложных.

Начиная отработку навыка в более сложных условиях, следует строить обучение таким образом, как будто этот навык отрабатывается впервые. К. Прайор называла такой метод дрессировки «возвращение в детский сад». Иначе говоря, в усложнённых условиях необходимо пройти все те этапы обучения, которые проходили в более простых.

Дрессировку следует начинать с обучения более простым навыкам, а затем переходить к обучению более сложным.

Повышать требования к «чистоте» исполнения навыка следует понемногу, так, чтобы у собаки всегда была возможность «заработать» подкрепление. То есть подкреплять на первых этапах необходимо даже нечётко исполненный приём, и лишь постепенно ужесточать требования.

Необходимо разбивать сложные навыки типа «Апорт», «Место», «Охрана вещи», «Задержание нарушителя» на составляющие элементы и на первых этапах подкреплять выполнение каждого из этих элементов в отдельности. Нельзя сразу требовать от животного выполнения всего сложного навыка в целом. Отработав каждый из элементов, следует постепенно объединить их в единую «цепь поведенческих актов», причём построение «цепи» начинается, если можно так выразиться, от «конца к началу», то есть от «финальной: стадии навыка до „начальной“».

На начальных стадиях формирования навыка используйте стопроцентное подкрепление правильных действий собаки, постепенно переходя на вероятностный режим подкрепления, что значительно усиливает заинтересованность животного в конечном результате и существенно стабилизирует его работу.

Вводя новые требования к животному при исполнении какого-либо навыка, снизьте требования к не очень важным элементам этого навыка. Например, требуя от животного увеличения скорости возврата на место при выполнении соответствующей команды, не очень ругайте его за неточность и нечёткость «приземления». Постепенно ужесточая требования, добивайтесь чистоту исполнения навыка.

Если качество выполнения требуемого навыка не соответствует очерченным вами границами и дело застопорилось, повторите весь процесс обучения этому навыку, не минуя ни одного этапа. Так будет намного быстрее и лучше. Здесь также работает правило: «возвращение в детский сад».

Мы надеемся, что приведённые в этом разделе правила трех «П» и закономерности,

рассмотренные в других разделах главы, помогут вам и вашей собаке не только избежать нервно-психических перегрузок в процессе дрессировки, но и лучше понять друг друга, увидеть то, чего раньше, возможно, не замечали. К сожалению, ограниченный объём главы не позволил привести практические методы дрессировки (то есть дать рецепты, как формировать те или иные конкретные навыки у собаки), но в будущем мы надеемся восполнить этот пробел.

ГЛАВА IV

СОБАКА ГЛАЗАМИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Н. Н. Мешкова, Л.М. Фомина
СРЕДНИЙ ШНАУЦЕР: СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

История этой породы в нашей стране насчитывает не более десяти лет, если исключить эпизод, связанный с первой мировой войной, когда средние шнауцеры ненадолго попали в Россию вместе с немецкими частями. Сейчас поголовье их быстро растёт и одновременно ширится популярность этой, как выразился один из приверженцев шнауцеров, «породы века». Многие хотят завести такую собаку, разыскивают описания породы в книгах и выставочных каталогах, расспрашивают владельцев шнауцеров.

Мы содержим собак этой породы более семи лет, целенаправленно наблюдая за их поведением, привычками. За это время накопился довольно большой и интересный материал. Он поможет познакомить читателей со средними шнауцерами поближе, создать не только общее впечатление о породе, но и раскрыть характеры шнауцеров, особенности их взаимоотношений с человеком и сородичами, их «деловые» качества. Мы наблюдали в основном за родственной группой собак, «семейством, состоящим из матери (Дарви-Вирджиния, или Варвара), двух её дочерей (две Улли — московская и челябинская), двоих сыновей (Умберто и Ренальдо) и двоих внуков (Вилимо и Клода).

Характер среднего шнауцера, его поведенческие особенности невозможно понять, не зная истории породы, целей её разведения и использования шнауцеров прежде.

Средний шнауцер (миттельшнауцер), а чуть раньше его называли жесткошёрстным (грубошёрстным) пинчером, имеет, как предполагают, очень древнее происхождение. Так, С.Штудер, занимавшийся реконструкцией этапов развития ряда пород собак, считает, что шнауцер ведёт свою родословную непосредственно от торфяных собак, останки которых найдены в доисторических поселениях (IV-III тысячелетие до н.э.) на территории современной Швейцарии. Он обнаружил значительное сходство в строении черепа торфяной собаки и шнауцера.

Предки современных средних шнауцеров — небольшие, довольно невзрачные на вид собаки, с жёсткой шерстью грязно-серого, коричневатого или рыжевато-серого цвета, сложением напоминавшие пинчеров. Их изображения появляются на картинах и гравюрах, начиная с XV века. Здесь этих псов можно видеть рядом с лошадьми, дилижансами и почтальонами. Известные полотна А. Дюрера, датируемые 1492-1594 годами, соответствуют периоду, когда художник держал шнауцера. Другие шнауцеры изображены на полотнах Рембранта, на одной из шпалер Лукаса Кранаха Младшего (1501), на полотне английского художника Д. Рейнольдса (1723-1792). В Штутгарте на площади есть фонтан начала XVII века с фигурой

ночного сторожа в сопровождении собаки. Сторож держит в правой руке фонарь, в левой алебарду, а его спутник, несомненно, шнауцер.

В то время шнауцеры были простыми деревенскими псами, крепкими, выносливыми, не боящимися непогоды. Использовали их на редкость разнообразно. Они охраняли конюшни, причём с лошадьми жили в большой дружбе. Отсюда одно из старинных названий шнауцера — конюшенный пинчер. Применяли этих собак и для охраны гуртов скота. Странствующим по дорогам средневековой Европы купцам шнауцеры помогали стеречь повозки с товарами. С развитием общественного транспорта — дилижансов, эти собаки нашли ещё одно применение. Европа была почти сплошь покрыта лесами, и путешествие нередко становилось опасным — «пошаливали» разбойники. Шнауцер сопровождал дилижанс, бежал рядом с ним или впереди. Задачей собаки было как можно раньше обнаружить — учуять, услышать — появления людей в окружающем лесу и голосом предупредить об опасности возницу, почтальона, пассажиров, чтобы нападение не застало людей врасплох.

Ещё одно занятие средневекового шнауцера — охота. В лесу они помогали охотникам, выслеживая хорьков, ласок, других куньих, а также дичь. Дома эти собаки охотились уже самостоятельно — на мышей и крыс. Одно их старинных названия шнауцера — рэттлер — как раз и указывает на то, что собака эта — крысолов (ратте — крыса).

Характер использования способствовал закреплению и усилению у собак выносливости, неприхотливости, исключительной смелости, подвижности, умеренной злобности, отличного обоняния и слуха, а также быстроты реакции, постоянного интереса к окружающему, ко всему новому, что появляется вокруг, сообразительности. О последней особенности шнауцеров есть даже поговорка. Немцы говорят так: «Когда бог раздавал хитрость, первым был шнауцер». Шнауцеру часто приходилось действовать самостоятельно, надеясь только на самого себя, но, несмотря на это, у него сохранилась сильная привязанность к человеку, ориентировка на действия и желания хозяина.

Такой благодатный для дальнейшего развития комплекс собачьих свойств не остался незамеченным собаководами-энтузиастами. Во второй половине XIX века началась целенаправленная систематическая работа с породой, чему особенно способствовала организация в Германии «Пинчер-шнауцер клуба». По мере совершенствования средних шнауцеров как в отношении экстерьера, так и в отношении поведения порода находила все новых поклонников. Расширялся и круг служебных обязанностей. Во время первой мировой войны средние шнауцеры состояли при Красном Кресте в качестве санитарных собак, а также использовались для связи между отдельными войсковыми подразделениями немецкой армии. С оккупационными войсками шнауцеры оказались во Франции, где они сразу приобрели большой успех у иностранцев, живущих в Париже. Собак, получивших там название «немецкий конюшенный гриффон», начали интенсивно разводить, и порода закрепилась на новом месте. Таким же образом средние шнауцеры попали тогда и в Россию. Они прекрасно перенесли суровые зимы, продолжая выполнять обязанности санитарных и связных собак, а также охраняя военные склады. Однако в России шнауцеры исчезли с уходом немецкой армии.

В настоящее время в ряде стран средних шнауцеров продолжают использовать и как служебных собак, и как охотничьих. В США, например, они — полицейские собаки, в Чехословакии — отлично работают на таможнях, отыскивая по запаху наркотики и взрывчатку. Во Франции за шнауцерами сохранилась их прежняя обязанность — ловля крыс и мышей, а также помощь в охоте на дичь.

Универсальность породы сделала средних шнауцеров весьма популярными во всём мире. Они — та самая золотая середина, которая наилучшим образом соответствует потребностям современного человека, если он хочет иметь активную, жизнерадостную собаку, пригодную на все случаи жизни. Этот пёс — в меру крупный (до 50 см в холке), сильный и злобный, чтобы справиться с обязанностями не только сторожа, но и защитника хозяев, их дома, сада, машины. Одновременно он достаточно мелкий, чтобы «вписаться» в

любое, даже самое малогабаритное жилище, устроиться под ногами хозяина в общественном транспорте или машине, а также свести к минимуму заботу о его кормёжке и уходе.

Миттельшнауцер

Несколько слов о внешности. Она довольно необычна. Привлекает внимание почти квадратный формат, интересный окрас — «перец с солью», при котором каждый остевой волосок имеет концы — белые и чёрные; несколько удлинённая шерсть на животе и ногах, бородатая и усатая морда (в переводе с немецкого шнауцер означает мордаш). Коротко купированный хвост и острые, тоже купированные уши дополняют его своеобразную внешность.

Когда средние шнауцеры только появились на наших городских улицах, они вызывали удивление, а порой и недоумение прохожих. Были случаи, когда наших собак в сумерки принимали за рысей и по-настоящему пугались. Так произошло с Варварой. Она гуляла на краю пустыря, а под освещёнными окнами зала столпились родители, ожидавшие своих детей. Собака, занятая исследованием территории, выбежала из-за куста. Один из родителей, едва взглянув на неё, с криком: «Рысь, рысь!» — побежал к подъезду. Не разобравшиеся что к чему люди бросились за ним. У дверей остановились, и тут уже, к своему и нашему облегчению, увидели собаку, действительно чем-то смахивающую на рысь. Так же Варька дважды вводила в заблуждение деревенских старушек, которые было приняли её за козу. Внешность собаки весьма способствовала этому — та же бородатая морда, удлинённая шерсть на животе, сероватый окрас. Впечатление, что перед ними коза, у старушек оказалось настолько сильным, что когда «коза» залаяла, одна из них начала мелко-мелко креститься со страху, а другая, удивившись, сказала: «Сколько лет живу, в первый раз вижу, чтобы козы лаяли». Сейчас, когда средних шнауцеров становится в стране все больше, особенно в крупных городах, когда они стали появляться на выставках, дрессировочных площадках, им уже не удивляются. Люди узнают их на улице, заинтересованно разглядывают, подойдя поближе.

Улли московская

Основная породная черта этих собак — склонность брать на себя и с большим энтузиазмом выполнять, безо всякого понукания и поощрения со стороны хозяина, обязанности сторожа. Средний шнауцер — прежде всего и преимущественно сторожевая собака. И это надо обязательно учитывать тем, кто решит остановиться на такой породе. У всех наших собак сторожевые качества выражены в довольно сильной степени. Удивляться здесь не приходится. Ведь отбор — в течение, по крайней мере, нескольких сотен лет — вёлся именно по этому признаку. Шнауцер постоянно настороже — и не только дома, но и на прогулках, во время поездок на машине или в общественном транспорте, за городом, особенно в лесу. Москвичка Улли, например, в любое время суток сразу реагирует на звук открывающегося на этаже лифта, начинает прислушиваться, подходит к двери. Не менее чутко она отзывается и на происходящее за окном: на любой громкий, неожиданный звук — лай, крик, визг тормозов — подбегает к окну и смотрит вниз. На прогулке, будучи отпущена с поводка, почти всегда настороже, и не подпускает к хозяйке, особенно вечером, не знакомых ей людей. На поводке тоже часто смотрит по сторонам, любит, забравшись повыше, осматривать окрестности. Во время поездки в поезде охраняет купе, в самолёте — пространство возле хозяйского кресла. Её мать Варвара отличается на посту сторожа автомашины. На эту собаку хозяева спокойно могут оставить автомобиль — сидя внутри, она не даёт никому даже прикоснуться к хозяйскому добру, не то чтобы попытаться открыть дверцу. Однажды на этой почве с Варькой произошёл конфуз. В летний зной хозяин пошёл

прогуляться с ней по лесу. Как обычно, она рыскала по кустам, насторожённо останавливалась, прислушивалась. И в какой-то момент пропала, не подбежала на зов. Некоторое время хозяин звал её, искал, пока наконец не вышел из леса на поляну. Здесь стояли «Жигули», а чуть поодаль на траве сидели люди. В машине же на месте водителя гордо восседала Варька. Увидев подходившего хозяина, она радостно бросилась к нему. Как выяснилось их разговоров с владельцами машины, все это время собака охраняла от них «Жигули». Она выбежала из леса к машине, стоявшей с открытой дверью, и забралась на переднее сиденье. Произошло это так быстро, что люди, расположившиеся закусить на траве, даже не успели преградить ей путь. Они, разумеется, попытались прогнать непрошеного сторожа, причём действовали сначала уговорами, а потом все более решительно. В неравной схватке с обозлёнными владельцами машины, вооружившимися палками, Варька потеряла зуб, получила сильный удар по ноге, но стойко держала оборону до прихода хозяина. Ему ни чего не оставалось, как извиниться перед людьми и, забрав собаку, поскорее удалиться с места происшествия.

Улли челябинская

Но в памяти остались и другие случаи, когда наши собаки действительно оказывали помощь своим владельцам. Из всех шнауцеров, о которых мы рассказываем, только две Улли обучались и сдали испытания по общему курсу дрессировки и по защитно-караульной службе. Московской, к счастью, пока не пришлось применять на практике полученные навыки по задержанию человека. А вот челябинская Улли успела отличиться. Её хозяйка, работая в охране автобазы, регулярно брала собаку с собой. По несколько раз за ночь они обходили всю территорию. Улли деловито сновала между рядами машин, обегала вокруг построек, насторожённо прислушивалась у забора и потом удовлетворённо возвращалась к хозяйке. Но однажды собака заскочила на грузовик и тут же послышался её яростный лак. Когда хозяйка, лавируя между машинами, подбежала к этому месту, то увидела, что на подножке грузовика стоит мужчина, и старается отбиться от нападающей на него собаки. Увидев сторожа, человек спрыгнул и попытался убежать. Улли метнулась за ним и, высоко подпрыгнув, повисла на спине. Неудачливый угонщик не устоял на ногах и упал. С большим трудом удалось хозяйке отозвать разбушевавшегося пса. Вдвоём они отконвоировали нарушителя в помещение и охраняли до приезда наряда милиции.

Заходить в квартиру, где живёт средний шнауцер, чужим людям тоже небезопасно. Та же челябинская Улли ведёт себя с ними в присутствии хозяев довольно лояльно. Но стоит тем выйти из комнаты или дать собаке особый знак, как та настораживается, вся напрягается и на малейшее резкое движение человека реагирует предупреждающим рычанием. Улизнуть от такого сторожа, оставшись невредимым, практически невозможно.

Проявляется у наших шнауцеров и другая, исторически выработанная склонность — к охоте. Сейчас, когда так много разных специализированных охотничьих пород собак, вряд ли кто захочет заводить шнауцера специально для охоты. Но ту их особенность обязательно нужно учитывать. Даже в условиях большого города наши собаки находят для себя «охотничьи» объекты — голубей, ворон, кошек. Стремление догнать и схватить выражено у некоторых так сильно, что приходится специально отучать их. Это тем более важно за городом, в лесу. Постоянная насторожённость, хорошее обоняние и слух позволяют собакам часто обнаруживать разных мелких животных.

Сейчас, при почти повсеместном оскудении фауны, найти в наших угодьях хоря, ласку, норку — объекты охоты со шнауцером в далёкие времена — почти невозможно, да и не нужно. Но всё же мы дважды были свидетелями, как наши собаки обнаруживали куньих. Первым отличился Умберто. В Ярославской области, в её глубинке, шли мы как-то берегом небольшой речушки. Умберто и Варька рыскали вокруг. Вдруг в зарослях ольшаника он заметался, послышался треск сухих веток, возня и потом визг. Нам показалось, что Умберто

напал там на щенка. С криком «Фу!» бросились на шум и увидели, как собака преследует между кустами какого-то юркого тёмного зверька. В мгновение ока пёс догнал его и схватил. Услышав брань в свой адрес, отбежал с добычей в сторону и не подошёл до тех пор, пока его не позвали по-хорошему. Поняв, что ничего плохого его уже не ждёт, Умберто, виновато приблизился к хозяйке и положил у ног помятого, но всё же живого зверька. Это была европейская норка. В другой раз повадки охотника на куньих проявила московская Улли во время прогулки у дрессировочной площадки «Плющево» в Москве. Хозяйка шла с ней вдоль железной дороги по краю парка. Неожиданно собака резко свернула в сторону, вошла в кусты и стала их усиленно пронюхивать, а потом вдруг зашлёпала передними лапами по траве (манера хватать предмет передними лапами, одновременно и резко выбрасывая их вперёд, свойственна шнауцерам). Улли ещё продолжала суетиться внизу, а вверх по старому высохшему дереву лезла ласка. Грандиозный, красивый зверёк добрался до последней развилки и замер. Хозяйка поспешила взять шнауцера на поводок и увести, пока он не обнаружил ласку на дереве и не устремился за ней. В том, что собака попыталась бы влезть на дерево, сомнений не было. Ведь шнауцеры легко запрыгивают в довольно высокие, около двух метров, развилки деревьев, забираются по наклонным стволам, залезают на густые, плотные кусты.

Варвара

Встречи с куньими, конечно, большая редкость. А вот с крысами и мышами шнауцерам приходится иметь дело гораздо чаще. Московская Улли, например, охотится за мышами прямо в квартире на восьмом этаже. Эти вездесущие грызуны время от времени проникают в кухню через разные оставленные строителями отверстия. Собака слышит шорохи, не доступные человеческому уху, и осторожно идёт на звук. Если мыши на поверхности нет, шнауцер начинает пронюхивать углы и щели, а обнаружив зверьки за плинтусом, под батареей, принимается яростно царапать это место. Если мышь появилась в поле зрения, он делает резкий бросок вперёд, вытягивает передние лапы и старается ими придавить зверька к полу. Мыши, конечно, тоже шустрые, и среди мебели, других предметов им чаще всего удаётся скрыться. Но уже одно присутствие в квартире собаки, активно преследующей мышей, как мы могли заметить, вынуждает их поскорее покинуть помещение. С серой крысой справиться посложнее, но и здесь шнауцеру помогают его смелость, напористость и молниеносная реакция. Нам самим не приходилось видеть, как эти собаки охотятся на крыс. Владельцы других шнауцеров рассказывали нас, как азартно и часто успешно действуют их собаки при встрече с этим умеющим за себя постоять грызуном.

Совсем недавно, на осенней (1988г.) выставке собак, проводившейся одним из клубов собаководства, многие стали свидетелями интересного случая. Выставка по традиции проходила на обширной лесной поляне. Рядом, на соседних рингах, выставались эрдельтерьеры и афганы. На свободных участках поляны и в кустах резвились собаки, ожидавшие своего выхода на ринги. Неожиданно раздались возгласы: «Смотрите, заяц, заяц!» Не успели мы сообразить, что к чему и где заяц, как прямо через наш ринг, едва не налетев на судейский столик, промчался крупный заяц, а вслед, отстав метра на три, пронесли два средних шнауцера. За ними ещё метрах в десяти пробежал одинокий эрдель. Они пересекли несколько рингов, причём заяц, петляя, бросался из стороны в сторону, шнауцеры отставали, но на прямой расстояние между ними снова сокращалось. Наконец он достиг края леса и скрылся. Вбежали в заросли и собаки. Этот случай удивил нас — из всего множества собак разных пород, которые крутились на поляне без привязи, только средние шнауцеры мгновенно среагировали на появление животного и сразу начали преследование. Даже афганы растерялись, когда мимо них стрелой пронёсся живой заяц. Наверное, именно постоянная насторожённость, готовность к действию, присущие средним шнауцерам, сыграли и здесь решающую роль.

Клода

Сильно выраженные охотничьи наклонности этой породы надо обязательно учитывать при воспитании щенков. В своё время мы не придавали таким повадкам особого значения и не всегда настойчиво пресекали попытки своих щенков к преследованию животных. Думалось, что с возрастом это пройдёт, как проходило у многих знакомых собак. Но мы ошиблись. И какое-то время испытывали определённые трудности со взрослыми собаками, когда пришлось, видя повышенное охотничье рвение, специально заняться их перевоспитанием.

Только к лошадям мы заметили у наших шнауцеров лояльное отношение. Например, московская Улли с её выраженным стремлением к охоте (она скрадывает даже собак), увидев впервые лошадь на выставке в Битце, как-то сразу прониклась к ней доверием и затрусилась рядом по дорожке. И тогда вспомнилось — ведь раньше-то шнауцеры жили чаще всего на конюшнях и постоянно вертелись возле лошадей. Отбор, вероятно, шёл и по признаку спокойного, дружелюбного отношения к лошадям, которых эти собаки должны были охранять. Возможно, и в современных средних шнауцерах такой поведенческий признак ещё удерживается. Хотелось бы знать, а как ведут себя с лошадьми другие представители этой породы?

У собак нашего семейства выражена ещё одна поведенческая черта — стремление к перетаскиванию разных предметов, к апортировке. Часто они это делают спонтанно, подберут, например, на прогулке приглянувшуюся им палочку и несут её до самого дома. Такую особенность можно использовать с пользой для хозяев. Ренальдо, владелец которого живут на последнем этаже старинного дома с высокими и крутыми лестницами, использовали как безотказного почтальона. Каждое утро после прогулки хозяин доставал из почтового ящика газеты, давал их в зубы собаке, и пёс с воодушевлением бежал наверх, где его уже ждали. А сам хозяин спокойно отправлялся на работу. Так же собака апортировала, но уже вниз, забытые им при выходе из дома перчатки. Ключи, которые передавала хозяйка. На прогулке Ренни был счастлив, если ему доверяли что-нибудь нести. Тогда он принимал деловой вид и переставал обращать внимание даже на подбегавших к нему знакомых собак. Примечательно, что заинтересованность в переноске предметов никогда не поощрялась хозяевами, так сказать, материально: кусочком лакомства, только одобрителем словом, лаской. Московская Улли тоже готова нести домой корреспонденцию, передавать, бегая из комнаты в комнату, вещи от одного члена семьи к другому, доставать из-под дивана и кровати закатившиеся туда предметы и подавать владельцу, приносить хозяевам и гостям тапочки, но все это — в надежде не столько на ласку, сколько на лакомый кусочек. Склонность средних шнауцеров к транспортировке предметов успешно использовали в годы первой мировой войны.

У многих собак этой породы отличное обоняние. Обе Улли, занимавшиеся по программе защитно-караульной службы, показали высокие результаты при выборке вещи по заданному запаху. Московская Улли, хотя с ней специально предварительной работы не проводили, в первом же предъявлении, когда хозяйка, скомандовав: «Нюхай», поднесла к её носу полочку с запахом чужих рук, заинтересованно стала обнюхивать этот предмет. Когда же собаку послали вперёд, где среди четырех одинаковых палочек с запахами разных людей была одна с искомым запахом, Улли обследовала сначала все, а потом взяла зубами именно ту, что требовалось. И в дальнейшем она не ошибалась, выполняя это задание. Год спустя после сдачи по ЗКС хозяйка решила продемонстрировать гостям способности собаки в выборке вещей. Собрала у нескольких гостей по два предмета. По одному из них разложила на полу, а среди остальных выбрала ключи и дала их занюхать Улли. Та не отказалась и обнюхала со всех сторон. Когда её послали к лежащим на полу предметам, пошла, сунулась носом к каждому и задержалась над часами с браслетом, принадлежавшими как раз тому

гостью, чьи ключи она только что нюхала. Потом очень нерешительно посмотрела на хозяйку. Та стоял среди гостей и незаметно следила за собакой. Тогда Улли вздохнула и потихоньку стала тянуть браслет к себе. Опасаясь, чтобы она не выронила часы на пол, хозяйка подошла и подставила под них руку. Улли с облегчением выпустила из рта выбранную вещь и принялась увиваться возле хозяйки в надежде на вознаграждение за правильный выбор.

Благодаря хорошему обонянию, сообразительности, заинтересованности в апортировке среднего шнауцера легко можно обучить отыскивать потерянную вещь. Это делают все собаки из описываемого семейства, но особенно преуспевает киевлянка Клода. Её владельцы, в силу, наверное, своей профессии (они художники, которым, как людям творческого склада, иногда свойственна забывчивость), время от времени на прогулках с собакой или на этюдах, куда её тоже нередко берут, теряют какие-то предметы. Клода отыскивает их просто мастерски. В этом деле она выработала свою тактику и, когда слышит: «Клода, ищи», — бросается сначала прямо назад по следу до места, где повернули обратно, а потом, если ничего не найдёт, начинает ходить зигзагами вправо и влево от основного следа. Эти полезные для человека способности породы также были подмечены кинологами, и сейчас, как мы уже упоминали, средние шнауцеры «служат» на таможне и в полиции ряда стран.

Портрет будет, наверное, более живым, приближённым к оригиналу, если рассказать и о других ярко выраженных особенностях их поведения.

Шнауцеры в высшей степени заинтересованно относятся к окружающему — активно стремятся познакомиться со всем новым, необычным, что появляется вокруг них и что они замечают, или хотя бы наблюдают за происходящим вокруг. Московская Улли подолгу, иной раз десятки минут, простаивает у окна, «облокотившись» на низкий подоконник, и с восьмого этажа следит за улицей. Замечает там многое и по-своему «комментирует» происходящее. На бегущих людей, на идущих с громоздкой ношей рычит. Не выносит чужих собак, особенно бегающих свободно. Хорошо различает знакомых собак. На появления тех, с которыми она в дружеских отношениях, реагирует спокойно, просто провожает их взглядом. На своих недругов — а их в округе двое — яростно лает и готова броситься в атаку. Не менее заинтересованно она относится к происходящему в квартире. Многие изменения — появление новых вещей, перестановку — замечает и обследует. Любит наблюдать за домашней работой, особенно той, которую выполняют редко. Если ей что-то непонятно в ней, подходит ближе, обнюхивает, смотрит. Когда открывают ящики, низко расположенные полки, Улли сразу подходит и сует нос внутрь. Кстати, её мать, Варвара, получила своё домашнее имя по пословице «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Ещё в щенячьем возрасте она пострадала от своего чрезмерного любопытства: желая видеть, что происходит за соседней дверью, просунула туда мордочку, которую ей нечаянно прищемили.

Эти собаки — большие любители путешествовать: на машине, в электричке, в автобусе. Насколько можно судить по поведению, влечёт их именно возможность наблюдать калейдоскопичную, всё время обновляющуюся картину за окнами, к которым Варвара, её дети и внуки сразу «прилипают», стоит транспорту начать движение. Такое неуёмное любопытство сохраняется у наших шнауцеров и в старшем возрасте, когда их одногодки других пород уже превратились в степенных псов, мало интересующихся окружающим, если оно не имеет к ним непосредственного отношения.

Средние шнауцеры вместе с тем и игривые собаки. Они не только демонстрируют своим хозяевам и окружающим обычный набор собачьих игр. Приходилось видеть у наших собак самостоятельно придуманные ими развлечения. Вот как проявил себя Вилимон, носясь взапуски по лугу со своей бабушкой Варварой. Как-то раз, убегая от неё, он споткнулся на ходу и, не удержавшись на ногах, кувыркнулся через голову. Варька не смогла сразу затормозить и промчалась мимо. Оказавшись таким образом позади неё, Вилимон быстро вскочил на ноги и бросился в обратную сторону. Варька уже не догнала его в этот раз. Буквально на следующий день все повторилось, но с той только разницей, что теперь внучек уже сам перевернулся через голову, резко погасив таким образом скорость. И бабушка опять

промчалась мимо, дав ему время развернуться и припуститься в другом направлении. Так, с первого раза пёс уловил преимущество кувырка через голову и потом стал часто применять его в играх с Варварой. Для неё же «творческая» находка Виллимона оказалась сущим наказанием. Догоняя его, она, конечно, не могла предвидеть, когда ему вздумается применить свой коварный приём, и, соответственно, не могла заранее затормозить. Поэтому догнать внука, если он того не хотел, ей больше не удавалось.

Московская Улли тоже придумала себе игру, но то было уже чисто домашнее, комнатное развлечение. Как и многие другие собаки, она с большим усердием подаёт тапочки гостям (предварительно утащив их из прихожей). Но этого ей показалось мало. Она наловчилась снимать тапочки прямо с ног и, походив с ними по квартире, возвращать, ожидая одобрения. Такое, естественно, не всем нравилось, и Улли прогоняли, поглубже одевая обувь на ноги; но эти предосторожности помогали мало. Собака начинала следить за гостями, и стоило кому-либо усестись поудобнее, положив ногу на ногу, как она подходила незаметно, быстро сдирала тапочку с ноги и убегала в другую комнату. Частые гости, зная эти проделки Улли, предпочитали держать обе ноги на полу, если не хотели остаться босыми. Но собака перехитрила и их. Она ложилась поближе и выжидала момент, когда можно будет, потянув легонько за носок тапочка, снять его незаметно для гостя, а потом гордо принести ему же. Эта игра никогда не надоедает собаке, чего нельзя было сказать о её невольных партнёрах.

Вообще же удалось подметить, что у шнауцеров удивительно быстро, часто с одного-двух сочетаний, образуются новые навыки. Наверное, основную роль тут играет их постоянная готовность воспринимать, замечать многое из того, что от них ждёт хозяин, и легко обучаться, а также вырабатывать навыки, действия уже в своих собственных интересах. Можно понять французских поклонников породы, которые называют шнауцеров «собаками с человеческим интеллектом». У нас было немало случаев убедиться, что в этом преувеличении есть немалая доля справедливости. Вот что придумала московская Улли, с детства отличавшаяся отличным аппетитом, чтобы пополнить свой рацион ещё несколькими лишними кусочками. Слыша по несколько раз в день, как хозяйка приглашает членов семьи к столу, собака решила взять эту обязанность на себя. Сначала, услышав приглашение, она стала бегать к ним, тыкать носом, подталкивать головой, терев лапами, совать в руки тапок. Когда её усердие заметили и отблагодарили сухариком, дело завертелось. Улли усаживалась на кухне и ждала, когда закончат приготовление пищи и накроют на стол. Если, по её понятию, пора было звать хозяина, она уходила в комнату, брала его тапок и с ним в зубах усаживалась на кухне, вопросительно взглядывая на хозяйку. Когда ей говорили: «Пора» или «Зови», собака срывалась с места и неслась приглашать к столу. Услышав: «Рано», — укладывалась на пол и опускала рядом тапочек. Если накрывание на стол растягивалось надолго, Улли постепенно начинала терять терпение. Подходила к столу и, приподнявшись на задние лапы, заглядывала на него, как будто выясняла, чего ещё там не хватает. Собака испробовала и другие способы «заработка». Например, вздумала начать «натуральный» обмен, — вспомнив, видимо, как когда-то её обучали приносить и отдавать хозяину апортировочный предмет. Этот навык Улли перенесла в иные ситуации. Когда ей хочется получить какое-то определённое лакомство, она бежала а одним из своих мячей и молча усаживалась возле хозяина, не выпуская игрушку изо рта. Если на неё обращали внимание, совала предмет в руки, а сама приподнималась и заглядывала на лакомый кусок. По своему почину она стала доставать из-под дивана, стола закатившиеся туда предметы и совать потом их хозяевам, а также подавать газеты, когда они случайно падали на пол.

Закончим на этом нашу зарисовку. Таким представляется нам средний шнауцер по наблюдениям за несколькими членами одного семейства. Разумеется, владельцы других шнауцеров могли бы дополнить это описание, добавить новые, интересные штрихи. А хозяева собак иных пород и беспородных, возможно, увидели в портрете кое-что свойственное своим питомцам. Ну что же, ведь средний шнауцер — собака, и ничто собачье ему не чуждо. Мы же рассказали читателям о наиболее ярких, обращающих на себя

внимание чертах его характера. В целом, нам думается, нарисованный портрет все же достаточно характерен. Владельцы средних шнауцеров имеют деятельных, решительных, сообразительных, независимых и в то же время преданных собак с ценными задатками разнообразных рабочих качеств. Но развитие этих качеств, установление гармоничных отношений со шнауцером, одинаково приятных для обеих сторон, возможно при одном условии: собака такой породы нуждается в самом серьёзном подходе, в хозяине, если и не имеющим большого опыта в воспитании собак, то обязательно стремящимся приобрести его. Только рядом со знающим и понимающим, властным и вместе с тем добрым хозяином шнауцер будет по-настоящему счастлив.

М. Б. Корнилова, Е. С. Непринцева ЕСЛИ В ДОМЕ РОТВЕЙЛЕР

В последнее время в Москве участились квартирные кражи. Даже хитроумные замки не всегда останавливали преступников. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Это произошло в одном из новых районов Москвы. Как известно, строители в новых домах делают очень непрочные двери. Воры, забравшись в дом, легко вынули дверь одной из квартир вместе с дверной коробкой. Время было дневное, хозяева квартиры и их соседи находились на работе, так что ворами никто не мог помешать. Тем не менее действовали они очень странно: даже не зайдя в квартиру, аккуратно поставили дверь на место и ушли. Что же случилось? Дело в том, что за дверью квартиры тихо сидел... Милиционер? Нет. За дверью спокойно и молча, слегка показывая белоснежные зубы, сидел ротвейлер Брикс.

Да, на свежего человека один внешний вид ротвейлера производит неизгладимое впечатление. Чёрная с подпалом собака довольно внушительных размеров, крепкая, с хорошо выраженной мускулатурой. Великолепные белые зубы — один из характерных признаков породы. Морда, как правило, имеет мрачно-суровое выражение.

Ротвейлеры ведут свою родословную с древних времён: их предками были собаки римских воинов. Римляне брали с собой в боевые походы стада скота, по мере необходимости используя его как запасы продовольствия. Собаки охраняли и пасли скот, а также были сторожами в военных лагерях. В своём продвижении на север Европы римлянам пришлось форсировать Альпы. Пройти этот трудный путь вместе с воинами могли, конечно, только крепкие и сильные собаки. Таким образом в сопровождении римских легионеров попали предки ротвейлеров в Южную Германию. Первые упоминания об этой породе встречаются около двух тысяч лет назад.

Долгое время их разводили как пастушьих собак, а в средние века довольно широко использовали для охоты на кабана. Особую популярность эти собаки приобрели у мясников и торговцев скотом. Мясники впрягали ротвейлеров в тележки для перевозки туш, а торговцы скотом использовали собак для сопровождения стад и охраны. Нельзя не сказать ещё об одном очень интересном варианте использования ротвейлера. В средние века, когда окрестности городов кишели шайками разбойников, торговцы: отправляясь из города закупать скот, часто подвергались нападениям. Чтобы обезопасить себя от кражи, они складывали деньги в специальные чехлы и надевали их на шеи ротвейлерам. Так собака служила живым сейфом.

Потом интерес к этой породе упал и вновь возник только в начале нашего века. Обнаружили, что разносторонние качества ротвейлера: умение не только пасти скот и управлять им, но и защищать его и своих хозяев, а также незаурядные розыскные и сторожевые способности — делают его хорошей полицейской и служебной собакой. Несмотря на то, что к этому времени осталось лишь несколько представителей этой породы в городе Ротвайль в Вюртемберге (ФРГ), там началось восстановление породы. С тех пор город считается родиной ротвейлера, он же дал имя этой породе, здесь его называют ротвейлер-метцгерхундом или ротвейлерской собакой мясника. К 1912 году ротвейлеры в Германии встали в один ряд с эрдельтерьерами, доберман-пинчерами и немецкими

овчарками уже как служебные собаки.

Основные признаки и черты этой породы удовлетворяли требованиям, поэтому целью разведения было сохранение и развитие необходимых для службы и уже существующих качеств. Из своего боевого римского далека они сохранили необыкновенную мощь и незаурядную силу, неожиданно сочетающиеся с подвижностью и живостью. Это несколько выделяет ротвейлера среди других догообразных пород с сырой конституцией, для которых в большей степени характерна флегматичность.

Пастушеское прошлое дало этой собаке сообразительность и разумное сочетание внимательности к человеку и относительной самостоятельности. О своеобразии сильного характера ротвейлера можно сказать, что оно проявляется не в форме независимого поведения, а скорее в самостоятельности суждений. Если другая собака с сильным характером — просто ведёт себя так, как считает нужным, независимо от хозяина, то ротвейлер может заставить хозяина сделать так, как ему, ротвейлеру, нужно. Требуется немалое терпение и определённая степень грамотности в воспитании и дрессировки этой собаки. Чтобы научиться ею управлять, необходимо доброе, но твёрдое обращение. При излишне мягком обращении из собаки может вырасти нахал и тиран, который доставит и вам и окружающим массу хлопот. Грубое и жестокое отношение вряд ли сделает из неё забитое и трусливое существо, а скорее, озлобит собаку. Это может привести к тому, что она станет совершенно неуправляемой, а значит, опасной для окружающих.

Многое можно было бы рассказать об особом подходе в дрессировке собак этой породы, но мы хотим остановиться на другом, не менее важном аспекте содержания ротвейлера — так сказать, ротвейлер в семейном интерьере. Сложность характера этой собаки потребует от вас умелого обращения с ней даже в том случае, если вы завели её не для охраны, а для общения, как друга, как домашнюю собаку. Мы сочли нужным рассказать о том, как её качества проявляются при содержании в семье ещё и потому, что с этой породой связано немало предрассудков. Широко распространены слухи об их крайне свирепом нраве. Как известно, иногда лучше вовсе ничего не знать, чем знать только наполовину. Один наш довольно образованный знакомый слышал о злобности этих собак, о том, что они родом из Германии, а также, что фашисты применяли собак для охраны концлагерей. Представьте, он боялся ходить мимо нашего ротвейлера в полосатой пижаме, воображая, что пёс примет его за узника концлагеря. Бедняга считал, что, вспомнив службу своих предков, собака набросится на него и разорвёт в клочья. Здесь комментарии излишни. Часто приходится слышать о коварстве ротвейлера, который неожиданно и якобы без всяких причин бросается на своих хозяев и кусает их. Вероятно, такие случаи действительно бывали. Причина, однако, кроется не в мистическом врождённом коварстве собаки, а в неумении хозяев правильно воспитывать собак этой породы.

Надо сказать — и с этим согласятся многие опытные дрессировщики, — что воспитание накладывает заметный отпечаток на облик собаки. Ротвейлера можно воспитать спокойным и сдержанным или эмоциональным и неукротимым, свирепым и мрачным или ласковым и дружелюбным. Того самого Брикса, который одним только своим видом обратил в бегство злоумышленников, спокойно выпускали гулять во двор одного. Неся в зубах свой собственный поводок, пёс равнодушно проходил мимо кошек, собак и, когда считал нудным, возвращался домой в квартиру. А вот с другим псом той же породы хозяевам приходилось гулять только на поводке. Нередко они были вынуждены буквально приматываться к ближайшему дереву, чтобы удержать рвущуюся собаку.

Недавно мы увидели объявление в газете: «Продаётся свирепый ротвейлер. Ваша охрана гарантирована». Да, имея такого защитника, вы можете быть спокойным, но такую гарантию может дать только тот, как продаёт взрослую собаку. Если вы приобретаете щенка, то вам потребуется его соответствующим образом воспитывать. Нам знаком ротвейлер, которого завели специально для охраны дачи. Вопреки ожиданиям хозяев, пёс, выращенный в дружелюбной семейной обстановке, не проявил себя усердным сторожем. Он совершенно не желает видеть во всех заходящих на участок людях врагов. Однажды, когда пёс был ещё

плохо с нами знаком, мы зашли на участок. Хозяев на даче не оказалось, а дом был не заперт, видимо, в надежде на сторожа. Аукая, мы обошли все комнаты, но собаки не заметили. Потом оказалось, что все это время «свирепый» ротвейлер лежал под столом. Тем не менее свою роль сторожа он всё-таки выполняет, ведь большинство людей боятся одного только вида ротвейлера.

Первое впечатление, которое производит наш герой на впервые увидевшего его человека, — это воплощение грубой силы и неукротимой безжалостной мощи. «Этот схватит, так уж схватит! Да, такому лучше не попадаться на пути. Зверь!» — обычные комментарии на выставке у ринга ротвейлеров. Действительно, ротвейлер — сокрушительная сила; но грубая? Нет! Называть его безжалостным и мрачным, а тем более коварным — значит не знать души этой великолепной собаки. Мы бы погрешили против истины, если бы сказали банальное: под суровой и грубой внешностью скрывается нежное и чуткое существо. Дело в том, что ротвейлер вовсе не скрывает, что он может быть ласковым и нежным. Если, воспитывая ротвейлера, вы не станете специально ограничивать его в душевных излияниях, то убедитесь, что он не скупится на ласку и не сдерживает себя в проявлениях нежности, хотя нередко свои эмоции он выражает в грубоватой форме. Те хозяева, которые не уделили должного внимания воспитанию ротвейлера в его нежном возрасте, вынуждены переносить буквально сногшибательные приветствия своего «меньшего брата». Ласкается он бурно и настойчиво. Хозяевам с хрупкой конституцией или массой, меньшей, чем у своей собаки, приходится заранее прислоняться к стене, чтобы достойно выдержать её приветственный натиск. Приветственные звуки ротвейлера, которые даже опытный собачник не всегда может правильно оценить, представляют собой смесь из рычания, хрипения, сопения и вздыхания. Издавая эти леденящие душу звуки, пёс с мрачной решимостью и энергией небольшого танка набрасывается на хозяина, ставит ему передние лапы на грудь и облизывает, что называется, с головы до ног. Эта ужасающая картина есть не что иное, как проявление искренней и нежной любви ротвейлера к своим хозяевам, которым он предан всем своим существом без остатка.

Сочетание ласковости натуры с энергией и сильным характером делает ротвейлера весьма своеобразной семейной собакой. Вот несколько примеров из жизни собаки, живущей в одной городской семье. Начнём с того, что пёс не переносит фамильярностей по отношению к себе. Не говоря уже о чужих людях, даже своим знакомым он не позволяет некоторых вольностей. Ещё в щенячьем возрасте он протестовал, когда, лаская, его опрокидывали на спину, чтобы почесать брюшко. Щенка больше устраивали игры в «кусалки» и «трепалки». Взрослый пёс далеко не всем членам семьи с лёгкостью даёт потрепать себя по золке или дружески толкнуть в бок. Сдержанным рычанием он пресекает такие попытки, и только очень хорошее настроение или ласковая настойчивость человека может вызвать у него ответные эмоции. Тем не менее, такая строгость не мешает собаке назойливо требовать ласк и от незнакомых людей, пришедших в гости к хозяевам. Если же беспечный гость начинает излишне фамильярно гладить собаку или просто чешет её не там, где бы она хотела, следует угроза, сопровождающаяся весьма свирепым рывком. Конечно, раз уж ротвейлер впустил в дом посторонних, то он не станет ни с того ни с сего нападать на них. Просто, по его мнению, гостям следует себя вести совершенно определённым образом, чего он и требует, подкрепляя своё требование грозным рычанием.

В этой семье, кроме ротвейлера, есть ещё и маленький ребёнок. Следует отметить, что ротвейлер — это не та порода, которая может служить игрушкой для младенца и покорно выносить все испытания, выпадающие на долю собаки-няньки. Нельзя сказать, что собака не любит детей, она, конечно, будет защищать их и играть с ними, делая скидку на хрупкость ребёнка. Но вряд ли она будет терпеть, как некоторые другие собаки, когда дети попытаются выковыривать у неё глаза или оторвать обрубок хвоста. Если вы с самого начала внушите ребёнку уважение к собаке, в вашей семье не будет досадных недоразумений.

А теперь мы хотим высказать утверждение, которое, может быть, некоторых удивит. Мы считаем, что при всей своей внешней простоте и грубоватости поведения, ротвейлер

способен к тонким движениям души. Образцами тонкости душевной организации и интеллигентности поведения всеми признаны представители таких пород, как английский сеттер (вспомните знаменитого Бима), пудель и шотландская овчарка. Да, не будем спорить, в своём поведении ротвейлер отнюдь не интеллигентен, но вот что касается тонкости души — тут позвольте объясниться.

Когда мы говорим об этом замечательном свойстве собаки, то имеем в виду одну из сторон феномена. А именно: способность тонко понимать нюансы настроения хозяина и чутко реагировать на них, угадывая его намерения и желания. Эта способность проявляется не только в том, что собака прекрасно улавливает внутреннее состояние хозяина, но в её постоянной готовности служить ему. Она получает истинное удовлетворение и радость, если правильно поняла хозяина. Бытует представление о так называемых культурных породах — тех, кто прошёл свой путь формирования как породы в теснейшем контакте с человеком. Сфера использования человеком этих собак требовала от них способности хорошо и охотно выполнять сложные действия по его приказу. То есть быть сложным и тонким инструментом. К таким породам относится знаменитая немецкая овчарка и некоторые другие пастушеские по своему происхождению породы, многие охотничьи породы, особенно их группы легавых. Не удивительно, что современный человек в качестве рабочих собак использует представителей именно таких пород. Они могут чётко и слаженно работать в постоянном взаимодействии с хозяином. Вот именно в этом смысле наш ротвейлер, пожалуй, не уступит классическим собачьим интеллигентам, хотя его душевная тонкость выражается не в столь изысканной форме, как у них.

Ротвейлер прекрасно чувствует перемены настроения своего хозяина. Наша собака обязательно старается утешить своих владельцев, когда они чем-то расстроены. Она безошибочно угадывает из многих знакомых именно того человека, к которому хозяин испытывает симпатию, и даже иногда начинает ревновать. На её послушании заметно сказывается внутреннее состояние хозяев. Например, когда в молодости она проходила общий курс дрессировки, то совершенно отказывалась воспринимать уже выученные команды, если хозяйка была слишком возбуждена или чем-то расстроена. О постоянном внимании ротвейлера к своему хозяину говорит и то, что на прогулках без поводка собака никогда не отходит далеко от человека.

Обычно, заводя собаку, человек строит далеко идущие планы: один мечтает, что собака будет охранять его от всех знакомых и незнакомых, другой хочет вырастить себе компаньона для прогулок, третий — партнёра для занятий спортом или туризмом. Часто бывает, что эти мечты совершенно не совпадают с возможностями той породы, которую облюбовал человек. Иногда ошибка в выборе породы заметна сразу, а нередко для того, чтобы это понять, требуется более длительное время. Например, всем ясно, что ротвейлер не приспособлен для того, чтобы сопровождать хозяина во время путешествия на байдарках просто в силу своего размера и массы. Но не все знают, что для него не подходят и длительные велосипедные экскурсии. Он может развивать очень большую скорость в беге на короткие расстояния. Мы знали ротвейлера, который обгонял пойнтера на спринтерской дистанции. Но долго бежать рысью или тем более галопом ротвейлеру трудно. Заставляя его это делать, можно сорвать собаке сердце. Наиболее характерный аллюр для ротвейлера — это шаг. На прогулках он обычно ходит широким спокойным шагом, гораздо реже, чем другие собаки, переходя на рысь.

Мощная конституция ротвейлера создаёт ему сложности со снарядами, особенно бумом, при занятиях на площадке. Широко поставленные ноги не умещаются на узком бревне, и собаке приходится прилагать особые усилия для сохранения равновесия.

Нельзя не сказать о некоторой прямолинейности поведения ротвейлера. Это одна из немногих пород, которая нападает в лоб, не сворачивая с пути; для него не характерны стремительные броски с мгновенными укусами, как это делают доберманы и шнауцеры. Атака ротвейлера выглядит столь внушительно, что может испугать даже грузовую машину. Один ротвейлер, воспитанный в деревне, в городе принимал машины за врагов. Однажды мы

были свидетелями охоты нашего героя на ненавистную механическую тварь. Удачно вырвав поводок у зазевавшегося хозяина, он атаковал врага сбоку. Испуганно взревев, машина вильнула и позорно покинула поле боя. Вообще, бегущего ротвейлера остановить, пожалуй, так же трудно, как и бегущего носорога. Мы убедились на опыте, что даже толстая стеклянная дверь не служит ему сколько-нибудь серьёзным препятствием. Когда наш ротвейлер был ещё щенком, он имел одну детскую слабость: побаиваться больших стай бездомных собак. Как-то раз ночью на него внезапно напала бродячая стая. От неожиданности маленький ротвейлер прошёл в прыжке сквозь стеклянную дверь учреждения. Хозяйка нашла его стоящим внутри на грудке осколков, но без единой царапины. Не пострадал даже нос щенка, хотя именно им он пробил толстое стекло. Судя по всему, конец морды и мочка носа ротвейлера отличаются несколько меньшей чувствительностью, чем у других собак. Он очень активно действует носом. Неожиданный удар закрытой пасти ротвейлера может свалить с ног и взрослого человека. Когда ротвейлер подходит к вам и тыкается носом, требуя ласки, такое впечатление, что вас чувствительно двинули кулаком. Ещё один способ использования своего замечательного носа демонстрирует нам ротвейлер Фёкла. Она выпрашивает подачку со стола весьма забавным образом: с силой надавливает кончиком морды на край стола, изображая из себя поросёнка.

Итак, если вы всё-таки решили завести ротвейлера, то примите наши советы и правильно оцените свои возможности. Не стоит заводить ротвейлера, если вы никогда до этого не держали собак. Помните, что ему необходим опытный воспитатель. Эта собака не для детей и пожилых, с такой мощной собакой справится не каждый. Начинайте воспитание собаки с самого раннего детства. Избегайте грубого насилия — силой с ротвейлером справится очень трудно. Вы добьётесь лучших результатов, если найдёте способ уговорить собаку подчиниться вам.

И наконец ещё одна деталь. Хотя ротвейлер считается гладкошёрстной собакой, но шерсть у него совсем не такая короткая, как у догов или боксёров. У него очень густой подшёрсток, который во время линьки весьма заметён в квартире. С другой стороны, у вас не будет хлопот с зимними прогулками. Ротвейлеры любят зиму и даже в суровые морозы могут проводить на улице достаточно долгое время. В отличие от лохматых длинношёрстных собак, они не покрываются сосульками и у них не намерзает снег между пальцами ног.

Н. В. Ангизитова, кандидат биологических наук ИЗ ЖИЗНИ СОБАКИ БАСКЕРВИЛЕЙ

«Это была собака, огромная, чёрная как смоль... Чудовище несло по тропинке огромными прыжками, принохиваясь к следам нашего друга».

Узнали? Ну, конечно, «Собака Баскервиль», известная с детства. Я была с ней лично знакома. Она исполняла роль собаки Баскервиль в телевизионном фильме, а в жизни была черным догом по кличке Вита. С Ольгой, её хозяйкой, мы вместе учились на биофаке МГУ. Вита жила с нами, на практике, на Звенигородской биостанции. В комнате студенческого общежития стояло восемь кроватей, и свободного места оставалось ровно столько, чтобы наша «Баскервилия» могла свернуться калачиком. Но в те годы теснота не удручала ни нас, ни собаку. По утрам Вита протискивалась к каждой кровати, чтобы поприветствовать обитательниц нашей «девичьей светёлки». Вежливость, тем более заслуживающая подражания, что давалось с большим трудом: на поворотах Вите приходилось ставить переднюю часть туловища под прямым углом к задней, а обратный путь, за неимением возможности развернуться, совершался хвостом вперёд. Здороваясь, Вита приветливо улыбалась, обнажая великолепные клыки.

Очень интересное явление — собачья улыбка! Вроде бы тебе показывают зубы, но как-то по-особенному, сразу ясно, что это не угроза, а приветствие. Улыбаться умеют не все собаки. Я, например, никогда не видела, чтобы улыбались дворовые псы. Думаю, это

свойственно собакам, живущим в доме, в тесном контакте с людьми, понимающими гораздо больше, чем набор команд, которым их обучили. И вот ещё. Знатоки собачьей психики утверждают, что собаки считают своих хозяев тоже собаками, только старшими «по званию». Согласна. Но по опыту знаю, что есть и другие. Живя среди людей, они считают себя тоже людьми. Вита была из их числа. Думаю, чуть позже вы со мной согласитесь. Сначала расскажу случай с клещом.

Клещ впился мне в шею. Поскольку никто не знал, что с ним делать, Генка Соловьёв из нашей группы взял меня за руку и доставил в медпункт. Видимо, это был первый серьёзный случай в практике молоденькой фельдшерицы. Усадив меня на стул, она заметалась по комнате, готовя пинцет, скальпель, зажимы и ещё бог знает что. Когда стерилизатор был поставлен на огонь, фельдшерица профессиональным тоном объяснила, что застрявший в коже хоботок клеща может вызвать сепсис. Во избежание этого осложнения она аккуратно вырежет скальпелем участок кожи с присосавшимся членистоногим. Шрам будет небольшой. Услышав это, Генка Соловьёв побледнел и, пробормотав, что не выносит женских слез, покинул помещение. Так и осталась бы я с «небольшим шрамом», если бы не Вита. Она провожала нас до медпункта, но, естественно, осталась ждать у крыльца. Пусть тот, кто может, объяснит мне с научной точки зрения, что заставило собаку принять решение. В тот момент, когда я, покинутая Генкой, сидела, не смея возразить суровому приговору медицины, дверь с грохотом распахнулась, и в медпункт ворвалась Вита. Она опрокинула столик со стерильными инструментами, прижалась ко мне, загородив собой от фельдшерицы, и, показывая ей баскервильские клыки, сказала только одно слово: «Р-р-р-р!» — но очень выразительно. Фельдшерица выронила скальпель и с визгом выскочила за дверь. Видели бы вы, как гордо несла Вита голову и хвост, уводя меня из злополучного места. Ну а клеща я вытащила сама. Вместе с хоботком.

Прошло немного времени, и у нас на глазах разыгралась новая история. Вита влюбилась. Думаете, в какого-нибудь Джека или Рекса? Ничуть. В Генку Соловьёва. Она забросила свою хозяйку. Ольга была вынуждена носить миску с едой Генке, ибо только из его рук Вита отныне принимала пищу. Она узнавала его по звуку шагов. Она всюду ходила за ним. Но этих проявлений собачьей привязанности ей было мало. Стоило Генке сесть, как Вита садилась перед ним, с обожанием смотрела в глаза, медленно и нежно тянулась, чтобы лизнуть обязательно в губы, а лизнув, томно вздыхала. Она пыталась переселиться в Генкину палатку, но встретила решительный отпор его соседей. Несмотря на принадлежность к сильному полу, некоторые из них были решительно против соседства «собаки Баскервилей» в тёмное время суток. Наконец, Вита отчаянно ревновала Генку ко мне. Находиться с ним рядом мне было запрещено: Вита либо втискивалась между нами, либо брала одного из нас за руку и оттаскивала в сторону. При этом неприязни ко мне как таковой она не испытывала. Пожалуй, кроме одного случая.

В то время мы составляли геоботаническую карту леса с помощью рулетки, рейки и прочего нехитрого инструмента. Как-то, заработав насморк в дождливую погоду, я не пошла в лес и попросила зашедшего за мной Генку не брать Виту. Очень уж сыро было в лесу. Наташит мокрая псина воды и грязи в нашу теснотищу — не всем это понравится. Ну так вот. Девчонки разошлись по лабораториям, Генка ушёл в лес, остались мы с Витой вдвоём. А она со мной «не разговаривает», свернулась на своём пятачке, смотрит исподлобья, на мои попытки к контакту отвечает глухим рыком. А теперь скажите, каким образом поняла собака, кто виноват в том, что обожаемый Генка не взял её с собой? Когда к обеду мокрый объект собачьей любви вернулся из леса, а потребовала, чтобы он призвал свою подругу к порядку. Генка посадил Виту по правую руку, меня — по левую, погладил нас по головам и стал утешать:

— Не надо ссориться. Вита, не надо сердиться на Наташу. Наташа хорошая.

Тогда мы не знали, что в такой ситуации любая нормальная собака должна броситься на обидчика. Узнали и удивились лишь потом, когда прочли замечательную книгу о собачьих характерах «Человек находит друга» Конрада Лоренца. Удивились, потому что

Вита не стала поступать как нормальная собака. Она меня простила.

Так и работали мы втроём до конца практики. Утром Генка с геоботанической папкой заходил за нами. Я брала блокнот и карандаш, Вита — рейки и угольник. Это она делала по собственной инициативе, заметив, что именно этими штуками мы манипулируем в лесу. Экипировавшись таким образом, мы проходили через весь лагерь, вызывая добродушные шутки сокурсников, и углублялись в лес. При работе на пробных площадках Вита то и дело подавала Генке различные инструменты. Иногда невпопад, но чаще — как раз то, что нужно. Хотя её никто не просил.

А самым удивительным во всей этой истории был её финал. Через полгода, уже в Москве, мы с Генкой заехали к Ольге за каким-то конспектом — шла сессия. Всю дорогу мы гадали, как встретит Генку Вита. И не угадали. Вита подошла, обняла и равнодушно отошла. Разлюбила? Не узнала? Ох, как мы были разочарованы! Генка звал её, напоминал, стыдил — все напрасно.

А как же знаменитая собачья верность, спросите вы. Она существует. Я знаю её примеры и могла бы о них рассказать. Но у этой истории эффектного конца не вышло. Ничего не поделаешь.

Н. М. Кулюкина ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

Доброта

Наши далёкие предки, приручив диких волков и шакалов, подарили нам собак, подарили нам помощников и защитников. С годами, а вернее, с веками люди научились приспособливать собак к различным работам, а то и просто — в качестве игрушек. Так появились многочисленные породы собак.

Одна из них — сенбернар. Порода выведена специально для спасения людей в горах. Эта добрейшая собака способна в условиях горных лавин и обвалов прийти на помощь человеку. У неё добрый нрав и сильная воля.

Однажды я была свидетелем, как в школе для собак строгие инструкторы пытались обучить сенбернара догонять и задерживать нарушителя. «Нарушитель» в ватном халате бегал перед псом и старался спровоцировать нападение. Собака не реагировала. «Нарушитель» подбежал к ней, схватил какую-то вещь, видимо, принадлежавшую хозяйке, побежал прочь. Хозяйка и инструктор толкали бедного «школьника» и кричали: «Взять! Взять его!» Собака потрусила за «нарушителем» не спеша, оставляя свои метки на кочках. Метрах в трёх от «нарушителя» она села и почесалась. Тогда строгий инструктор придумал новый приём. Он подвёл к сенбернару злую овчарку, видимо, отличницу, и объявил хозяйке: «Сначала бежит „нарушитель“, затем я пускаю овчарку, а за ней — вашего добряка. Злоба должна породить злобу». И что же я увидела? Злобная овчарка настигла «нарушителя», следом мчался сенбернар, но когда овчарка взметнулась в прыжке, на неё прыгнул сенбернар и защитил (!!!) человека. Это было прекрасно. Сенбернар не смог изменить своей натуре. Вскоре этот «неспособный ученик» был отчислен из школы, так как талант инструкторов оказался слабее таланта доброты.

Укрощение

Эта овчарка была угрозой нашего района. Много жертв числилось за ней. Даже требовали её ликвидации, дабы обезопасить жизнь на нашей собачьей площадке. И вот однажды...

Однажды я гуляла со своим многопородным пёсиком в пустынном ночном дворе и неожиданно столкнулась с этой огромной овчаркой. Немая сцена. Её хозяин оказался за моей спиной. Все моё внимание и воля были направлены на овчарку. Я спокойно начала с ней

беседовать. Я сказала, что она красавица (так оно и было), что она умная и мою собаку трогать не будет. Во время таких переговоров обычно у собак исчезает агрессия, потому что даже в такой момент я продолжаю их любить всей душой. Как же они это чувствуют! Мой пёс стоял не шелохнувшись. Но ту, видимо, хозяин сделал знак напасть. И в ту же секунду огромная собака накрыла мою маленькую собачку. Раздался вопль моего любимца. Все решали секунды. Помня наставления Лоренцы, что собаки впадают в шок, если их оторвать от земли, я схватила злодея за основание хвоста, резко подняла задние ноги и так же резко припечатала их к земле (целиком-то поднять такую махину было не под силу). Овчарка замерла, тут же забыв о моём вопящем псе, медленно развернулась, и мы встретились глазами. Глаза умные. Начался немой диалог. Она: «Что это?» Я: «Уходи. Это моя собака. Нельзя трогать мою собаку. Уходи. Ты умная, красивая. Ах, какая красивая! И очень умная. Ты не тронешь мою собаку. Уходи». И даже в этот момент из меня выплёскивалась — нет, не ненависть — любовь к этой собаке. Ведь её испортил хозяин, разве она виновата? И я была услышана. Овчарка перешагнула через моего насмерть перепуганного пса и пошла, не оглядываясь, прочь. Только тут я позволила себе отвести от неё глаза и повернуться к хозяину (в острые моменты надо смотреть прямо в глаза животному). Хозяин стоял белый как снег (ведь его овчарка бросалась и на людей). Что можно было ему сказать? Только что, что его собака умнее его. К счастью.

Защитник

Этой лайке не очень-то повезло с хозяевами. Щенком он жил у одной девицы, не слишком разбирающейся в вопросах психологии собак. Затем — у легкомысленного хозяина, не баловавшего собаку своим вниманием, часто передоверяющего её другим. К году пёс был дурашливым и невоспитанным. Ко мне он испытывал самые добрые чувства и всегда радостно приветствовал. Один из временных его хозяев оказался довольно неуравновешенным человеком и, воспылав ненавистью к моей собаке, маленькой дворняжке, начал натравливать на неё свою огромную сторожевую собаку. Переговоры не дали результатов, и мы старались не встречаться.

Но однажды встреча всё-таки произошла. И когда огромная злая собака готова была напасть, этот «дурашливый бесёнок» вдруг бросился к обидчице (а они с ней были друзьями), схватил её за основание хвоста и осадил (приём собаки-медвежатницы). Та от неожиданности села, перестала лаять и вообще забыла о нас. Я похвалила защитника, поблагодарила его. А он все держал хвост, давая нам время пройти.

Через некоторое время я решила проверить, насколько случайной была эта защита. При следующей попытке нападения нашего приятеля не было рядом. Я позвала его: «Помоги! Защити!» И мой верный друг, примчавшись откуда-то со стороны, повторил приём и опять защитил нас.

Теперь я была уверена, что это умная собака с врождёнными качествами охотника и добрым собачьим сердцем.

Терпимость

Она любила животных с рождения. И не боялась их. Едва научившись ходить — а это произошло на даче, — она исчезла. Родители, все дачники сбились с ног: вокруг лес, рядом речка. Поиски не дали результатов. И тут один наблюдательный человек, пробегая в очередной раз мимо дачи, где на цепи сидела злая собака, заметил, что она почему-то сидит рядом с будкой, время от времени заглядывая внутрь (в это время у неё были щенки). Необычное поведение собаки привлекло его внимание. Позвали хозяина, потому что к цепной собаке да ещё со щенками никто не смел приблизиться. Хозяин заглянул в будку и... рассмеялся: средку щенков мирно спала та самая пропавшая девочка. В будке стало тесновато, и собака терпеливо ждала снаружи, оберегая сон своих щенков и маленького

человека.

Опекун

Жил у меня фокстерьер Дик. И породой не вышел, и родословная неизвестна: я нашла его умирающим поздней осенью возле лётных уже заколоченных на зиму дач. Видимо, поиграли летом со щенком, а в город брать не стали и выбросили, забыв о том, что щенки тоже умеют страдать. Найдёныш сразу стал членом нашей семьи, всеобщим любимцем.

Как-то к нам приехал родственник из другого города, а с ним — месячный щенок карело-финской лайки. Мой Дик начал опекать малыша. Пустил его на свой коврик, принёс ему свои игрушки. Дверь на балкон мы закрыли, потому что балкон у нас с большими щелями, а щенок был подвижный и везде совал свой маленький носик.

Мы сидели в другой комнате. Вдруг слышим лай Дика и визг щенка. Бегу на шум. И что же? Оказывается, открылась дверь на балкон. Щенок устремился туда. Но Дик, мой умный Дик, встал в дверях балкона, хотя сам очень любил сидеть на балконе и наблюдать с нашего десятого этажа за жизнью двора. Они меня не заметили. Щенок разбежался и пытался проскочить мимо Дика, но опекун ловко ловил его за нос и откидывал от двери. Щенок визжал, Дик в это время лаял — звал нас. Приземлившись, щенок устремлялся к балкону, и все повторялось: Дик ловил его на нос и откидывал, щенок визжал, Дик лаял. Тут мой умный пёс увидел меня, а щенок, ничего не замечая, уже мчался на него. Дик на этот раз поймал его не на нос, а взял за шкурку и отшвырнул от двери так, что тот проехал несколько метров по полу. Я закрыла дверь балкона. Дик в изнеможении повалился на бок, а упрямец уже бежал к нему. Тогда Дик обнял его лапами и начал переваливаться с одного бока на другой, крепко и любовно прижимая малыша к груди, а тот сразу затих и заснул.

К. А. Роговин, кандидат биологических наук ЙОВЕЙ

То были настоящие звери. Пять огромных лохматых псов наводили ужас на всех, кто вторгнулся в их земли. В сущности, власть их распространялась на территорию небольшой фактории, затерянной среди бескрайней тундры Ямала. Несколько бревенчатых домиков, два десятка чумов приютились на берегу северной речки, а вокруг, куда ни взглянешь, — равнина от края до края, и не счесть больших и малых озёр. В тундре, куда псы уходили кормиться, они вели себя совсем по-другому: были трусливы и убегали при малейшей опасности. Если не считать внушительных размеров, во внешности этих собак было мало привлекательного: обвислые уши, довольно тупые морды, злобный, голодный взгляд... Впрочем, нрав псов определялся, скорее всего, воспитанием. Их здорово били. Собаки принадлежали старику ненцу по имени Сатака, служившему на фактории водовозом. В гололёд, когда лохматый, кожа да кости, мерин Бурый бессилён был втащить от реки по взвозу наполненную водой бочку, старик ловил псов и впрягал их в сани в помощь коню. В это время его хлыст нещадно гулял по спинам и бокам зверей. Конь, сверкая бельмами глаз и дрожа больше от страха, чем от натуги, с грехом пополам вёз сани в гору, а собаки помогали ему, подгоняемые хлыстом старого ненца. Морды их были упёрты в снег. Из раскрытых пастей с вывалившихся языков стекала слюна. Они глухо храпели, взвизгивали и отрывисто лаяли. В это время в их пёсх душах, наверное, копилась лютая злоба. Они вымещали её на бродячих собаках, время от времени появлявшихся на фактории. Не однажды, по рассказам Сатаки, его псы разрывали в клочья этих приبلудившихся чужаков.

И только один пёс сумел выжить, противопоставив злобной силе своры свой гордый независимый нрав, ловкость и безусловную смелость.

Когда мы пришли на факторию, он уже жил там, прикипев к магазину. Это был маленький пёсик, весёлый и шустрый. Размером он походил на нашу карело-финскую лайку,

но был более коренастым и обладал длинной, густой рыжевато-бурой шерстью. Звали его старинным именем Йовей (вероятно, искажённая транскрипция ненецкого слова). Говорили, что в тот день, как он осел на фактории, собаки Сатаки пытались разорвать его, но он ловко уворачивался, сочетая отступление с короткими контратаками. Эти выпады маленького наглеца обескураживали псов, давая ему секундные передышки, во время которых он пытался удрать. Однако этим он провоцировал все новые и новые атаки разъярённых собак. Когда казалось, что кровавый конец неизбежен, на пути ему встретился штабель дров у стены магазина. Пёсик забился под поленья и прожил там неделю, зализывая раны и набираясь сил. Поначалу заведующий магазином, он же продавец и сторож (ненцы называли его Большим Бородатым Володей), приехавший на Ямал за длинным рублём, в отношении пса настроен был прагматически. Вечером, после того как собаки Сатаки задали чужаку трёпку, заведующий пытался извлечь полуживого пёсика из-за поленницы исключительно ради целей скорняжного промысла, но, получив довольно недвусмысленное предупреждение на собачьем языке, решил обождать — пусть, мол, подживет шкура. Швырнув за поленницу рыбьих потрохов, Володя забыл на время о собачонке. Так Йовей выжил.

Спустя три дня он уже выбирался из-за поленницы и бродил по фактории, когда собаки Сатаки спали. По утрам были видны его следы на снегу. А в один прекрасный день он появился как ни в чём не бывало на пороге магазина, дружелюбно виляя хвостом: «Может быть,пустишь погреться?», — говорил его взгляд, обращённый к Володе. И Большой Бородатый Володя, поразмыслив, впустил пса, а потом и вовсе сменил гнев на милость, забыв о затее употребить собачонку на шапку. Пусть живёт в магазине, какой ни есть, а всё-таки сторож.

Но Йовей не сделался домашней собакой, хотя и научился вскоре исполнять порученную ему работу; он стал чем-то вроде звонка в магазине Володи. Иногда он уходил в тундру и пропадал там день-другой, самостоятельно добывая себе пропитание. Иногда отсутствовал по нескольку дней подряд, и никто не мог сказать, жив ли он или погиб в схватке со сворой. Но спустя некоторое время Йовей вновь появлялся в магазине, довольный и подбодренный. В отличие от большинства домашних собак, у него не было того жалостливого, молящего о прощении, в сущности, рабского взгляда, которым так часто восторгаются люди в своих холёных аристократических и бесполезных собаках. Йовей был независим.

Нужно сказать, что нравы на фактории царили весьма жестокие (была середина семидесятых годов). Большой Бородатый Володя вёл себя как хозяин не только в отношении к не принадлежавшему ему магазину. Он держал в кулаке окрестных спившихся ненцев и коми, которые за бутылку водки выкладывали шкурки песцов, пыжиков, попадали к завмагу в кабалу. Как говорится, до бога высоко, до царя далеко... Мне самому пришлось видеть, как Большой Бородатый Володя раздавал тумачи несчастным пьяницам, которые плохо ему сослужили, или вышвыривал их пьяных на двадцатиградусный мороз из магазина, и они, кубарем скатившись с крыльца, тут же засыпали в снегу в своих малицах. Было в поведении Володи много отвратительного, может показаться даже, малореального для наших дней, что-то скорее напоминавшее персонаж рассказов Джека Лондона... Увы, Север есть Север, и он далеко не всегда влечёт к себе сильных и смелых, а главное, чистых духом людей. Поэтому не было ничего удивительного в том, что и с Йовеем Большой Бородатый Володя был тоже не мягок. Не однажды его тяжёлый сапог готов был опуститься на голову пса. Но в том-то и состоял секрет кобелька, что он всегда выходил сухим из воды. Ловко уворачиваясь от ударов, он забивался то под шкаф, то под лавку и, улучив момент, выскакивал на двор. Порой, почувствовав недоброе в настроении Володи, заранее исчезал с глаз долой скитаться по тундре. Словом, Йовей не считал Володю хозяином. Он жил в магазине как бы по договору, как это делает не собака, а кошка, которая ловит мышей в уплату за проживание.

Когда наша экспедиция разбила лагерь на другом берегу реки, в километре от фактории, Йовей на другой же день появился среди палаток. Это была, конечно, инспекция. Он тотчас заявил посредством поднятой задней лапы, что земля под лагерьем принадлежит и

ему тоже, после чего милостиво согласился принять пищу. Что привлекло его в лагерь, сказать трудно. Сомнительно, чтобы это был только корм. Ведь он не был худым и, по всей видимости, прекрасно добывал пропитание, охотясь в тундре. Может быть, ему понравились новые лица, весёлый нрав незнакомых людей или, может быть, наши песни у костра. Он мог их слушать часами. Вскоре Йовей совсем перебрался к нам в лагерь. Он неизменно сопровождал нас в маршрутах, ждал с нетерпением начала каждой экскурсии и был поистине неутомимым спутником.

Однажды, когда мы шли вверх по реке на моторе, он пробежал по берегу не менее семидесяти километров почти без остановок. Раза два, когда силы его совсем оставляли, он кидался в воду наперерез лодке, и мы, приглушив мотор, затаскивали его на борт. Его начинали гладить, предлагали пищу, но, не выдержав и пяти минут, он вновь прыгал в воду и, доплыв до берега, мчался за лодкой.

Сообразительность его была удивительна. Не однажды мне приходилось бродить с ним по тундре. По-видимому, никем не натасканный для подружейной охоты, он обладал природным даром находить и выпугивать птицу. Но что замечательно — буквально с третьего раза он научился делать это на расстоянии выстрела, а вскоре уже выносил на берег упавшую в воду утку.

Как-то раз, уже осенью, в поисках куропаток мы ушли с ним по ёрникам довольно далеко от лагеря. Вдруг сделалось пасмурно, потянул ветерок, пошёл снег. Через полчаса началась настоящая снежная буря. В десяти шагах ничего не было видно, кроме сплошной стены из метущихся мелких снежинок. Я не на шутку встревожился, повернул в направлении к дому. Выбирайся я в одиночку, непременно бы заблудился. Но Йовей уверенно трусил впереди и вскоре вывел меня напрямик к дому.

Много раз ходили мы с ним на охоту, наслаждаясь суровой красотой северной природы. Ни с чем не сравнимы пронзительно-яркие краски осенней тундры: красные заросли ёрника, жёлтые, оранжевые, малиновые листья морошки, бордовые, с ещё не опавшими сизыми, ягодами кустики голубики. Под ногами звонко хрустит ранний тонкий ледок. В прозрачном, каком-то удивительно глубоком сентябрьском небе сияет низкое солнце. Никогда не забыть это дивного времени ранней молодости, первых зоологических экспедиций, когда все вокруг наполнено таким большим и одновременно таким ещё неопределённым смыслом, который если и можно выразить, то разве только словами «все впереди».

Мы выбирались с фактории в конце октября. Уже стояла зима. Навигация на реке прекратилась, но зимний тракт по льду ещё не был открыт. Не без труда связавшись по радио с городом Салехардом, нам удалось заказать вертолёт. Он прилетел неожиданно скоро, сел перед домом Володи. «Две минуты на сборы, — скомандовал старший пилот. — Двигатель не глушим: вот-вот не будет погоды...» Мы на скорую руку побросали в кабину кое-как увязанное снаряжение. Некогда было решать, как обойтись нам с Йовеем. «Ну что? Полетишь с нами?» — кто-то спросил пса, присев на корточки и протянув ладонью вверх руку. Он бегал, нервничал и поскуливал, сбитый с толку происходившей вокруг него суматохой. Ждать было некогда. Его подхватили, забросили в кабину. Потом был перелёт через заснеженную зимнюю тундру, долгий путь поездом в Москву, городской транспорт, толпы людей, незнакомая, чужая псу обстановка подъезда многоэтажного дома. Он стал жить у одного из членов нашей экспедиции в удобной городской квартире. Недели две все, кажется, шло хорошо. Не составило труда приучить кобеля делать свои дела на дворе. Он терпеливо ждал нового хозяина, радовался его возвращению с работы. Выбежав на улицу, начинал неистово скакать, кружиться волчком, припадая на передние лапы, приглашал поиграть с ним взапуски. Казалось, не было конца его радости.

И всё же в поведении Йовея что-то изменилось, хотя многие этого не замечали. Временами пёсик делался скучным. В эти короткие периоды в его прежде таком жизнерадостном взгляде появлялась тоска. Так продолжалось недолго.

Как-то, выведенный на прогулку, Йовей убежал. Да, именно убежал. Будто забыв все,

он потрусил своей дорогой куда глаза глядят. Хозяин его замешкался, отвлёкся разговором с соседом, а когда спохватился, пса уже не было. Его звали, пытались идти по следу. Куда побежал Йовей? Что заставило его бросить очередного хозяина? Что случилось с ямальским скитальцем в огромном, бесспорно враждебном ему городе? Все это остаётся загадкой. Думаю, он встретил в Москве куда больше опасностей, чем те, которым бесстрашно противостоял, живя в родной стихии северного края. Он мог попасть под машину, сделаться лёгкой добычей собачников-живодёров или быть растерзанным городскими бездомными псами, нравы которых, в отличие от собак Сатаки, были ему незнакомы. Но, может быть, он почувствовал зов Севера и пустился отыскивать путь на свою далёкую родину, точь-в-точь как описал это в своих рассказах и повестях Джек Лондон. А уж он-то знал толк в собаках.

Е. В. Котенкова, кандидат биологических наук ПРО РЕЮ, ОУНЛИ И ПЛЮШУ

В течение трех летних сезонов мне довелось жить на биостанции бок о бок с ручным сурком байбаком по кличке Плюша. Плюша был толстым, симпатичным увальнем. Когда я впервые с ним познакомилась, зверьку было всего несколько месяцев. В детском возрасте Плюша любил всех людей и позволял гладить себя и брать на руки. К сожалению, к году у него появился весьма существенный недостаток, который сильно осложнял его жизнь в коллективе: он стал признавать только свою хозяйку и ещё двух-трех «избранных». Со всеми остальными он расправлялся быстро и решительно: распушившись, медленно переваливаясь, сурок подходил к своему «врагу», угрожающе стуча зубами, потом поднимался на задние лапы, делая «столбик», и если вы тут же не ретировались, обнимал вашу ногу на уровне колена и жадно впивался в неё зубами.

Одно лето в наш коллектив, членом которого был и Плюша, входили ещё два ньюфаундленда, носившие клички Рея и Оунли. Собаки были хорошо воспитаны, твёрдо усвоив правило «не обижать маленьких», они не проявляли враждебности по отношению к другим домашним животным. Обе быстро привыкли к обществу Плюши, а сурок очень скоро перестал их бояться и даже для острстки иногда стучал зубами, подходя к носу лежавшей Реи. Рея была старше Оунли и прекрасно знала, что хорошо и что плохо. Поэтому когда Плюша в наше отсутствие позволял себе слишком много, например, пытался залезть на письменный стол или, забравшись на стул, грыз подоконник, Рея тут же вскакивала и начинала громко на него лаять. Сначала эти воспитательные меры благотворно действовали на сурка, и он оставлял недозволенные занятия. Через некоторое время Плюша убедился, что Рея не переходит к другим, более активным действиям, и перестал воспринимать её «предупреждения» всерьёз. Его взаимоотношения с Оунли были более сложными. По её мнению, основным недостатком воспитания Плюши была агрессивность по отношению к людям. Меня она постоянно защищала от Илюшиных нападков, ложась на пол так, чтобы он не мог приблизиться ко мне неожиданно, оставшись незамеченным. Её воспитательные меры были куда строже и действеннее, чем у Реи. Как только сурок пытался приблизиться к моему стулу с явно недобрыми намерениями, Оунли вскакивала на ноги, после чего следовал быстрый удар лапой, от которого Плюша превращался в «летающего сурка», шлёпаясь на пол в двух-трех метрах. Если это не охлаждало боевого пыла байбака, то Оунли пускала в ход зубы, схватывала Плюшу за шиворот и слегка прижимала его голову к земле, впрочем, не причиняя ему ни малейшего вреда. Однако морально Плюша бывал полностью уничтожен и, подчиняясь грубой физической силе, отходил на безопасное расстояние и начинал жалобно кричать.